

Лариса Щавинская
Юрий Лабынцев

Литература белорусов
Польши
(XV–XIX вв.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА БЕЛАРУСИ

Лариса Щавинская
Юрий Лабынцев

Литература белорусов Польши (XV–XIX вв.)

Минск 2003

УДК 002.2 (438) (091) (826)
ББК 76.116.3 (44П) + 76.116.3 (4 Бел)
Щ15

Ответственный за выпуск Т. И. Р о щ и н а

Щавинская Л., Лабынцев Ю.

Щ15 Литература белорусов Польши (XV–XIX вв.) / Рос. акад. наук; Ин-т славяноведения; Нац. б-ка Беларуси. – Мн., 2003. – 228 с.

ISBN 985–6557–28–3.

Книга посвящена одному из ключевых моментов истории тысячелетнего взаимодействия европейских культур Востока и Запада, миров Slavia Orthodoxa и Slavia Romana. Опираясь на анализ огромного фактического материала, собиравшегося в течение многих лет, авторы раскрывают богатейшую духовную основу, помогавшую белорусскому населению современной Польши на протяжении столетий сохранять свою самобытность и развивать родную культуру.

Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Щ 4503010100–002 8–03
М 332–03

ББК 76.116.3 (44П)

ISBN 985–6557–28–3

© Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л., 2003

© Национальная библиотека Беларуси, 2003

ВСТУПЛЕНИЕ

Западнобелорусская проблематика начинает все активнее изучаться в различных странах. Однако, если речь вести о литературном процессе, то исследования эти затрагивают почти исключительно ушедшее столетие, отчасти несколько десятилетий XIX в. Времена более ранние представлены предельно избирательно – лишь на уровне единичных произведений, авторов. И только. Причин подобной избирательности множество, но главная из них – огромные сложности с источниковой базой. Проще говоря, незнание самих произведений этой литературы, их неизвестность, неоткрытость. Забвение это едва ли может быть оправдано, так как в хранилищах ряда стран до сих пор сберегается огромное число западнобелорусских литературных памятников, начиная с древности, гордиться которыми могут не только одни белорусы, но и все восточные славяне, даже славянский мир в целом.

Однако случилось так, что о западнобелорусской литературе и книжности древней поры, то есть до XVIII в. включительно, можно сказать словами молодого украинского профессора И. Лобойко, оказавшегося в начале XIX столетия в столице бывшего Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского: «Когда я в 1822 г. приехал в Вильно, я весьма удивлен был письменным памятникам белорусского наречия, но мое удивление еще более возросло, когда я увидел, что здешние архивы по большей части ими наполнены» [1]. Конечно же, все это пребывало, по словам И. Лобойко, во «мраке забвения» [2].

Как ни странно, именно в таком, почти долобойковском, состоянии по сей день находится все, связанное с изучением основного корпуса древней западнобелорусской литературы. По существу по-настоящему не поставлен даже вопрос о целостном ее существовании и непрерывном развитии на протяжении столетий. Еще сложнее с одной из важнейших частей этой литературы и книжности, создававшихся на крайних западных рубежах Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского – на территориях, находящихся ныне в составе современной Польши, где веками жили и живут белорусы и их древние предки. Нельзя сказать, чтобы регион этот был вовсе не замечен славистами. Одно упоминание о знаменитейшей *Супрасльской рукописи* XI в. – гордости

славянства, сберегавшейся здесь, заставляет пристальнее всматриваться в литературное пространство этого обширного края. Однако, сделать это совершенно невозможно без огромной подготовительной работы по собиранию и анализу местных памятников письменности и литературы, до сих пор не только должным образом не изучавшихся, но даже и не регистрировавшихся, хотя бы первично. Сделать же подобное относительно столь продолжительного отрезка времени – практически полтысячелетия задача, без сомнения, фундаментальная. Опираясь на анализ огромного фактического материала, собиравшегося нами в течение многих лет [3], хотелось показать необычайно богатое собрание древних духовных сокровищ белорусских этнических земель современной Польши [4], входящих как особая и во многом автономная часть в единое культурное пространство восточнославянских народов и одновременно являющихся важнейшей областью почти тысячелетнего взаимодействия культур миров *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* [5].

Первые опыты собирания подобных материалов были нами предприняты около тридцати лет назад и затем осуществлялись с большей или меньшей интенсивностью в продолжение всего последующего времени. К настоящему времени нам удалось собрать значительный архив копий всевозможных источников, позволяющий отвечать на множество вопросов исторической, культурной, литературной и иной гуманитарной тематики, связанной с этой частью Европы, взаимодействием ее главнейших культурных традиций начиная с эпохи Средневековья. В поле нашего внимания попали не только литературные памятники, но и иные весьма разнообразные свидетельства литературной жизни – практически весь возможный арсенал источников, классификационная характеристика которых порой является своего рода типологической новацией, ибо они никогда или почти никогда не привлекались исследователями. Например, многие палеотипические свидетельства.

Если речь вести о самих литературных памятниках, то в подлинниках, созданных в рассматриваемый период, они сохранились начиная с XV в. Местное литературное творчество становится особенно заметным со второй половины XV в., а в его конце и начале XVI столетия оно приобретает весьма яркие черты, превращаясь в явление не только западнобелорусского и всебело-

русского, но и восточноевропейского масштаба. Итогом нашей археографической и литературоведческой реконструкции стало открытие огромного числа произведений множества видов и жанров на нескольких языках, которыми пользовались местные старобелорусские литераторы. То, что нам удалось собрать и реконструировать, – пожалуй, одна из самых представительных источниковых баз европейской региональной литературной традиции за всю ее историю, ведя отсчет от древности. Для нас необычайно важен был также общий и частный литературный контекст этой традиции, с которым она оказалась теснейшим образом связанной. Отсюда наш интерес к литературной и книжной культуре этих земель вообще. Огромный фактический материал часто позволял делать всевозможные обобщения, иногда даже предпринимать на отдельных исследуемых участках попытки формализации в той или иной степени, что в итоге давало право использовать для анализа различные количественные методы, нередко с применением специального компьютерного программирования, то есть компьютерный анализ различного уровня [6].

Новейшие информационные технологии и математические методы позволили сгруппировать часть накопленного нами материала таким образом, что он составил своего рода базы данных, «живущих», так сказать, своей особой жизнью, и являющих в представленной подобным образом совокупности особые качества, параметры которых могут быть зримы лишь в случае использования нетрадиционных исследовательских техник. Попутно эти базы дают необычайно много для изучения истории тех или иных языков на этих землях, причем в случае последующего создания полнотекстовых баз, а тем более информационных систем (системы) позволят вести самый широкий лингвистический поиск в автоматическом режиме, не исключая и подготовку специальных словарей.

Особая тема нашего исследования – западнобелорусская литературная среда XV – начала XIX в. Основываясь на наших изысканиях удастся восстановить не только отдельные события и моменты в жизни данного литературного сообщества, но и почти в деталях проследить всю его судьбу за весь многовековой период.

Уже в XV столетии местные православные литераторы, преимущественно представители монашества, приходского белого

духовенства, мещане и шляхта, теснейшим образом связанные между собой этнокультурными и вероисповедными узами, закладывают прочные основы создания собственной литературной традиции, которая затем оказывается представленной произведениями нескольких собственных литературных школ и направлений. Иерархия тамошнего литературного сообщества все более усложняется, что становится особенно заметным во второй половине XVI–XVII вв. Близость к западному миру, к католицизму довольно рано поставила перед здешними православными многие принципиальные вопросы, ответ на которые практически всегда предполагал и некую, поначалу не слишком явную констатацию своей национальной особенности. Постепенно формировалось то, что в XIX в. уже можно будет назвать белорусским национальным движением, истоки которого находятся именно здесь [7].

Подготавливая предлагаемую книгу к печати, нам хотелось представить в ее главах своего рода зримый хронологический срез основного массива литературы белорусов Польши XV–XIX вв., показать на примере отдельных литературных событий и явлений динамическую, во многом неожиданную картину развития собственной национально-культурной и религиозной жизни на этом крайнем пограничье между Западом и Востоком Европы.

1. Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н.П. Румянцевым. М., 1864. С. 45.

2. Указ. соч. С. 46.

3. См., напр.: Лабынцев Ю.А. Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978; Он же. Старопечатные издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. М., 1979; Он же. Славянская кирилловская печатная книжность XV – первой четверти XVII в. М., 1982; Он же. Пачатае Скарынам: Бел. друк. літ. эпохі Рэнэсансу. Мінск, 1990; Он же. Ставшие ее частью. М., 1990; Толкачева (Щавинская) Л.Л. Никита Иванович Горбачевский. Минск, 1991; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная церковь на Белостотчине в работах протоиерея Григория Сосны. Минск, 1994; Они же. Супрасльский церковнославяно-польский словарь 1722 г. Минск, 1995; Łabyncew J., Szczawińska Ł. W mieście zwanym Zabłudowem. Białystok, 1995; Лабынцев Ю.А. Воссиявший нам на Руси. Гомель; Москва, 1996; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996; Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.

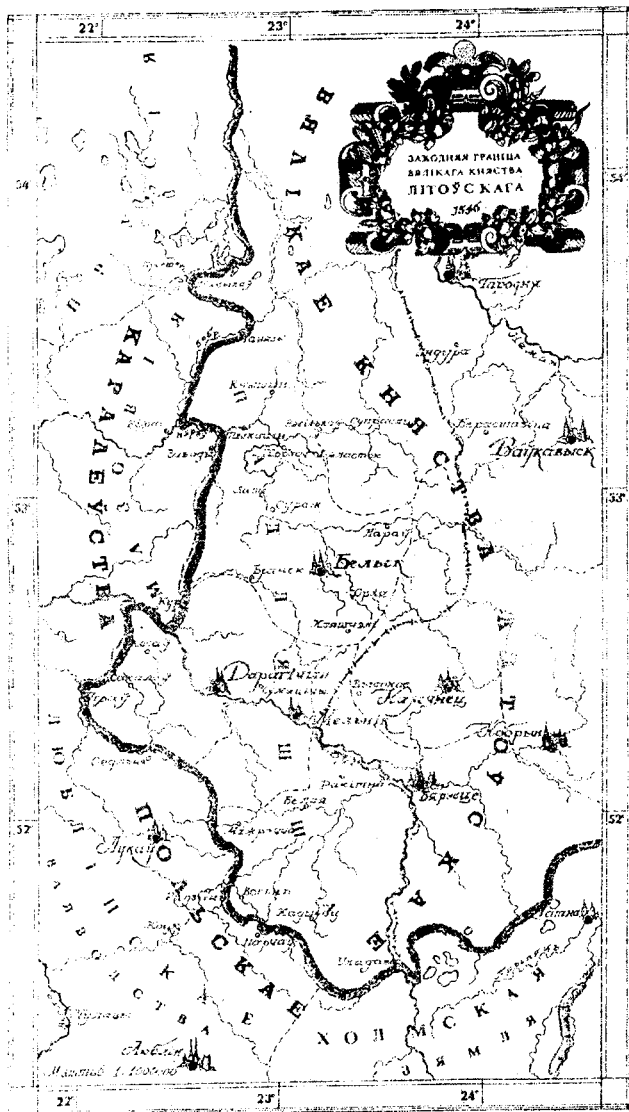
Минск, 1998; Лабынцев Ю.А. На благое просвещение. Минск, 1999; Labyncew J., Shchavinskaja L. La littérature biélorusse de la Pologne: Des sources vers la modernité. Krynki. 2001 и др.

4. В последние годы много самых различных материалов нам удалось собрать экспедиционным путем. См., напр.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исслед. и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999; Они же. Православная литература белорусов современной Польши: Материалы экспедиц. исследований 1999 г. М., 2000; Они же. Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск, 2001 и др.

5. См., напр.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Изучение церковнославянской книжной традиции в рамках Международного исследовательского проекта «Slavia Orthodoxa et Slavia Romana: Взаимодействие славянских миров: Духовная культура Подляшья» // *Slavia Orientalis*. 1994. №3. С. 373–379; Они же. Международный исследовательский проект «Slavia Orthodoxa et Slavia Romana: Взаимодействие славянских миров: Духовная культура Подляшья» // *Computing Processing of Medieval Slavic Manuscripts*. София, 1995. С. 168–176 и др.

6. См., напр.: Щавинская Л.Л. Квантитативная характеристика литературного ландшафта западной пограничной части Великого княжества Литовского середины XVI в. // *Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века*. Вильнюс; Москва, 1999. С. 130–144; Щавинская Л.Л., Лабынцев Ю.А. Западноевропейская Библия в белорусском культурном пространстве периода романтизма: Квантитативная характеристика некоторых сторон коммуникац. процесса на пограничье Запада и Востока Европы // *Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании*. М., 2000. С. 207–208; Szczawińska Ł. *Habent sua fata manuscripta: Pierwsze lata klasztoru supraskiego* // *Studia Polonica*. М., 2002. С. 145–150 и др.

7. См., напр.: Лабынцев Ю.А. Русская элита пушкинской поры и культурное наследие Великого княжества Литовского. Деятельность профессора И. Даниловича // *Пушкін–Беларуская культура–Сучаснасць: Беларусіка-12*. Мінск, 1999. С. 11–19; Щавинская Л.Л. Румянцевское десятилетие пушкинской эпохи и зарождение белорусской гуманитарной науки: Исследования о Михаила Бобровского // Там же. С. 210–217; Лабынцев Ю.А. Н.П. Румянцев и изучение белорусско-литовского летописания и права // *Н.П. Румянцев и славянская культура*. М., 2000. С. 40–51; Щавинская Л.Л. Н.П. Румянцев и начало белорусоведческих исследований // Там же. С. 51–61; Лабынцев Ю.А. Письменное наследие Великого княжества Литовского в глазах первенцев польской и русской гуманитарной науки: Виленская школа и профессор И.Н. Данилович // *Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. М., 2002. С. 321–331; Щавинская Л.Л. У истоков славяноведения: Польско-русский диалог и о. Михаил Бобровский // Там же. С. 332–343 и др.

Схематическая карта западной границы Великого княжества Литовского с Подляшьем в 1546 г. (по Л.Р.Козлову)

БИБЛИЯ В ЗАПАДНОБЕЛОРУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На картах мировой библеистики Беларусь по-прежнему предстает настоящей *terra incognita*. В самом начале третьего тысячелетия от Рождества Христова ученому миру, преимущественно славянскому и славистическому, более или менее известно лишь о деятельности великого полочанина – доктора Франциска Скорины.

Собственно самой белорусской библеистики как науки, а тем более источниковедческой и историографической ее части, до сих пор, а точнее до самого последнего времени, как бы и не существовало вовсе. Это приводило и приводит к тому, что огромный источниковый материал белорусского происхождения, лишь иногда привлекавшийся исследователями разных стран и только в небольших фрагментах, не создавал целостной картины, а часто способствовал путанице, нередко проявляемой по сей день. Вместе с тем, история Библии в Беларуси не только необычайно богата, но и во многом неожиданна, что приводит в целом ряде случаев к необходимости пересмотра немалого числа устоявшихся воззрений в отображении самых различных сторон жизни библейских текстов в европейском культурном пространстве, преимущественно центрально и восточноевропейском.

Дабы не быть голословными, постараемся хотя бы абрисно дать перечень нескольких важнейших моментов такой истории в самой западной части Великого княжества Литовского – на Подляшье. При этом будем основываться на анализе преимущественно собственных многолетних наблюдений над богатейшей духовной культурой данного обширного пограничного региона на пути тысячелетнего взаимодействия Запада и Востока Европы, места давней встречи *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*. Не случаен и выбор социальной среды – монашеской и монастырской, ибо именно она, будучи на протяжении столетий последовательной носительницей этнокультурных начал, в той или иной форме довольно точно фиксировала, анализировала и отображала практически все важнейшие события, случившиеся в этой части Европы, тем более в сфере духовной, религиозной. Чрезвычайно важно и то, что по сей день те или иные следы подобного отображения, зафиксированные в основном в письменной форме, чаще пред-

ставляющие собой различной степени трудности загадку, сохранились. Правда, один лишь поиск подобных следов нередко длится годами.

Первые памятники кирилло-мефодиевской традиции на Подляшье

Разговор об этом было бы правильнее начать с упоминания о находке, сделанной сравнительно недавно известным польским археологом профессором Варшавского университета Е. Гонсовским вблизи юго-западной границы Подляшья в Подеблоце. Его экспедиции удалось найти небольшие таблички с фрагментами надписи (надписей), возможно, свидетельствующей о том, что христианские общины «восточного обряда» появились на этих землях уже в IX в.

Собственно библейские тексты стали распространяться на Подляшье очень рано. Причем именно здесь сходились два вектора христианизации и христианской цивилизации этих земель – западной и восточной. Именно здесь началась и христианизация балтских народов в лице ятвяжских племен, яркой отправной точкой чего стала трагическая миссия архиепископа Брунона из Кверфурта 1009 г., более известного в Польше под именем св. Бонифация, главного патрона ломжинской католической епархии [1].

В сердце подляшской земли – древнем Бельске первые христианские храмы появились очень рано. Были они православными, а в XV в. в городе был построен первый католический костел [2]. В 1280-х гг. волынский князь Владимир Василькович «книжник великъ и философъ, акого же не бысть во всей земли», как свидетельствует летопись, «у Бельску подстрои церковь иконами и книгами» [3]. Просветительскую деятельность этого князя можно сравнить лишь с деяниями Ярослава Мудрого [4]. Собственно летописное свидетельство о книгораспространительской деятельности князя Владимира Васильковича – наиболее ранний и полный документ о масштабах и характере книжного делания в восточной части Европы, в основном касающегося библейских, преимущественно новозаветных, текстов. На исходе XV столетия Подляшье и в частности г. Бельск не только продол-

жали оставаться оплотом православной книжной культуры, но и в значительной мере способствовали ее упрочению в границах Великопольского княжества Литовского. Древний бельский Свято-Николаевский православный монастырь [5], роль которого необычайно возросла в XVI–XVII вв., а в XVIII столетии и вовсе явилась чуть ли не уникальной для православного сообщества Речи Посполитой [6], наследовал традиции местной кирилловской книжности и саму книжность, распространявшуюся в южной части Подляшья, относящейся к Владимирской епархии. Бельск дал и такого замечательного книжника и монастырского строителя, как о. Пафнутий Сегень – первый настоятель Супрасльского Благовещенского монастыря, частично перенявшего и сберегшего до наших дней образцы бельской кирилловской книжности [7].

Первые опыты создания православного свода ветхозаветных текстов

«В лето семь от начала миру 7008 го (1500) индикта 3 дозволением вельможного пана, его милости пана Александра Ивановича Ходковича, начася съзидати сий монастыр, оу его отчинной пуци блоудовской на край реки Супряслы, верою и любовью, желанием и трудом многогрешнаго священноинока игумена Пафнотия, родом из Бельска. И перьвие съоружися церковь невелика в имя святого Иоанна Богослова, и святися нареченным митрополитом Иосифом, и трапеза на прихождение братий. Потом, в лето 7011, индикта 7, съоружена бысть великая церкви пречистыя богоматере честнаго ея благовещения, со приделы святых великомученик благоверных князей русских Бориса и Глеба, нареченных в святом крещении, Романа и Давида и преподобных святых отец строителей печерских, и начяльник общемоу житию Антония и Феодосия богом спасаемого града Киева, в роустей земли. Сия же святыя божих церкви священны быша освященным епископом нареченным митрополитом киевским и всея роуси. кир Ионою. месяца октоврия в 15 день на память преподобнаго отца нашего Еуфимия новаго, и святого мученика Лукиана, презвитера великия антиохия, индикт 7» [8].

До наших дней сохранился целый ряд рукописных книг, которые были принесены в создававшийся монастырь монахами или же были переписаны в нем в первые годы его существования.

Одной из самых ранних рукописных книг является *Беседы Григория паты римского* – роскошный пергаменный кодекс XIV в., написанный изящным уставом, отлично сохранившийся [9]. Эта рукопись скорее всего попала в Супрасль издалека, возможно и с Афона, откуда по отдельным свидетельствам прибыли некоторые монахи [10]. О месте написания Бесед можно строить лишь предположения, но несомненно, что это не Великое княжество Литовское. Рукопись скорее всего носит черты балканского происхождения – «звериный стиль» орнамента, письмо, язык и т.д. Об этом достаточно определенно сказал еще Ф. Добрянский: «Уже из приведенных кратких выписок видно, что рукопись эта, судя по языку, – древняя и притом списана с оригинала, очевидно, южного, болгарского происхождения» [11].

Ценнейшую информацию для нас заключает древний переплет этой книги. Возможно, он сделан уже в Супрасле и, таким образом, иллюстрирует начальный период одной из сфер деятельности новой крупной монашеской обители – книгопереплетного искусства, одинаково важного как для каждого монастырского скриптория, так в особенности для библиотеки. В первой известной по времени описи библиотеки Супрасльского монастыря 1557 г. эта рукопись описана в числе книг, имевшихся уже в первой трети XVI в., так: «Книга другая Григория двоеслова на паркгамене» [12].

Древнейшей местной рукописью, переписанной в 1496 г. в одном из стариннейших восточнославянских городов Бельске [13], является *Пролог* (март–август) [14]. Опись 1557 г. также упоминает ее в числе первых книг монастыря: «На весь год 4 прологи, а в кождом по три месяцы. А у пятом пролозе 6 месяцев» [15]. В колофоне этой рукописи читаем «свьршившему книгу сию в лет 7004 индик 14 врулет 3 а желанием пана Солтана Солтановича наместника бельскаг» [16].

Пролог этот указывает на прямую связь Бельской земли с Киевом. В нем, например, содержится слово о перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского (14 августа. Л. 458).

Вероятно, первой книгой, созданной в самом монастыре, является его пергаменный *Суботник или поминик (Синодик)*, который начал составлять о. Пафнутий Сегень. Исчезнувшая в первое двадцатилетие прошлого века рукопись *Синодика*, частично изданная [17], сохранилась в точном списке 1631 г. [18]. По сути своей древний *Синодик* и его список со многими дополнениями являются самой точной летописью монастыря. Многие их листы представляют собой самую настоящую хронику монастыря и содержат сведения, более нигде не зафиксированные [19].

Оригинал пергаменного *Супрасльского синодика* содержал около 50-ти записанных листов. Каждый лист был заключен в киноварную рамку, а некоторые из них, в том числе первый, украшены заставкою. Письмо в основном уставное и полууставное с употреблением вязи. Киноварью были выписаны многие буквы, прежде всего заглавные, а также заглавия и отдельные начальные строки.

На первом листе *Синодика*, видимо, рукой самого о. Пафнутия Сегеня было записано следующее: «се аз худый и недостойный и многогрешный раб Иисуса Христа Пафнутий, Богом понужден и святою Богородицею и молитвами святаго великаго Иоанна Богослова, апостола и евангелиста, возлюбленнаго ученика Божия и всех святых. О церкви имея попечение и Богом порученном ми стаде братства нашего сея честныя новоцветущия Лавры и о прежде отшедших душ отец и братия наша. Понудихся съписать поминание се на утешение благоверным христианом и на помощь душам их, и на поминовение у страшный час грознаго онаго трепернаго дне, его же помняще благоверни христиане и имеюще в уме своем день великий, въписываются в книги сия животныя, дающе от остатка своего часть и десятину Святой Госпоже Богородице, Ея же молитвами прияти нам прощение грехов и избавитися от страшнаго мучения и получитьи царство небесное и жизнь вечную. И се уставих уписати братство, клирос наша святыя Богородицы, упоминанием субботы, и кутию и просфуры им урядох. И аще кто сей устав разрушит, или тайно кого кто упишет, да буди тому с Иудою часть и с подобными его» [20].

Супрасльский синодик имел формат в 2⁰, то есть «в десть» и был оправлен в украшенную тиснениями кожу. Первоначально переплет синодика украшали также различные серебряные с позолотой накладки. Любопытно, что оборот верхней крышки

переплета синодика был подклеен «старою рукописью, в которой говорится о ней как о книге и трактуется о вере, которая имеет стоять до конца всего мира, до захода солнца. Вверху этого древнего листка сделаны позднейшие записи о вкладыях» [21].

По составу текстов пергаменный синодик Супрасльского монастыря представлял собой весьма разнообразный сборник, в котором можно выделить следующие основные группы: 1) летопись возникновения и первых лет жизни монастыря; 2) завещание первого настоятеля о. Пафнутия; 3) уставные тексты, в том числе касающиеся внутримонастырского богослужения; 4) собственно сам синодик или помянник, включающий огромное число имен православных всех сословий из различных мест Европы, включая и далекую Московию.

Пожалуй, пергаменный синодик на всем протяжении истории Супрасльского монастыря был его особой, самой заветной книгой, сберегаемой как никакая другая. Совсем не случайно первый настоятель монастыря написал о нем: «Поминание святое сий суботник сея святыя Церкви Пречистыя Богоматери честнаго ея Благовещения Богом спасаемая наша новоцветущия обители, еже есть в пустыни в край реки Супреслы, под благословением и державою Митрополита Киевскаго и всея Руси.

Сия книги спасеня и душеполезныя суть, в них же написашася хотящей душам своим спасения и помощи в страшный и великий день грознаго и трепетнаго Христова суда. И сими ключами избавитися от муки и причьститися в лики святых и праведных, угодивших Христу и потрудившихся Бога ради и пострадавших Царствия ради Небеснаго и своего дела спасения, его же ради и восприяша венцы нетленные и царству небесному наследницы быша. Ему же Господи Боже наш молитвами святых и нас сподоби наследником быти небеснаго жития видети и насладитися неизреченнаго и неисповедимаго твоего света и радости неизглаголанная и пищи, о Христе Иисусе Господе нашем, аминь. Овии же написашася и пишутся во здравие по вся дни мольбою и просфурою. Друзии же во суботы мольбою и кутиною и просфурою. Имя же в панафиде трижды год до года. Сии все написашася ляблящей душу свою и хотящей видети вышний святыи Иерусалим и чающе милости Божия и желающе с Христом в царствии небесном, Ему же честь и слава» [22].

«В лето семь тысящ пятое на десять [то есть в 1507 г. – Ю.Л., Л.Щ.]... месяца февриалия 21... в монастыри пречистыя благовещения, нарицаемом Супрасле» было закончено написание выдающейся по значению книги – хорошо известного ныне исследователям многих стран *Супрасльского сборника* 1507 г. [23]. О себе писец рукописи, назвавшийся Матфеем Десятым, подробно рассказал в обширной текстовой концовке «О написавшем книги сия» на л. 476об.–477. Рассказ этот, написанный как и рукопись «при игумене Пафнутии», раскрывает широкую картину духовного общения восточных славян на огромных пространствах Московии и Великого княжества Литовского. В списке мест, упоминаемых Матфеем в связи в историей создания рукописи и его собственной жизнью, а он был выходцем из города Торопца («очьство имеаше в граде Торопци»), десятым мальчиком в семье, Вильна, Супрасль, Новгород, Полоцк, Киев и др. Его братья и сестры настоятельствовали и монашествовали в монастырях Полоцка, Новгорода, Торопца, Киева и др.

По предположению Е.Л. Немировского, рукопись Матфея в Супрасле мог видеть и первопечатник Иван Федоров [24]. Исследователь даже находит совпадение некоторых выражений в текстах Матфея и первопечатника, который мог их заимствовать у супрасльского писца. Впрочем, определение писца в данном случае не только не точно, но скорее и вовсе не употребимо. Матфея Десятого в полной мере можно назвать создателем рукописи, которая по своему составу была ничем иным как сводом библейских книг. В этом смысле по своему значению она вполне сравнима со знаменитой *Геннадиевской библией* 1499 г. [25].

Матфей предстает перед нами как выдающийся ученый книжник своего времени, имеющий, по его же собственным словам, призвание к этому свыше: дабы «не скрити таланта от бога преданного ми», он «восхотех написати своєю рукою» эту книгу. Составителем и переписчиком этого объемного сборника была проделана гигантская работа, длившаяся почти шесть лет. Он был и археографом, и текстологом, и редактором, и, наконец, собственно писцом и художником книги. О последней стороне таланта Матфея следует сказать особо, ибо его сборник – замечательнейший мировой образец искусства средневековой книги. Для историка литературы она представляет первостепенный интерес

прежде всего как особое хранилище редчайших текстов, связанных с традицией библейских переводов в средневековую пору. Вместе с тем, можно однозначно сказать, что этот интереснейший во всех отношениях сборник, представляющий собой настоящее историко-культурное явление, еще ждет своего монографического исследования.

Такое исследование, несомненно, будет сопряжено с множеством специфических трудностей, прежде всего связанных с недостаточной изученностью культурного и литературного процесса у восточных славян на крайнем пограничьи *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana*. Собственно перед нами еще один пример создания полного свода библейских книг в восточнославянской среде конца XV – начала XVI в. Если первым считать новгородский опыт с *Геттадиевской Библией* 1499 г., а вторым *Супрасльский сборник* Матфея Десятого 1507 г., третьим по счету является «Бивлия руска» доктора Франциска Скорины из Полоцка, напечатанная в 1517–1519 гг. в Праге и относящаяся к особой традиции – первым попыткам перевода на язык, близкий к народному, белорусско-му [26]. Ряд фактов и наблюдений заставляют достаточно уверенно предполагать, что Матфей и Франциск знали друг друга [27]. Не исключено, что именно это обстоятельство объясняет наличие в библиотеке Супрасльского монастыря в первые годы его существования нескольких книг белорусского просветителя [28].

Библейский свод Матфея Десятого и сам его составитель пользовались в Супрасльском монастыре на протяжении веков большой известностью. Не случайно, в списке 1631 г. синодика монастыря читаем: «Род з Торопца Места з Москъвы Благороднаго Матфея Иоанновича, написавшего и надавшего в монастырь Супрасльский Книгу великую рекомую Десятоглав. В лето от создания миру 7015, року же Господня 1507 го» [29].

Судьба у этой рукописи оказалась сложной. В середине XIX столетия она из Супрасльского монастыря попала в личную библиотеку епископа Павла Доброхотова, собравшего на территории бывшего Великого княжества Литовского огромное количество различных древних рукописей, редчайших печатных книг и уникальных документов на многих языках. Новый владелец сделал на форзаце рукописи запись: «Ректора Семинарии Архимандрита Павла Доброхотова, 1854 года, Апреля 18 дня. г. Рига».

Затем Супрасльский свод стал собственностью академика И.И. Срезневского, который, возможно, столь дорожил им, что не открывал местонахождение этой интереснейшей рукописи [30]. Только в 1910 г. после поступления книжного собрания И.И. Срезневского в Библиотеку Академии наук она была вновь введена в научный оборот.

Среди кодексов Супрасльской монастырской библиотеки оказались и еще два, дополняющие свод книг Ветхого завета Матфея Десятого. Прежде всего это *Пятикнижие Моисея* 1514 г. [31], переписанное «повелением» митрополита Иосифа Солтана в Вильне. В колофоне этой рукописи читается: «Списана бысть сия книги беседа божия к великомуу пророку Моисею законодавцоу внеиже 1. я книга глаголемая бытея. 2. я книга исход сынов израилов из египта сквозь чермное море в землю обетованную. 3. я книга леввиты еже ес священоначальники. 4. я книга числа изочтение сынов израилов 5. я книга девторономея сиреч моисеево второзаконье еже в нем писаны суды и оправдания. Влето 7022 (1514) индик 2 месяца сентеврия 6 день списаны быша книги сия, в богохранимем великом и славном граде оу Вильни, в обители пречистыя богоматере и чесногѡ ея оуспения, при царстве великаго короля жикгимоньта, повелением и благословением преосвященного архиепискоупа кир Иосифа митрополига Киевского и всея роуси, написа же книги сия роукою своею раб божии Федр дьяк митропольи, а хто боудет держати книги сия и почитати их должен ес за осподара митрополита бога молити. Слава вседержителю Богу единому в Троици в веки веком аминь».

Второй рукописью является сборник из библейских книг Иисуса Навина, Судей, Руфи, Царств и Есфири начала XVI в. [32]. Судя по гербу «Лис», нарисованному в картуше на первом чистом листе и начертанному имени «Иосиф», сборник принадлежал Иосифу Солтану, который скорее всего дал его вкладом в Супрасльский монастырь [33].

Ранний белорусский проект формирования полного православного корпуса библейных книг

Первая половина – середина XVI в. были целой эпохой не только в жизни Подляшья и его крупнейшего культурного центра

– Супрасльского монастыря, но и в истории православной книжности и литературы Великого княжества Литовского. Супрасльский монастырь, ставший к тому времени крупнейшим среди православных монастырей Великого княжества Литовского, начинает играть ведущую роль в литературной жизни православных на всем пространстве Киевской митрополии.

Это было время супрасльского архимандрита Сергия Кимбара, начавшего большую работу по переводу библейских текстов на язык, близкий к народному. Он «переглаживал и прилагал» Евангелия, собрал своего рода кружок православных единомышленников – интеллектуалов, в который входили не только духовные, но и светские лица, такие как, например, «благочестивый христороубец Григорий Жаба» [34]. Собственно о. Сергий выступил с некоей программой перевода библейских текстов на «простую мову». Тем самым он предвосхитил намерения Г.А. Ходкевича, прекрасно осведомленного о работах архимандрита [35]. Можно даже говорить, что будущий издательский проект магната и всего подляшского интеллектуального православного сообщества, которое он в сущности возглавлял и которому покровительствовал, зародился в Супрасле в период настоятельства о. Сергия [36].

Будучи одной из ведущих групп в этом сообществе Великого княжества Литовского и едва ли не основной частью подляшских православных духовных сил, насельники Супрасльского монастыря оказались причастными к выдвижению идеи создания собственного издательского центра православных и приняли в его деятельности самое непосредственное участие [37].

Постепенно в среде подляшского интеллектуального сообщества православных, куда кстати «входили» не только местные магнаты, представители черного и белого духовенства, шляхты, мещан, но и живущие далеко от Подляшья одноверцы, такие как князья Острожские, Слуцкие и многие другие, сложился особый литературно-эдиционный совет, разработавший и осуществивший программу будущего Заблудовского издательства. В этот совет вошли Ходкевичи, включая сыновей Григория Александровича – Андрея и Александра, супрасльские монахи, протопоп подляшский Нестор – будущий патриарший экзарх, представители местной шляхты и магнатов. Значительное влияние на деятельность

совета оказывали князя Слуцкие, будущий канцлер Евстафий Волович, королевский писарь Михаил Гарабурда, а позднее бывший игумен Троице-Сергиева монастыря, ученик Максима Грека старец Артемий [38].

Имея опыт в «книжной справе» и желая послужить всему православному миру, издательский совет начинает широкую подготовку к предварительному сбору необходимых текстов во всех ближних, включая и Супрасль, и дальних землях, в том числе и в Московии. К тому времени у издательского совета уже созрел план подготовки к печати и выпуску церковнославянской Библии, а также многих иных книг, столь необходимых православным читателям на востоке и юге Европы. Подляшские издатели на два с лишним десятилетия предвосхитили программу князя К. Острожского, в имени которого на Волыни в 1581 г. Иваном Федоровым была напечатана первая полная церковнославянская Библия. На Подляшье же, в имени Ходкевичей Заблудове, в 1569–1570 гг. напечатаны всего две книги – *Евангелие учительное* [39] и *Псалтырь с Часословцем*. Осуществить это удалось благодаря прибывшим сюда московским первопечатникам Ивану Федорову и Петру Тимофееву Мстиславцу.

В определенной степени с континуацией всего, что было предпринято о. Сергием Кимбаром в деле библеистики в стенах Супрасльского монастыря, связана работа замечательного супрасльского книжника второй половины XVI в. архидиакона Иевстафия, которому мы, в частности, обязаны сохранением такого редкостного памятника белорусской культуры, как церковнославянско-белорусскоязычное *Евангелие*, напечатанное шляхтичем Василием Тяпинским [40].

Квантитативный анализ коммуникационного процесса в сфере взаимодействия белорусской и западноевропейской библеистики в первой половине XIX в.

В нашем случае западноевропейская Библия является помимо всего универсальным социокультурным маркером, аналог которому для рассматриваемого времени подобрать практически не представляется возможным. В качестве основной выборки нами взят весьма показательный во всех отношениях участок белорус-

ского культурного пространства – Супрасльский Благовещенский монастырь, являвшийся на тот период крупнейшим собственно белорусским культурным центром, тесно связанным с истоками национального возрождения.

Согласно описи библиотеки Супрасльского монастыря 1836 г. в ней было 1862 книги, выделенных в 6 основных отделов по языковому признаку. Это собственно контекст нашего анализа, включающий рукописные кодексы и различные печатные издания.

Упорядочить отображение некоторых сторон непростого многовекторного коммуникационного процесса помогают несколько десятков различных печатных и рукописных Библий, имевшихся на тот период в Супрасле, западноевропейская, преимущественно латиноязычная, часть которых, обладающая множеством ценнейших формализуемых признаков, выполняет функции своего рода исторического индикатора, представляющего возможность методами статистического анализа описать основные контуры этого процесса [41]. Всего же тогда в Супрасльском монастыре насчитывалось 33 книги, отнесенные составителями к разряду «Библия» [42], из которых 14 – латинских, 2 – греческие, 12 – славянских, 5 – польских. Это были следующие библейские рукописные кодексы и книжные печатные издания:

Рукописи:

«Псалтырь, Песни песней, Притчи». 2⁰.

«Св. Евангелие на пергамене». 2⁰.

«Библия с начала по книги Царств 4-х». 2⁰.

«Книги 16-ти Пророк и прочия ветхаго Завета; Новаго же 4 Евангелия, Деяния и Послания Апостольския». 2⁰.

«Книги Пророчеств ветхаго Завета». 2⁰.

«Книги 5 Мойсеевы». 2⁰.

«Библии часть от книги Иисуса Навина по Книги Царств четвертых». 2⁰.

«Псалтырь с толкованием». 2⁰.

«Псалтырь». 2⁰.

«Псалтырь с прописными золотыми буквами». 2⁰.

«Псалтырь с толкованием». 4⁰.

Печатные издания:

Biblia. Lat. – (б.н, б.к). 8⁰.

Biblia. Lat. – (б.н, б.к). 8⁰.

Biblia. Lat. – (б.н, б.к). 8⁰.

Biblia. Lat. – (б.н, б.к). 8⁰.

Biblia. Lat. – (б.н, б.к). 8⁰.

Biblia. Lat. – 12⁰.

Biblia. Lat. – Lugduni, 1529. 2⁰.

Biblia. Lat. – Lugduni, 1567. 4⁰.

Biblia. Lat. – Lipsiae, 1584. 8⁰.

Biblia. Lat. T. 1. – Roma, 1624. 12⁰.

Biblia. Lat. T. 2. – Roma. 1624. 12⁰.

Biblia. Lat. T. 3. – Roma, 1624. 12⁰.

Biblia. Lat. T. 4. – Roma, 1624. 12⁰.

Biblia. Lat. T. 5. – Roma, 1624. 12⁰.

Biblia. Graec. – (б.з., б.н, б.к). 8⁰.

Biblia. Graec. – Amsteledami, 1698. 12⁰.

Biblia. Pol. – 8⁰.

Biblia. Pol. (б.н.). – Kraków, 1561. 2⁰.

Biblia. Pol. – Kraków, 1599. 2⁰.

Biblia. Pol. – 1613. 2⁰.

Biblia. Pol. (б.н.). – Kraków, 1617. 8⁰.

«Библия сиречь книги Священного Писания Ветхаго и Нового Завета». Москва, 1757. 2⁰.

1. Wenskus R. Studien zur historisch-politischen Gedankenwelt Brunon von Querfurt. Münster, 1956.

2. Kurczewski J. Biskupstwo wileńskie. Wilno, 1912.

3. Полное собрание русских летописей. М., 1963. Т. 2. С. 222–223.

4. В общей сложности нам документально известно примерно о 50-ти рукописях, вложенных им в различные православные храмы в основном на Полесье и Подляшье.

5. Пенкевич Н. Бельский Свято-Никольский монастырь. Вильно, 1899.

6. В самом конце существования Речи Посполитой, когда разрабатывался проект создания автокефальной Православной церкви в этом государстве, на роль ее предстоятеля главным кандидатом представлялся бельский игумен Савва Пальмовский. См.: Sakowicz E. Kościół prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1788–1792. Warszawa, 1935. S. 32–61.

7. Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX в.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998. С. 24 и др.

8. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-89. Л. 8.

9. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-3.

10. Модест, архим. Супрасльский Благовещенский монастырь // Лит. епарх. ведомости. 1865. № 3. С. 75.

11. Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской Публичной Библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882. С. 10.

12. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. В1993. Л.2; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси / Изд. при Упр. Вилен. учеб. округа. Вильна, 1870. Т. 9. С. 53–54.

13. Ныне город Бельск Подляский. Расположен примерно в 60 км к югу от Супрасльского монастыря. Бельск Подляский, возникший как восточнославянское поселение еще на переломе X и XI вв., является ныне одним из центров белорусской культуры в Польше (см., напр.: Sosna Gr., Fionik D. Dzieje Cerkwi w Bielsku Podlaskim. Białystok, 1995), едва ли не большая часть его жителей православные (подробнее см.: Sadowski A. Pogranicze polsko-białoruskie: Tożsamość mieszkańców. Białystok, 1995. Здесь же приведена основная литература вопроса).

14. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-100.

15. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. В1993. Л.1об.; Археографический сборник... С. 53.

16. В послевоенные годы эта ценнейшая рукопись была переплетена работниками библиотеки в новый, не слишком удачный переплет (картон, тканевый корешок), который, к сожалению, полностью нарушил прежнюю переплетную структуру, демонстрировавшую особенности местного переплетного искусства, следы которого ныне едва заметны.

В своей монографии «Книга в России в XV веке» (Л., 1981. С. 28) известный исследователь Н.Н. Розов писал об этой рукописи: «Пережитки былого, когда книги заказывались князьями, иногда представителями нескольких поколений одной династии, в XV в. сохранились в соседних западных княжествах. Так, например, в 1406 г. в Супрасльском монастыре был написан Пролог «желанием пана Солтана Солтановича, наместника Бельского...». На самом деле в этой фразе заключено несколько досадных ошибок, наглядно свидетельствующих, сколь слабо изучена книжная культура и история польско-восточнославянского пограничья, особенно Подляшья. В 1406 г. монастырь в Супрасле еще не существовало, но он дал славянству столько замечательных древних памятников книжности, в том числе *Супрасльскую рукопись* XI в., что порой кажется, монастырь был основан не в конце XV в., а гораздо

ранее, тем более в своем описании рукописей Ф. Добрянский лаконично указал на ее происхождение: «из Супрасльского монастыря» (см.: Добрянский Ф. Описание... С. 199). Кстати, Пролог этот был переписан не в 1406 г., как ошибочно напечатано в скобках в каталоге Ф. Добрянского, а в 1496 г.

17. Археографический сборник... С. 454–459; Е.Н. Старый Синодик Супрасльского монастыря // Гродн. спарх. ведомости. 1904. № 27. С. 788–799.

18. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-89.

19. Łabyncew J., Szczawińska L. W mieście zwanym Zabłudowem. Białystok, 1995. S. 18–19; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996. С. 15–20.

20. Е.Н. Старый Синодик... С. 789.

21. Там же. С. 788.

22. Там же. С. 789–790.

23. Ныне хранится в отделе рукописей Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге (24.4.28).

24. Немировский Е.Л. Франциск Скорина: Жизнь и деятельность бел. просветителя. Минск, 1990. С. 116.

25. Подробнее см.: Филарет, архиеп. Библейские книги 1507 г. // Известия ОРЯС. 1859–1860. Т. 8.4.2. Стбл. 144–150; Воўк-Левановіч І.В. Кароткія ўвагі на некаторыя помнікі беларускае мовы // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. 1929. Т. 2. Кн. 9. С. 117–158; Лавров П.А. Библейские книги 1507 г. // Slavica. 1933. Т. 12. С. 85–112; Алексеев А.А., Лихачева О.П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 54–88.

26. Ссылаясь на пример с «Бивлией русской» Ф. Скорины, мы в данном случае не принимаем во внимание вероисповедную ориентацию ее переводчика и издателя.

27. Немировский Е.Л. Франциск Скорина... С. 116; Нікалаеў М. Палата кнігапісная. Мінск, 1993. С. 73.

28. См.: Лабынцев Ю.А. Издания Франциска Скорины и других славянских первопечатников в библиотеке Супрасльского монастыря // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 184.

29. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-89. Л. 38-39. На обороте записки, где и приведена процитированная запись, вклеенная между л. 38-39, читаем еще одну пометку XVII в.: «Зри. Сей род нимал од ста и больш лет не найдовад се в поминнику Супрасльском уписующихся душ. И ежели было якое прежных строителей сея святыха обители альбо не было старание о воспоминании рода сего, Бог весть.

Лечь за повелением нынешнего велебной его милости отца Алексия Дубовича, архимандрита Виленского и Супрасльского, не забвения, а воспоминания ради zde уписан есть».

30. Ученые второй половины XIX – начала XX в. считали эту рукопись утраченной.

31. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-51.

32. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-52. См. также: Altbauer M. *The Vilnius Version of the Oldest Russian Translation of the Book of Esther (Vilnius Codex 52)*. Jerusalem, 1988.

33. Насколько подобные библейские тексты, происходящие из западных земель Великого княжества Литовского, плохо исследованы свидетельствует любопытное во всех отношениях замечание такого классика изучения славянской Библии, как профессор И.Е. Евсеев: «Одновременно с этим впуском латинской струи в исконную славянскую Библию в Новгороде, в другом центре русской национальной и культурной жизни – в Вильне – производился пересмотр явно недостаточного текста тогдашней Библии виленского типа при помощи других средств. За основу библейской истины взята была еврейская Библия. По ней производились исправления, а частью и новые переводы священных книг на местный народный язык (В этом переводе известны кн. Иова, Руфь, Псалтирь, Песнь Песней, Екклесиаст, Притчи, Плач, Даниил и Есфирь в рук. Виленской Публ. библ. № 262 (10) XVI в. – И. Евсеев. Заметки по древнеславянскому переводу Св. Писания. VI, М. 1902). Более чуткая, чем Новгород, к истинному значению введения в Библию неканонических книг, виленская школа оказалась в этом отношении более близкой к национальным русским традициям и заветам славянской старины, а применением к Библии народного языка предусмотрительно проявила тот благородный почин, который для всей России признавался опасным еще в начале XIX в. и завершился почти через 350 лет после Вильны изданием в половине прошлого века русского перевода Св. Писания. Развитие виленской школы обещало нам по первым своим шагам иную историю библейского свода, чем та, которая получилась из Новгорода после архиепископа Геннадия. Здесь были иные идеи, иные средства к их осуществлению, были – должно сказать – иные драгоценные тексты, способные восстановить мефодиевскую традицию Библии (Мефодиевские тексты, какие были найдены до сих пор в России, происходят из Западной Руси – Ср. Архивский Хронограф № 902–1468, № 147 Виленской Публичной библиотеки, по которым издан мефодиевский текст кн. прор. Даниила, а также № 262(10) Виленской Публ. библ., где в руках еврейского переводчика несомненно заметен мефодиевский текст, Погод. собр. № 85 и Импер. Ак. Н. под шифром 15.13.4), каких никогда не видал Новгород. К сожалению, по-видимому, вследствие отсутствия необходимого центра, школа эта не успела кристалли-

зоваться и обнаружить всего того, что она могла дать. История славянской Библии со времени Геннадия сошла с настоящего славянского русла. Она затеряла так много своего драгоценного достояния и внесла по содержанию и по духу так много нового, что и до настоящего времени потомство не сумело, после редакторских исправлений архиеп. Геннадия привести в порядок великое, данное Богом славянам, наследство» (см.: Евсеев И.Е. Рукописное предание славянской Библии // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 1995. Вып. 1. С. 27).

34. Род Жабиных весьма древний. Он записан и в Супрасльский помянник. В библиотеке Супрасльского монастыря находился ряд книг, именуемых «жабинскими» (см.: Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. В1993, В1994, В2001, В2002).

35. Łabyncew J., Szczawińska L. W mieście zwanym Zabłudowem... S. 22–23.

36. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия. Ходкевичей...

37. Подробнее см.: Łabyncew J., Szczawińska L. W mieście zwanym Zabłudowem...; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей...

38. Там же.

39. Нам удалось отыскать древний список *Евангелия учительного* из Супрасльской библиотеки, который мог быть оригиналом заблудовского издания (см. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-69). К середине XVI в. в библиотеке Супрасльского монастыря насчитывалось несколько списков Евангелий учительных (см.: Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F 58-В1993, В1994, В2001, В2002).

40. Лабынцев Ю. Белорусскоязычное «протестантское» Евангелие в составе православного полемического сборника супрасльского архидиакона Иевстафия // Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века. Вильнюс; Москва, 1999. С. 145–159; Он же. Описание изданий Несвижской типографии и типографии Василия Тяпинского. М., 1985.

41. См.: Щавинская Л.Л., Лабынцев Ю.А. Западноевропейская Библия в белорусском культурном пространстве периода романтизма: (Квантитативная характеристика некоторых сторон коммуникац. процесса на пограничье Запада и Востока Европы) // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 2000. С. 207–208.

42. Например, «Книга Иова», изданная Франциском Скориной в 1517 г. в Праге, отнесена составителями в разряд «Смесь».

ІУКІКІКЖДАЖ АШТИПОПАНОШТОУНУХІПРНУІ 19
 ДАШТИУМІУКЪБАМНЪСЪКІСНУАБАДЖТІ
 СЛАШТИАНДАРАУІУМІКІЖБДАСНБІІАНПЪ
 ЖДІКІТІНІАНІАІЪ ПІТІАЖІІІСЪІАНІСІДА
 ТАНОСІІСАКОТЪ БФДАІНІІКІІАІІАІІКІУБСКІ
 НДННТЪСЪШЪДЪІУКІКІКЖДАЖ АШТИПОПА
 ШТИУНУХІПРНУІДАШТИУКІКІКІКІКІКІКІКІ
 СЪКІСНУАБАДЖТІСЛАШТИАНДАРАУІУМІ
 ІК АШТИПІНІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 СЪКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 СЪКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 БІНІСЪКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ПАНШТИУНУХІПРНУІДАШТИУКІКІКІКІ
 НЪСЪКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ІА ВЪСЪКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ІАКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ШЕННІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ІАКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 СІАБІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 УРІНАДАІУТАБІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ІАТНА ПІСАКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ІАБІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ

счд

ПЕРДАФААІАНІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ПЛАХІАААШЕ ПЕКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 СІАІУТІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 КІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 АБІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ПЛАХІАААШЕ ПЕКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ХІРАТІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ
 ІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІКІ

АБВГДЕЖЗІІІІІІІІ

Лист Супрасльського пергаментного кодекса XI в. с кирилической азбукой и рисунками, выполненными в период нахождения рукописи на Подлясье

Поминани Кнзи Полувасило	<p> ¹⁰² КНЗА ВАСИЛІА ПОЛУВАСИЛО . КНЗА ЕЛЕУФЕРНА ІКНІНТО АНУ ІКНІНТО ЗЕМНО : МРНІО . КНЗА ВАСИЛІА ІІОЕНФА ШЕНОИНО ЕЛЕУФЕРНА ІІЕРІА ПАВЛА АННУ ВАСЬСОУ МИХАИЛА ІКНІНТО ПАРАКОВИТО АНУ АНУ КНЗА ВАСИЛІА ІКНЗА ІОА ІКНІНТО ПЕЛАСІО : </p>
Поминани Кнзи Святослава і Младшии мур	<p> ¹⁰³ КНЗА ІГО МІТТИ ПІА БОДОКІМА КНЗА ІІІНІ ВАСКОГО . ІІІКНЗА КАПУСЫ СІРОЫ БОРХІСО : КНЗА БОДОКІМА ІКНІНТО ЕЛЕНУ . КНЗА АНДРЕА ІКНІНТО БОДАШКІТО : </p>
Поминани Пна Василіа ІІІКНІТО і Младиі Спалати	<p> ¹⁰⁴ КНЗА ІГО МІТТИ ПІА ВАСИЛІА ТИШКОВИТА ВОЄВОДЫ СЛОЛІСКОГО ПОЛІГАНИ ГИ ДРІ СВОІ ВАСИЛІА НАСТАІІТО АНДРЕА ЕКАТЕРІНО ЕЛІАЗАРА АТАФІТО МРНІТО МИХАИЛА ІІОА МАНЦА ЛВА АТАФІТО МАНЦУ ЕЛЕНУ МАНЦУ НАПІЛІТО ФЕОДОРУ КНЗА ІОА НАСТАІІТО БОДАШКІТО КНЗА БОДОРА КНЗА ІОА ЕЛЕНУ ОУЛЬЯНІТО ІІОА ДІМІТРИА БОДАШКІТО ДІМІТРИА ІІІКОВА ГРИГОРІА МРНІТО АСІ ІКНЗА СІМОНА ЕЛЕНУ . НИКОЛАА : </p>
Свѣтла Кнза Кіевскіи	<p> ПОЛІГАНИ ГИ ДІШУРАБА СКОЄГО : ПАВЛА . </p>

Лист 32-й копии 1631 г. Супрасльського Суботника или поминника

ИСТОРИЯ ЗАБЛУДОВСКОЙ ТИПОГРАФИИ

Историки книги делят жизнь мировой книжности как бы на два этапа – рукописный и печатный, причем этап рукописный очень долгое время успешно сосуществует наряду с печатным. В России, например, этот этап в сфере народной книжности существовал и в XIX в., когда книги все еще переписывались крестьянами северных, центральных, сибирских и иных губерний.

Впрочем, рукописный период продолжался и позднее. Продолжается он и по сей день, в основном в широкой народной среде, и не только в России, но и в Беларуси, Украине, Польше. У православных Польши, в том числе и на Подляшье, и в наши дни можно увидеть, например, рукописные певческие сборники, иногда переписанные совсем недавно с употреблением церковнославянских букв.

О роли и значении книгопечатания в истории мировой культуры существует немало высказываний выдающихся ученых, писателей, общественных деятелей. Почти все они сходятся во мнении, что появление книгопечатания в средневековой Европе стало одним из самых важных событий в ее истории. Это было и началом новой эпохи в социальной и культурной жизни человечества. Печатной книге суждено было раздвинуть временные и пространственные горизонты, в небывалой степени способствовать преобразованию мира. Возникшее в Западной Европе в 1440-е гг. книгопечатание постепенно утверждается в сотнях городов и десятках стран. На славянских землях, в Чехии и Польше, оно появляется примерно уже через тридцать лет после его изобретения, а в 1483 г. книги начинают печатать и для южных славян глаголическим шрифтом. В самом начале 1490-х гг. выходят и первые книги, напечатанные кирилловскими буквами. Книги эти напечатал для восточных славян краковский мастер Швайпольт Фиоль. В 1517 г. в Праге Библию для белорусов в своем переводе начинает издавать доктор Франциск Скорина из «славного города Полоцка».

К XVI в. Москва становится общепризнанной мировой хранилищем древней славянской рукописной книжности, развивающей и преумножающей ее традиции.

Не случайно именно сюда приезжают за книгами посланцы многих славянских и неславянских народов, среди которых эта книжность, созданная с помощью общего славянского литературного языка того времени (церковнославянского), была широко распространена.

В Москве сберегались наиболее точные («добрые») переводы тех или иных канонических текстов, велась большая работа по созданию новых литературных произведений, в том числе и таких монументальных, как многотомный Лицевой летописный свод, насчитывающий девять тысяч листов (18 тысяч страниц) и примерно шестнадцать тысяч миниатюр.

В середине XVI в. в Москве появилось и книгопечатание, начало и успешное развитие которого связано с деятельностью дьякона церкви Николы Гостунского в Кремле Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца.

Имя Ивана Федорова знакомо едва ли не каждому. Мы часто слышим его, когда узнаем о важнейших событиях в истории культуры. 1 марта 1564 г. Иван Федоров совместно с Петром Тимофеевым Мстиславцем выпустил первую датированную русскую книгу – *Апостол*, за что получил у потомков прозвание первопечатника.

Сам Иван Федоров писал об этом событии в своей «повести» о начале книгопечатания: «повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением преосвященного Макария митрополита всея Руси типография эта создана в царствующем граде Москве в лето 7071 [то есть 1563 г.], в тридцатое лето его царствования» [1].

В послесловии к московскому *Апостолу* 1564 г., которое также скорее всего составил Иван Федоров, излагается предыстория основания типографии: «благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел покупать... книги на торжищах..., но из них мало было годных, почти все они оказались искажены ошибками несведущих и неразумных переписчиков, так как пишущие не исправляли их. И вот он возвещает свою мысль Макарию митрополиту всея Руси... И ... повелевает устроить на средства своей царской казны дом, где начать печатное дело. И, не жалея, дает от своих царских сокровищ делателям, диакону церкви Николы... Гостунского Ивану Федорову да Петру Тимофееву

Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обеспечение до тех пор, пока дело их не пришло к завершению» [2].

После напечатания *Апостола*, в 1565 г., Иван Федоров и Петр Мстиславец дважды издают *Часовник*, который использовался на Руси и как учебная книга. После этого, захватив с собой часть типографских материалов, они навсегда покидают Москву.

Вот как сам Иван Федоров объяснял причину своего отъезда: «... великие беды испытали мы от озлобления людского, не от самого царя, но от многих гражданских и духовных начальников и учителей, которые из зависти обвиняли нас в различных ересьях, желая благое превратить во зло и ... дело вконец погубить, как это бывает у злонравных и неученых и неискусных в разуме людей, не обучавшихся грамматической хитрости, не исполненных духовного разума, а только злословящих. Уж такова природа зависти и ненависти, не понимающих куда ведут и на чем основываются. Потому из земли нашей и отечества, от рода нашего мы были изгнаны и переселились в иные, неведомые нам страны» [3].

Этими «неведомыми странами» оказались Великое княжество Литовское и Польша.

Предполагают, что из Москвы первопечатники попали в Вильно или Люблин, возможно, какое-то время жили в Подолии, а затем уже очутились в Заблудове, где нашли самый радушный прием [4].

Как вспоминал Иван Федоров, Г.А. Ходкевич пригласил московских типографов к себе в Заблудов и «прия нас любезно к своей благоурешной любви и упокоеваше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас» [5].

Ивану Федорову гетман даже даровал имяне – «весь немалу... на упокоение...» [6].

Таким образом, заблудовский издательский совет обрел своих собственных книгопечатников, которые вскоре приступили к созданию в имении Г.А. Ходкевича православной типографии.

8 июля 1568 г. в Заблудовской типографии начали печатать первую ее книгу – *Евангелие учительное*. Набор осуществлялся шрифтами, привезенными печатниками из Москвы. Были использованы также заставки, концовки и буквицы, изготовленные еще в России, которые Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец употребляли при издании московского *Апостола* 1564 г.

17 марта 1569 г. *Евангелие учительное* было напечатано.

На его титульном листе значилось: «Книга зовомая Евангелие учительное. От всех четырех евангелистов избрана. И от многих божественных писаний. И предана Церкви божиеи, во всякую неделю читатися. Также и на Господския праздники и прочих святых. На поучение христоименитым людем ко исправлению душевному и телесному. Божию помощию выдрукована.

За щастливаго панования наяснейшаго государя нашего Жигимонта Августа, Божию милостию короля польскаго и великаго князя литовскаго, русскаго, прусскаго, жомоитцкаго, мазовецкаго, вифлянскаго и иных.

А при архиепископе Ионе, Божию милостью митрополите киевском и галицком и всея Руси.

И выдана есть во отчизном имению пана виленскаго, гетмана наивышшаго Великаго князьства Литовскаго, старосты городенскаго и могилевскаго, его милости пана Григория Александровича Ходкевича в месте зовомом Заблудовью, властным накладом его милости. А начася сия книга друковати по воплощению сына слова Божия 1568 Месяца июля, 8. И съвершися року 69, месяца марта 17. Давшему же Богу начати и съвершити благоизволившему слава, честь и поклоняние в бесконечныя веки. Аминь» [7].

Особая роль Ходкевича и в создании типографии, и в издании конкретной книги постоянно подчеркивалась, в том числе и Иваном Федоровым. Вспомним слова первопечатника из известной его «повести» о том, «откуда начася и како свершися друкарня сия», написанные им во Львове в 1574 г. С какой любовью говорит он о Г. Ходкевиче, слагает самый настоящий панегирик в его честь.

Не только по праву «можновладцы и мецената, но и по праву знатока отечественной письменности и не лишенного таланта литератора сам Г. Ходкевич записал в предисловии к книге: «Сего ради аз, Григорей Александрович Ходкевича, видех таковое христианское научение в сеи книзе, восхотех еже бы слово божие размножилось, и научение людем закону греческаго ширилося, занеже оскуде сих книг на многообразных местех. И не пощадох от богодарованных ми сокровищ на сие дело дати. К тому же изобретох себе в том деле друкарском людеи наученых: Ивана Федоровича Московитина, до Петра Тимофеевича Мстиславца. Пове-

лел есми им, учинивши варстат друкарский и выдруковати сию книгу Евангелие учительное».

Г. Ходкевич имел широкую издательскую программу, в том же предисловии, мастерски им написанном, он, в частности, обращаясь к читателям, сообщал: «Вы же любимии примете сию книгу с любовию, а я, божиею помощю, о иных книгах церквам Божиим потребных промышляти буду, и, накладу моего на то наложити не жалуючи, вськоре их друковати дам».

Литературная манера Г. Ходкевича весьма характерна, в его лексиконе масса современных ему белорусских слов, он пишет скорее на старобелорусском языке, подправленном церковнославянизмами.

Это наводит на мысль, что первую часть «Предисловия книги сея» писал кто-то другой или другие, в совершенстве владевшие книжным славянским языком. В круг этих возможных авторов попадают супрасльский архидиакон Евстафий, заблудовский протопоп Нестор и первопечатники.

Именно от их лица составлено и небольшое обращение к читателям на пятом листе книги, выдержанное в традиционной манере смиренного покаяния: «Хотящи же прочитати и переписовати сию книгу, милостиви и незазорливи, молимся мы, трудившиися, недостойнии и худые, будете нашего ума немощи и недостатку, понеже и Вы сами человецы и человеческим подлежаще».

Анализ предисловий и послесловий в книгах Ивана Федорова и Петра Мстиславца позволяет предположить, что в написании этого обращения и первой части «Предисловия» к *Евангелию учительному* главными действующими лицами были местные литераторы, видимо, Евстафий и Нестор, к небольшому вводному трактату которых о «пользе» данной книги был присоединен и «сказ» самого Г. Ходкевича.

Не без их участия было составлено и обширное «Сказание известно главам яже суть в книзе сей» – подробный указатель содержания книги, хотя основная роль в этом принадлежала скорее всего Ивану Федорову и Петру Мстиславцу, о чем говорит стиль изложения.

Едва ли заслугой издателей было включение в состав книги «Слова на Вознесение», принадлежащее перу св. Кирилла Туровского. Слово это встречается во многих более ранних списках

Евангелия учительного и, таким образом, в Заблудове только следовали уже сложившейся в восточнославянской книжности традиции.

«Слово» неоднократно издавалось и переиздавалось на протяжении столетий вплоть до нашего времени. Оно вошло и во все последующие перепечатки заблудовского *Евангелия учительного*, которых в Великом княжестве Литовском в XVI в. было принято по крайней мере три.

Второе и последнее издание Заблудовской типографии, *Псалтырь с Часословцем* 1570 г., выпущено уже одним Иваном Федоровым без Петра Мстиславца, которого мы встретим лишь через несколько лет в Вильне. Ранних рукописных белорусских аналогов этой книги до сих пор не найдено, хотя ее списки имелись в свое время и в библиотеке Супрасльского монастыря.

Есть все основания полагать, что при подготовке текстового оригинала к печати была проделана очень большая редакционно-составительская работа, результатом чего стало создание весьма отличного от существовавших уже рукописей сборника, в составлении которого главная роль принадлежала, по-видимому, Ивану Федорову и кому-то из кружка заблудовских интеллектуалов, прекрасно владевших славянским книжным языком.

Заблудовское книгопечатание оказало существеннейшее влияние на всю дальнейшую белорусскую издательскую практику.

Причем влияние графического и орнаментального убранства федоровско-мстиславских типографских «архетипов» было даже большим. Его можно проследить вплоть до XVIII в. и не только в белорусских кирилловских изданиях, но и в многочисленных книгах, набранных латиницей.

В целом же мы имеем право говорить о сложении в Заблудове некоего нового типа белорусской книги, весьма схожего в отдельных своих чертах, преимущественно архитектурных и графических, с московскими изданиями, а также украинскими, которые впервые на Украине начал издавать Иван Федоров. Этот новый тип белорусской книги, у истоков образования которого стояли два русских первопечатника и здешние подляшские книжники, просуществовал и в чистом и более-менее измененном виде довольно долго, особенно в среде литургических изданий, пожалуй, даже до конца столетия и начала следующего, когда параллельно с ним появились и продолжали развитие другие типы.

1. Цит. по нашему переводу: Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 25.

2. Перевод на современный русский язык с оригинала: Апостол. М., 1564.

3. Русское историческое повествование... С. 25.

4. Подробнее см.: Немировский Е.Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979; Ісаєвич Я.Д. Літературна спадщина Івана Федорова. Львів, 1989; Голенченко Г.Я. Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. Минск, 1989; Łabuncew J., Szczawińska Ł. W mieście zwanym Zabłudowem. Białystok, 1995; Они же. Православная Академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996.

5. Апостол. Львов, 1574. Л. 260об.

6. Там же.

7. По нашим подсчетам до сего дня сохранилось около пятидесяти экземпляров заблудовского *Евангелия учительного* 1569 г. Этот объемный, более чем восьмисотстраничный, сборник большого формата сберегается ныне во многих странах на разных континентах. В Польше оригинал заблудовского *Евангелия учительного* имеется в Варшаве в университетской библиотеке. В Варшаве и других польских городах есть еще несколько экземпляров более поздних переизданий этой книги. Есть эта книга и на Американском материке – в библиотеке Гарвардского университета в США, на Британских островах – в публичной библиотеке в Дублине, в Сербии – в Матице Сербской в Новом Саде, в Литве – в университетской библиотеке в Вильно, на Украине – в Киеве, Львове и Харькове, Белоруссии – в Минске и Ветке, но более всего ее экземпляров имеется в России – во Владимире, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Петрозаводске, Екатеринбурге и особенно в Москве, где находится в общей сложности около 20 экземпляров заблудовского *Евангелия учительного* 1569 г.

Книга зовомаа евангеліа учительнаго . ѿвсѣхъ чл
тырѣ евангеліахъ избранна и мнози нъ житве
ныхъ апостолѣхъ . и преда на цркви вѣжесн . во вса
кѣхъ мѣстѣхъ читана . такоже и на гьскіа пра
зники и прочѣ стыхъ . на проученіе хрѣтїи
нныи мѣдѣлѣ консправленію дшнъ бо мѣдѣ нге
лесно мѣдѣ . бжїеи по мѣщїю выдрѣкована .

Защастань ваго панованіа на насѣбншаго гдѣра
нашего . жнїсн на мѣстѣ августа . бжїеи мѣстїе
короля польскаго . н великаго князя литовъ
скаго . рѣскаго . прѣскаго . жолѣнцискаго . ма
зовскаго . владимѣрскаго . и иныхъ .

Арїархїи епископоне . бжїеи мѣстїи митрополи
те кїевъскои . н галицїеи . н всеа рѣсїи .

И выдана сѣтъ . во оуби зїю на мѣстїю . пана ви
ленскаго . гетмана на мѣстїи шаго великаго
князѣва литѣскаго . старосты гродненскаго .
и мѣстїи лѣвчскаго . егемѣти пана григорїа ле
заидрвичѣ хожевичѣ . влѣбѣтї зовомѣ заблѣ
довѣи . влѣбѣтї на каадо егемѣти . а нача
са сїа книга дрѣковати . по по мѣщїи сїа
са : вѣбжїа аф зн . мѣцїа мѣ . н . не вѣ
ршнїсн дрѣкѣ зѣд . мѣцїа марта зї . давшн мѣдѣ
бгѣ начати . не вѣршнїтн блгїи зволи
вшн мѣ . слава члѣвн поклонанію
всконечна крѣсн .

аминь .

Титульный лист *Евангелия учительного* (Заблудов, 1569)

Герб Г.А. Ходкевича из *Евангелия учительного* (Заблудов, 1569)

кирила недретаннаго мниха . слово на возне-
сеніи гні . вчетвертисѣ . ѿ недѣли попасѣѣ
шпротекіи оуказаніи . новокрстіи всероднаго
адама нзъада . бл҃гви ш҃че .

Ирѣднѣ дх҃омъ , ш҃енным пр҃оче захаріе .
матчѣисѣ словѣ дан мамъ ш҃еи прр҃ицаніи ,
объзнесеніи манка га непа нашѣго іс҃ха .
неко притчен , но іавѣ оуказалъ еси на гал .
іс҃е гъ нашъ грядѣтъ въ славѣ , ш҃ерани ош҃
л҃ченіа св҃его . нбсн ет҃нѣго снѣм , нечанага
нзѣг҃о маг҃рѣ сл҃омъ чѣтѣн пр҃амо нерл҃ам на
востокъ . х҃ицелъ пр҃оче ш҃те се оубѣдл҃ги ,
л҃ш҃ерани бывшѣи набрага дѣл҃а . ш҃нсапа
серафимъскаго вѣдѣа раздѣл҃елъ , сл҃амъ
гъ гъ нашъ іс҃х҃с҃дѣнъ ош҃л҃нвса на вѣд бс҃о
всѣа енаы . нбл҃стн іс҃амыа нснрѣвѣже ,
попрахъ бо рече въ іер҃с҃тн мѣи . ін҃с҃танхъ ѿ
въгнѣвѣ мѣмъ , нбс҃а рнзы мѣа оскрѣвлнх҃
псѣженіемъ . снѣдо ндосѣкѣвнцѣ мнѣх҃
павнннскѣ , нбс҃а іс҃рѣпостн нзѣвлнх҃ мѣ
шца мѣа . неандісан еи едѣтъ чадла мѣа , еи
всѣа ош҃ртннн . но іс҃с҃твнѣго вѣдѣ рѣчѣна
бѣша , тамъ бо повѣдн вл҃стн іс҃амыа
іс҃рѣам . інзѣвѣ всероднаго адама , совѣблн
ш҃тсѣвѣа іадыскѣ . анднже нарчѣтѣ вѣд
іазыскн грѣхъ свнхъ радн свѣдены вѣдѣ ,
л҃тада нарчѣтѣ нже вѣзаконѣ іс҃кнѣ вѣшса .
но на вѣа воцннѣлѣвѣ грѣхъ вл҃стн ел҃рг҃нн ,

ПЪСНІА ВЪ БІВІА ОУЧЕНІА

и ѿмноги бж҃твеннїи немани . г҃а мѡла ѡлрхн
бѣба нзъкоуе҃тъ волеждѣнїа нїа . нашоу҃тене
хр҃г҃и и мѣнїткѡмъ лїдеауѣ , наипрочтѣ мѡла .
такоже и нл҃г҃кѡмъ прѣзѣнїкн . оамы҃тарн ,
и фари҃сеи . ѡу҃аи , ѡлѣбн . слово . а .

же оамы҃тарн и фари҃сеи , прѣч҃та и бнма .
їако поученїе нѣкое , шо двнженїе оу҃
мѡшасно вые҃тъ сѣ҃г҃амн ѡ҃цы , поучн
нѣно прѣч҃тѣсѡ и прочтѣг҃нѣсѡ вѣсто не дѣ
лн , їако дама прѡблѣмѣсѡ нѣгочѡвнѣсѡ на
дх҃овнѡмъ по двн҃сн по҃сѣа . сѣ҃г҃а рѣдн и прѡбѡ
глѡмѡла нл҃г҃сѡ , на рнцѣсѡ погрѣтѣсѡ мѡлѡ нзъм
кѡ . прѡко звѣщѡнїи и прѣшѡмъ дѡнїи , о҃же
носеа мѡло прнхѡдѡще поїсѡлѡнїа шестное
врѣмѡ . їакоже а҃ще нѣкѡсѡ сѣ҃г҃рѣчѣ вѣднѡ на
шнхъ нѣперѡвѡ нлѡдїце о҃гнѡчїи сн , нї҃гакѡ гѡтѡ
вн бнѡннѣ . кѣ вѣснѣннѣ по двн҃гѡ по҃сѣа нѣбѡ держѡ
нїа по ндѣ . кѣ вѣднѡчнѡ снѣснѡнїа нѣрѡе сѣ҃г҃ѣ , рѡ
сѡлѡннѣ , нѣбѡ врѡщѣннѣ , нѣсѡмѣрннѣ . кѣ докрѡдѣ
нѣсѡннѣ нѣвѡбрѡщѣннѣ вѣлнѣ вѣблѡе҃тъ , гѡрднѡмъ

Handwritten signature or note in Cyrillic script, likely belonging to the scribe or the donor.

Лист Евангелия учительного (Заблудов, 1569) с собственноручной вкладной записью вдовы Г.А. Ходкевича в Супрасльский монастырь

И трѣди́къи́на мно́гогрѣш
нынъ и́спотрѣ́бнынъ ра́бъ ,
на́йма . и́ванъ де́доровну
москвѣ́тннъ . молю́ оубо
вѣ́ликаго бѣ́гочестнѣ́ваго правосла
внаго хрѣ́сті́анна , прочи́тающн
на́и прѣ́пнедѣ́ющнхъ кннѣ́жснхъ ѡ́
лѣ́тырь . а́ще гдѣ́ что́ погрѣ́шено
бѣ́детъ мо́его ра́ди не́бреже́ннѣ .
бѣ́граднъ и́справля́йте , бѣ́гвнѣ́те
а́нскленнѣ́те . по́неже́ неспнса́дхъ
сѣ́ын на́и гдѣ́сѣ́ль , по́рдка грѣ́шна
не́бра . да́нса́ми то́же бѣ́гвнѣ́те
обраще́те ѡ́всемо́гущаго
бѣ́га , ннѣ́ и́и́рно и́вѣ́вѣ́
кн вѣ́комъ
а́мннѣ́

+

Предисловіе к *Псалтыри с Часословцем* (Заблудов, 1570)
Ивана Федоровича Москвитина

АРХИДИАКОН ИЕВСТАФИЙ И НАСЛЕДИЕ ВАСИЛИЯ ТЯПИНСКОГО

Реформационные движения в среде восточных славян, их генезис, механизмы проявления и трансформации, наконец, проекции и влияния на конкретные конфессиональные сообщества и тем более группы малоизученны [1]. Может показаться странным, но нам больше известно о деятельности весьма немногочисленных так называемых «московских еретиков», нежели о белорусском и украинском контекстах этих движений. Одна из существеннейших, если не главных, причин такого положения — очень сложная масштабная источниковая база, интерпретация даже уже известных материалов которой представляет порой неразрешимую трудность.

Именно так произошло и со знаменитым церковнославяно-белорусоязычным *Евангелием*, изданным шляхтичем Василием Тяпинским во второй половине XVI столетия. Как и первая литовская книга — протестантский *Катехизис* Мартинаса Мажвидаса — оно дошло до нас в двух экземплярах [2]. Причем исследователями привлекался исключительно экземпляр, происходящий из библиотеки Супрасльского Благовещенского монастыря, позднее оказавшийся в коллекции крупнейшего русского собирателя XIX в. М.П. Погодина [3], а затем в фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [4]. Все эти обстоятельства были чрезвычайно важны для исследователей, но они в большинстве не обратили на них никакого внимания, а чаще и вовсе не знали об их существовании, так как пользовались не оригинальными источниками материалами, а литературными сведениями из вторых и даже третьих рук [5]. Собственно сам оригинал *Евангелия*, изданного В. Тяпинским, видело из этих исследователей всего несколько лиц и, пожалуй, лишь одно из них, возможно, как-то пыталось обратить на них внимание [6], но итоги этих возможных наблюдений столетней давности неизвестны.

До сих пор объемный конволют, в состав которого входит и *Евангелие*, изданное В. Тяпинским, содержащий огромное число интереснейших материалов, представляет своего рода terra incognita. Исследователи пытались изучать его, с одной стороны, в связи с православной полемикой [7], а с другой — отдавая дань

литературной, переводческой и издательской деятельности В. Тяпинского. Причем оба этих направления были, как правило, разобщены и только А. Попов пытался наметить некую интегральность в изучении данного сборника, названного им ни больше ни меньше как «русскою Паноплиею» [8].

Впрочем, и в этом случае результат был бы явно недостаточен, так как все построения основывались лишь на анализе текстовой содержательной части сборника, без учета, а тем более знания, особенностей внутренней жизни Супрасльского монастыря в XVI в.

Супрасльский монастырь, ставший к тому времени главным среди православных монашеских обителей Великого княжества Литовского, тогда же начинает играть ведущую роль в литературной жизни православных на всем пространстве Киевской митрополии [9]. Близость его к католическому Западу и крупнейшим в Европе протестантским центрам способствует появлению здесь уже в первой половине XVI в. сильных писателей-полемистов, возникновению собственной православной антикатолической и антипротестантской полемической литературы, питавшей не только Великое княжество Литовское, включая Киев, но и Афон, Сербию, Болгарию, Молдавию, Валахию, Московию. Представители супрасльской литературной школы были знакомы и с современной им еврейской литературой, что, в частности, отразилось и в соответствующих полемических сочинениях.

В ту пору Супрасль и его православные насельники во главе с настоятелем монастыря, а им был тогда архимандрит Сергей Кимбар, составляли одну из ведущих групп в православном интеллектуальном сообществе всего Великого княжества Литовского и являлись едва ли не основной частью тех подляшских православных духовных сил, которые выдвинули идею создания собственного издательства уже в середине XVI в., выпустившего в 1569–1570 гг. с помощью прибывших из Москвы Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца ряд книг, в том числе известное *Евангелие учительное*.

Примечательно, что оригиналом для печатания *Евангелия учительного* в Заблудове послужил один из ранних списков церковнославянского перевода, а более всего вероятно даже несколько, достаточно широко тогда бытовавших и на Подляшье. К середине

XVI в. только в библиотеке Супрасльского монастыря насчитывалось несколько списков Евангелий учительных, в их числе *Евангелие учительное старое*, *Евангелие учительное новое*, а другое *Учительное Жабинское* [10].

Первоначальным желанием ктитора Супрасльского монастыря Григория Ходкевича и некоторых из его приближенных, в числе которых был и скончавшийся в 1565 г. о. Сергей Кимбар, было издать *Евангелие учительное* и вообще книги «к научению людям... закону нашего греческаго» в переводе «на простую молву», то есть перевести с церковнославянского на хорошо понятный всем местный живой язык, «выразумления ради простых людей» [11]. Однако «люди мудры, в том писме ученые» отсоветовали делать это, ибо «прекладами здравых пословиц на новые помылка чинится немалая» [12]. Евангелие же учительное и без перевода на «простую молву» – книга, «которая каждому не есть закрыта, и к выразумлению нетрудна и к чтанию полезна, а наипаче тем, которые с прилежанием и со вниманием искомое обрести восхошут и обряшут» [13].

При анализе текста рукописной «предмовы» Василия Тяпинского, его комментария к изданному им *Евангелию*, известному лишь в списке, помещенном в супрасльском конволюте, вспоминаются слова Г. Ходкевича, с которыми он обратился за несколько лет до того к читателям заблудовского *Евангелия учительного*: «Сего ради аз, Григорей Александрович Ходкевича, видех таковое христианское научение в сей книзе, восхотех еже бы слово Божие размножилось, и научение людем закону греческаго ширилося, занеже оскуде сих книг на многообразных местех. И не пошадех от богодарованных ми сокровищ на сие дело дати» [14].

Важно знать, что рукописная «предмова» В. Тяпинского, точнее ее список, появились в конволюте, составленном замечательным супрасльским книжником архидиаконом Иевстафием [15], духовным наследником о. Сергия Кимбара [16]. Личность о. Сергия, его богословские и филологические искания оказали очень существенное влияние на литературную жизнь внутри монастыря и вне его. О деятельности супрасльского архимандрита было хорошо известно такому знаменитому деятелю протестантизма, как Симон Будный [17]. К числу многих новаций для тогдашнего православного мира следует отнести и обращение о. Сергия

Кимбара к идее исправления богослужебных книг по греческим оригиналам.

Все это стало основанием для недовольства среди сугубых традиционалистов, один из которых, «чернец Арсений», сам, кстати, талантливый книжник, вел с о. Сергием многолетнюю полемику, приведшую к тому, что супрасльский архимандрит вынужден был неоднократно объясняться перед митрополитом и, в конце концов, написать своеобразный богословский трактат, отстаивающий правоту его новаторских устремлений [18]. Собственно новаторство о. Сергия имело чисто ренессансный характер, то есть было вполне закономерным в условиях тех разнообразных влияний эпохи, веяния которых касались, в первую очередь, Супрасльского монастыря, расположенного на крайнем западном рубеже Великого княжества Литовского. Не подлежит сомнению, что монастырская братия и прежде всего сам настоятель были очень хорошо осведомлены о деятельности протестантов, а скорее всего даже вступали с ними в открытую полемику, возможно, в форме так называемых «прений о вере». Впрочем и протестанты вольно и невольно оказывали определенное влияние на литературную культуру монастыря, что, в частности, заметно на очень многих примерах, хотя бы тамошних рукописных *Евангелиях учительных*, а отчасти и заблудовском *Евангелии учительном* 1569 г. [19].

Вместе с тем, несмотря на многое весьма новаторское, необычное, если не сказать реформаторское в деятельности о. Сергия Кимбара, сомневаться в его православности невозможно. Он и сам очень твердо заявлял об этом: «Нам Руси закон святой православный выдан» [20]. Именно под этим углом зрения следует рассматривать и всю его работу по переводу библейских текстов, в частности Евангелий, а также активное общение с кружком местных духовных и светских православных интеллектуалов, на которых о. Сергей имел очень значительное влияние. В числе сподвижников о. Сергия был и супрасльский архидиакон Иевстафий, представлявший монастырское крыло его последователей, в то время как «благочестивый христороубец Григорий Жаба» был одним из деятельных членов светской группы [21].

При архимандрите Сергии Супрасльский монастырь пополнился многими книгами, наличие которых очень показательно для

крупного центра православной полемики, каким был тогдашний Супрасль. Имелись среди них и издания Франциска Скорины, библейские переводы которого были хорошо известны супрасльским насельникам [22].

Конволют архидиакона Иевстафия, содержащий *Евангелие*, напечатанное В. Тяпинским, был келейной книгой монаха. На это указывает ряд признаков [23]. Вплоть до середины XVII в. он скорее всего находился в Супрасльском монастыре и во время военных действий был взят русскими в качестве трофея, что подтверждает и судьба ряда книг, происходящих из Супрасльского монастыря [24].

Несомненно, один из самых замечательных текстов этого конволюта – так называемая «предмова» В. Тяпинского к изданному им *Евангелию* [25]. Она была известна составителю конволюта в рукописи, с которой он ее переписал. Не исключено, что, имея в руках рукописные материалы В. Тяпинского, составитель в чем-то по-своему распорядился ими, возможно несколько сократив текст [26]. Несомненно, эти материалы В. Тяпинского попали в Супрасль не случайно. Конволют архидиакона Иевстафия стал их самым надежным хранилищем. Уникальность этого обстоятельства заставляет тщательнее проанализировать все известное нам о В. Тяпинском из немногочисленных свидетельств: его «предмовы» и кратких упоминаний С. Будного [27]. Обращает на себя внимание то, что В. Тяпинский, также как и С. Будный, скорее всего находился в постоянном духовном поиске. Едва ли он был таким твердым в своих убеждениях протестантом, о чем с уверенностью сообщают ныне почти все исследователи. Во всяком случае ничего антиправославного в его писаниях и поступках нет [28]. К тому же очень странно, что В. Тяпинского, если бы этот перевод был собственно протестантским начинанием, никто не поддержал со стороны богатых протестантов-одноверцев, как это было в свое время с переводами и изданиями С. Будного и его сподвижников на «русском» языке. Скорее, попытка В. Тяпинского напоминает некую вполне самостоятельную издательскую новацию, никак не связанную с масштабной конфессиональной пропагандой в протестантском духе. Сделанное В. Тяпинским – личный опыт, но это уже не отдельный факт, как за полстолетия перед тем было с трудами Ф. Скорины, а скорее закономерное явление,

свойственное тогдашней белорусской культурной и литературной жизни, обстоятельства которой видятся нам яснее через призму происходившего в ту пору в самом Супрасльском монастыре [29]. Более того, общий тон обращения В. Тяпинского к читателям вполне может быть истолкован и как антипротестантский и антикатолический, направленный в защиту веры отцов, то есть православия. Все это никак не исключает того, что в свое время он мог вести беседы с различного толка протестантами, был лично известен С. Будному и даже принимал его со сподвижниками в своем доме [30]. Деятельность В. Тяпинского очень напоминает реформаторские устремления супрасльского архимандрита Сергия Кимбара и его последователей, и потому не случайно уникальные материалы переводчика и издателя, в том числе и главнейший труд его жизни, сохранились благодаря монастырским книжникам. Кстати, вполне вероятно, что об о. Сергии С. Будный мог узнать от В. Тяпинского и они, в свою очередь, оказали невольное влияние на такое направление деятельности протестантов, как издание книг на «русском» языке в начале 1560-х гг. [31].

Белорусская литературная жизнь XVI столетия, являвшаяся, в целом, почти неотделимой частью общекультурного процесса народов Великого княжества Литовского, нам еще очень плохо известна, как, впрочем, и остальные части ее составляющие. Мы ориентируемся лишь на отдельные памятники и имена. Нам трудно представить более или менее полную картину происходящего в литературном мире на наших землях в то время. Кажется почти невероятным, что не только протестанты, а чуть позднее католики, но и православные, причем даже несколько ранее католиков, могли воспринять веяния западноевропейского Ренессанса. Вместе с тем, при последовательном изучении оригинальных документов той эпохи, сравнении происходящего в тогдашней Западной Европе, Королевстве Польском, Великом княжестве Литовском, Московии, по иному относишься, например, к факту издания церковнославянской *Острожской библии*, предыстория идеи создания и изданий которой, кстати, непосредственно связана с Супраслем [32]. Влияние европейского Ренессанса и реформации на православную жизнь, особенно на крайних западных границах Великого княжества Литовского, было значительным. Вместе с тем, это было время, когда здесь, в условиях относительной толе-

рантности как внутри различных конфессий, так и вне их, особенно со стороны государства, в довольно продолжительный период ослабления позиций католицизма и православия, возможен был достаточно свободный религиозный поиск, если речь шла об отдельной личности, причем не всегда только светском лице. Поиск, включавший порой даже довольно резкие переходы из одного вероисповедного лагеря в другой, как это было, например, с С. Будным. Очень показательным в этой связи было положение шляхты, крупных магнатов и даже великих князей, членами одной семьи которых одновременно являлись представители и православных, и католиков, и протестантов, а еще ранее – и язычников.

В этих условиях переводческая работа В. Тяпинского видится делом вполне закономерным и совсем не обязательно протестантским, особенно если учитывать предыдущий опыт православных супрасльских монахов, из сборника которых мы, собственно, и узнаем о труде издателя белорусоязычного *Евангелия*.

Очень интересны вопросы: какое место занимают *Евангелие*, изданное В. Тяпинским, и его рукописные материалы в конволюте? Какова их направленность? Здесь возможны, скорее всего, два ответа: или же составитель поместил его как образец неких православных литературных новаций, в чем-то напоминающих переводческую деятельность протестантов; или же он видел в нем произведение, обладающее свойством полемического характера, быть может, даже несущего некие отголоски полемики с самим С. Будным и его сподвижниками. На последнее указывает, в частности, наличие особого *Катехизиса*, составленного В. Тяпинским: «До чого абы первей, сами и их детки смыслы свои неяко готовили, острили, и в вере сами зданем своим, яко довнимаю за речисте потребную, естли не зараз, вжды з своим часом, узнают им вперед подаю» [33]. В этом случае мы имеем дело по крайней мере еще с одним личным опытом В. Тяпинского, который считал необходимым дать свое видение, отличное от изложенного в *Катехизисе* С. Будного. В. Тяпинский пишет о близкой ему многовековой религиозно-культурной традиции, «зацном руском, а злаща перед тым довстипном учоном народе», у которого с горестью отмечает «языка своего славнаго занедбане», когда «вжо некоторые и писмом се своим... злаща в слово Б[о]жем вступают».

а совсем не о «пропасти Римского и Греческого Вавилона», как у С. Будного.

1. См., напр.: Hartleb K. Zagadnienie Reformacji na ziemiach litewskich. Lwów, 1935; Дмитриев М.В. Православие и реформация: Реформац. движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.

2. Подробнее см.: Лабынцев Ю.А. Описание изданий Несвижской типографии и типографии Василия Тяпинского. М., 1985.

3. Он был приобретен М.П. Погодиным в 1844 г. См.: Погодин М.П. Иван Федоров, первый московский книгопечатник // Журн. М-ва. нар. просв. 1870. Т. 148. С. 299.

4. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1856 г. Спб., 1857. С. 29.

5. Сравнительно недавно молодым белорусским ученым И.П. Климовым был издан весьма обстоятельный обзор литературы о В. Тяпинском и его деятельности. См.: Клімаў І.П. Нарыс бібліяграфіі аб Васілю Цяпінскім: Гіст. агляд // Здабыткі: Дакум. помнікі на Беларусі. Мінск, 1995. С. 60–114.

6. Попов А. Обличительные списания против жидов и латинян по рукописи Императорской Публичной Библиотеки 1580 года. М., 1879. С. XII.

7. Показательна в этой связи работа Н. Петрова «Западнорусские полемические сочинения XVI века» (Труды Киевской духовной академии. 1894. № 2. С. 154–186; № 3. С. 343–383; № 4. С. 510–535), писавшего о заслугах «для православия со стороны Супрасльского монастыря, который имел посредствующее значение между древнерусской полемикой с латинянами и между южнорусской ученой полемикой, начавшейся с конца XVI века» (с. 535).

8. Попов А. Указ. соч. С. 1.

9. Подробнее см.: Labynczew J., Szczawińska Ł. W mieście zwanym Zabłudowem. Białystok, 1995; Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998.

10. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1870. Т. 9. С. 53–54.

«Жабинское» – в данном случае означает вкладчика рукописи. Ими были представители рода Жабиных, скорее всего Василий Константинович Жабин, подключий Троцкий, род которого записан в *Супрасльскій Помянник*. Помимо списка *Учительного евангелия*, показавшего в

Супрасль в первой половине XVI в., «Жабинскими» были также *Евангелия напрестольные, Псалтырь*, «Жабинское Евангелийце и з Апостолом и Апокалипсиєю».

11. Евангелие учительное. Заблудов, 1569. Л. 4.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

15. Собрание старопечатных книг Российской Национальной библиотеки. I.I.29. На л. 239 конволюта запись: «Сіа книга с[вя]щеноинока... ієвтафія архідіакона. Списана быс[ть] в монастыри супряльском, от нароженя, с[ы]на Б[о]жіа. 1580 го[да]».

Конволют имеет следующий состав: Л. 1–140. Житие Григория Амиритского: л. 1–12 [Сказание о св. Арефе (начало рукописи утрачено)]; л. 13–23об: Начало п[е]рв[о]го сопренія архиеп[и]скопъ, рече ко збору іоудейскому; л. 23об–57об: Нач[а]ло вторья беседы ис пренія архиеп[и]с[ко]пу съ ерваномъ; л. 57об–83об: Начало третия беседы, сопренія, с[вя]теишему архиеп[и]с[ко]пу григорію съ ерваном; л. 83об–118об: Нач[а]ло четвертя беседы с[вя]теишаго архиеп[и]с[ко]па григорія с ерваномъ; л. 118об–140: Симъ сице реченнымъ бывшимъ от ервана... ервань гл[агол]а к нимъ; л. 140об: Пр[е]п[о]добному о[т]цу антонію вечная память. преведшему сию книгу съ греческаго языка на русский: л. 141159: Другая книга особое мовен[и]е до жидов под короткими словы о[т] всих пророкъ; л. 160–181об: В лето бл[а]гочестивага ц[а]ря іоанна реченнаго прозвишом ватаки по шестомъ соборе. сіе вызнан[и]е от папы старого рыма. кир григорія; л. 181об–193: Посланіе Доминика архиеп[и]скопа Венетийского еже посла къ с[вя]теишему патриарху великіа Антиохіа кир петру; л. 193об–200: О поклонению св[я]тых иконъ; л. 200об–205об: О крестопоклонению; л. 205об–208: о церквахъ; л. 208–209об: О м[о]л[и]тве св[я]тых и их похвале; л. 209об–210об: О молебных и о исповеди и о приносех и о попех; л. 210об–211об: Что тыж многие люди преводят себе хотячи такъ причаститис, якъ и попь; л. 211об–21: О поминкох по умершихъ; л. 217–221: О десятером божиим приказан[и]ю жидомъ даного; л. 221–226: О чернечестве; л. 226–226об: О образу; л. 226об–232: О постех и о мясояденіи; л. 232–234: О семени женскомъ; л. 234–234об: О науце; л. 234об–235об: О вере и учинкахъ; л. 235об–239: сий есть приклад чернецкому житию; л. 240–242об. С кроинику полскаго о махмете; л. 243–263об: Житіе блаженнаго кирила философа; л. 264–266об: реестрь речы Преднейших; л. 267: Катехисисъ або сума науки детен въ Христе Иусе; л. 267об–270об: Предмова. Василии Тяпинскіи зацной монархии словенской, а злща богобонным ласка и покой от б[о]га о[т]ца и п[а]на н[а]ш[е]го Ис[у]са Х[ри]с[т]а.

Конволют в XVI в. был заключен в кожаный тисненый переплет, верхняя и нижняя крышки которого подклеены рукописными фрагментами того же времени. Помимо записи архидиакона Иевстафия на его л. 1–31 читается: «Сия книга глаголемая Ондreja Елизаревича Жиравковского лета 7110 го[да] февраля в 9 день», «Ондreja Феоктиста Елизаревича к чти сия книгу а отписал книгу детям своим Ондрею и Феоктисту Елизовичем своею рукою лета 7171 году а честь сию книгу сыну моему Фектисту и брату Ондрею и друге не обижать... Елизарей Жиравковский своею рукою». На л.1 фрагмент записи XIX в.: «Из книг Ареф...». На обороте верхней крышки переплета наклеен листок с записью: «Рукопись 1580 года, в лист, на 270 листах (двести семидесяти листах) и печатное Евангелие Тяпинское, в лист, на 62 листах (прерывается на л. 63; л. 61 недостает. Л. 1й, 62 и 63 частью сгнили). Библиотекарь Иван Бычков». На корешке наклеен красный кожаный ярлык: «Из древлехранлища Погодина».

16. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996. С. 26.

17. Nowy Testament. Łosk, 1574. S. 26.

18. Письмо супрасльского архимандрита Сергия Кимбара к киевскому митрополиту Макарию II, около 1536 г. // Архив Юго-Западной России. 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 3–15.

19. М.В. Дмитриев пишет, что это *Евангелие учительное* «рассматривалось издателями» «как ответ реформаторам» (Указ. соч. С. 69). На самом деле в этом случае мы имеем более сложную систему зависимости корреляционного характера, не сводимую только к простой функции «средства идейной борьбы с растущими реформационными настроениями» «в руках православного духовенства» (Там же. С. 104). Сравните: Korowicki I. Stan kaznodziejstwa prawoslawnego na przelomie ww. XVI–XVII w państwie Litewsko-Polskim // ЕЛПС. 1935. Z.1–2. S. 241–280.

20. Письмо супрасльского архимандрита Сергия Кимбара... С. 6.

21. Там же. С. 15.

22. Лабынцев Ю.А. Издания Франциска Скорины и других славянских первопечатников в библиотеке Супрасльского монастыря // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 184.

23. Прежде всего то, что книга эта не попала в реестры библиотеки Супрасльского монастыря.

24. Подробнее см.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья...

25. Вот этот текст: «Предмова. Василен Тяпинскіи зашной монархии словенской, а злаша богобоинным ласка и покой от б[о]га о[т]ца и п[а]на н[а]ш[е]го Ис[у]са Х[ри]ст[а].»

Рад покажу мою веру, которую маю, а злаша народу своему руско-му, тые ее онымъ давнимъ вскомъ славною, предков своих уместностью, покорне яко довнимаю подтверждать, а естли ест в чом блудна оны то поправят. Вед же держу же не инаичей одно зъ ев[ан]г[е]лїи от бога через Хр[и]ста пана и его апостолов поданое, которая есть сума закону б[о]жего, которая з словенского абы имъ, теж и их власнымъ языкомъ рускимъ в друку вышла, и о тое маючи пана на помочи, несмысленнымъ або красомовнымъ выводомъ, незалецаными а ни часу угажающими словы, але яко с приязливыи, простый, а щирій, правдиве, верне, а отвористе, зъ зычливости ку моеи очизне, поневажъ которымъ бы то власнеи учинити пристоело - митрополитове вл[а]д[ы]ки ини хто з учоных, через так многіи час не хотели. Зъ убогос своее маетности народу моему услугу, на которои теж при ней и на именечку хотяж то было не великое, вжо дле накладу, а злаша книг стариг давних, на розныхъ и не близких меса доставаючи, над то еще в минулые лета тяжкіе дороги дле друку и потребъ тому належачих подымаючи, а праве все до того зачинаючи знову, ач вельмимъ стол ведже предсе и должачисе, и бы ми теж, иже то не влох не немец або не доктор, и ни якіи постановеный межи попы, але з чого бы мели пана з выкриканемъ фалити и радоватсе [л.268], же зъ их з посредку русинъ их имъ своеи руси услугуючи, бы ми мовлю яко то призвоито бываеъ и такую невдячностью взгардою, а некоторые вместо помочи або дяки, и зазростью платити хотели, не одно ми тое все для моеи повинности и ку нимъ зычливости не естъ прикро, але и овшемъ за ласкою п[а]на б[о]га влячно стареючися их збавенное, а на остатокъ учъстивое и зацное, хутнупреимность с[е]рдца моего имъ показоват, и то ку фале б[о]жией кончить. Вжо бо а еще хотяж то не без болшое трудности пришло, ижъ двема языки, зараз и словенскимъ и при немъ тут жо рускимъ, а то наболший словенскимъ, а злаша слово от слова, такъ яко они все везде во всих своихъ ц[е]рквахъ чтут и мают, не одно для лепшого ихъ вери, же се не новое што, але ихъ же властное, имъ подает, але теж и для лепшого имъ разсудку надто и для ихъ самихъ цвиченья, в томъ не леда учономъ языку словенскомъ ев[ан]г[е]лїя писаня с[вя]т[о]го Матфея и с[вя]т[о]го Марка и початокъ Луки, естъ в тои убогой моеи друкарни от мене имъ выдруковано.

До чого абы первеи сами и ихъ детки смыслы свои неяко готовали, острили и в вере процвичали, тымъ часомъ тотъ катехисис, а которои сами зданемъ своимъ, яко довнимаю за реч исте потребную, естли не зараз, вжды з своимъ часомъ узнаютъ имъ впередъ подаю. Ова ихъ охотными и хутливыми ку можнейшимъ наукамъ в слове своемъ, ку статочному розсудку и ку уместности панъ учинит и взбудит.

А то не без великос се потребы чинит, тая бо тепер [л.268об] межи ними яко устала, яко загнула. Обачиване речеи жалосных квалтом слова до усть гонит.

Бо а хто б[о]гобоинный не задержать на такую казнь б[о]жю гледечи, хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, такъ много деток невинных, мужов з жонами, в таком зацномъ руском, а злща перед тымъ доствипном учоном народе, езыка своего славнаго занедбане, а просто възгарду, с которое за покаранемъ панским оная ясная их в слове б[о]жемъ м[у]дрость, а которая им была праве яко врожоная, гды от них отишла, на ее мestyе натыхмesty такая оплаканая неуместность пришла, же вжо некоториe и писмом се своим, а злща в слове б[о]жемъ встыдают. А на остаток што может быти жалоснейшая, што шкарадша, иж и тые што се меж иними зовут д[у]ховными, и учителя, смеле мовлю, намней его неумеют, намней его вырозуменя не зчают, а ни се в нем цвичают, але и а ни школы ку науце его нигде не мают, за чим в полскіе, або в иные писма за такую неволею немало и у себе идети, не без встыду своего, бы се одно почули немалого запрабуют. Тут бых я имъ их же хоть одного, з мнозства личбы оных словян, иоанна або григория которых дле великое, не толко в своем, але теж и в розных езыкахъ, науки и для влячное их вымовы, аж золотустыми звали, бы были живы, рад их взялъ себе за причинцу до них в том, а на остаток за светка, им тое речи, естлибъ бо тепер были заисте зумет бы се мусели, видечи яко окраса и оздоба народу ихъ, в потом[л.269]стве их отнята, а просто загнула, которим ояк же бы потреба се старем, оулитоване самих над собою. Гды бо бы не рекучи в часы давниe посмотрели, яко то был зацный, славный, острій, доствипный народ их в умежности и ако многократ посторонниe учоные народы их м[у]дрость мусели похвалят и овшем се от нихъ учит, але бы хот самое писмо свое тетра ев[ан]г[е]лия и апостола словенского, которое могу мовит перед тисеч[е]ю лет от некоторого з словян выложено, а которое не одно въ их, але и по всех ц[е]рквахъ сербских, московских, волоских, булгарских, харв[а]цких, инных, чтут уважали. И с тех, хто бы хотел а умель тот выклад чести, обачил бы иж целеваль, а снат и за собою оставил, тот муж нашъ милый словенин, латынских і иных толмачов, яко властие слова з греческого выкладывал, иж трудно зрузуметь, чи болшь греческии або словенскии езыкъ умел. И бы не было болшь, тогды и от тул досыт знакъ немалыйи маем, акъ пред тымъ словяне, которым а што может быт прироженшого одно не рус, был люд доствипный, а естли бы пакъ еще се короткости не фолгвало, а злща бы были в читанью писмъ своих о них бе гл[а]сишими, то есть жебы се неплонно им приводило.

Бы были мовлю што се там пишет паметниками о их доствипе и острости, якіе оны синоды з папою римским и зъ инными памети годные

мевали, яко мнозства людей к вере з блудов выдвигали и яко в розман-
тых языках учоными были, к тому яко живот светобливый вели яко теж
межи собою злых и фалшивых в вере братов знашали, лечили, направ-
ляли, яко зас учителей своих, водле науки слова божего, [л. 269об] свето-
любивым малженством от иных отделили и их тым оздабеных всим на-
родом и верам и понине ку прикладу праве яко свечу, чистостью мал-
женства светячую были показали, было бы што заисте широце о них вы-
писать. Але толко один явный, ясный, а вечное памяти годный при-
клад их припомню, а которіи и без писма всим ведомый, значный, а
праве видомый есть, яко они для так великое светобливости своее мимо
инных, таким чо инным даромъ были от п[а]на оздобены, же не рекучи
мимо папу римског[о], але и мимо оных часов наученших народов в
либїи, в антиохїи, в пентаполии, сыцылїи, в месопотамїи, в палестыне, в
финицыи, и инде, яко то и на око бы се усмотреши могло, и у нам
недалеких влохов, немцов, поляков, французов, ганкликов, гишпанов, а
коротко мовечи над всих на свете хр[и]стиянских народов в слове
б[о]жьемъ прозревши, сами одни толко того были доказали, же подлуг
науки ап[о]с[то]льское своим влосным языком, от так давного часу слово
боже выложили и мели, и нам zostавили. В чом иные вси народы их
прикладом ледве се аж за тых наших веков обачили и до того, и то не без
малого забуреня и ображеня пришли, же слово б[о]же з латинских и
иных письм своим теж языком прирожоним перекладати и читати
почали. Але дал бы то пан, иж бы вы каждый от себе, о зацные панове,
кото́рі есте тои речи якобы о[т]цами по таких фалебных предках своих
позостали и на мечьца их вступили, поневаж в том або жадное помочи
люцкое дле греху нет, або толко вы сами тому з м[и]л[о]сти ку
о[т]чизне вашей помочи бысти могли, гдычи простота ч[о]л[о]в[е]ка
бедного посполитого на вас очи завжды удавала и удает, и за вами идет.
В тую потребу отчизны [л.270] вашею простоту грубую про недостаток
науки брати вашею прикладом своим милосерным, если есть што
милости братерское у вас, гдычи межи всими люцкостями ничего не
ест[ь] такъ власного, а злаща богобоиному ч[е]л[о]в[е]ку яко улиоване,
кото́рим указуемъ по собе неякое подобенство добротливости б[о]жее, а
наконецъ дле заплаты собе от пана вечное, тому народу вашому
неумеетностью заведеному и утрапеному, допомагаючи, митрополита
вашого, владыкъ и учителей ваших до того прозбами вашими вели, жебы
не подкупов, не посулов дле поседаня столиць один перед другим, не до
животей і привилеев один над другого обварованейших, але слова
б[о]жжего саме се учили и других з мастности и іменеи о[т] ваших
предков имъ не на марнотрацтва, не на строи и што такого, але дле наукъ
наданых. Ова бы ку науце, леч не такой яко тепер на вечным свои встыд,
толко прочести и то ледво в своем языке, не болшь учатсе, школы

заложити и науку слова б[о]жего от так много лет занедбаную выдвигнути братья вашои хотели и усиловали. Которих я неодному которому, але всем и з тою потребою отчизны вашео, богопоино и пилности, растрошности и верности поручаю и заставую, просечи пана, а бых был готов, если она до конца згинет, з нею згинут, абе если и через вашь ретунокъ будет выдвигнена з вами и з нею выбринуть.

А тут вжо конецъ речи моеи чиню, которую замыкаючи, и то в жалости моеи мовлю, если на тот час за н[а]шю невдячность м[и]л[о]с[е]рдья бы б[о]жего не было, тую казнь от нас отдалити, злаща тепер на око видим, иж везде вси речи злыми розсудками такъ сут по[л.270об]псованы, иж не может быть ничего такъ добре поведено, на штобы потвар не могла быть учинена, а ни теж жадинь от того, чога се разхватит, оступит не хочет, абы се не здал в чом поблудим. Еще теж ижъ посполите бывает, же живого ч[е]л[ове]ка в дарехъ, а злаща своего, а[б]о собе знаемого, люди скромне и без образы зность не могут, про то абых и при правдивои повести зостал и злого мниманя ушоль, не мовлю всех, але таких ни усиленно прозбою, ни плонным забеганемъ, а ни легодными і прибавляющими доводы спирати хочу, але учинивши повинности своен досыт, мусим до маестату б[о]жего отозватсе, перед которим вси стати мусимъ. А в том ничего не вонтпим, же оныи справедливыи судя реч н[а]шю пофалит, хотя ее так неприятели взгаршають и выкидают. А тепер побожного читолника дле Х[ри]с[т]а просим, естли мнимает в нас быть што выступного, або з стороны науки, або з стороны нас, абы того не приписовал н[а]шой злости, але люцкою кривности, а неумеетности, ажи бы дле Х[ри]с[т]а отпустил. А естлиж тая реч е[с]ть не мала, в которои нам вину дает, нехай нас не соромит, але нас нехай в том хр[и]стиянске напоминает, бо естосмы готови из іоаном кр[е]стителем здробнети, абы п[а]нь Х[ри]с[т]о[с] росъ. На остаток всех побожных дле Х[ри]с[т]а просимъ, абы жадное васни не мели против тым, которіе нас шипанемъ, очижанемъ преследуют, або иж бы изъ іаковом, або іоаном не жадали спущеня огня з неба дле забореня господы и месца у них слову б[о]жему и овшем водле науки х[ри]с[т]о[в]ое, нехай им всего добра зычат, а з нами нехай за них б[о]га просят, абы се упамятали а збавени были, и иж бы сами себе не зазрели так великое ласки б[о]жее, зъ их же имь достоинствою и зацностью зачинающее. Аминь».

26. Такое предположение подтверждается целым рядом наблюдений. в том числе неправдоподобной краткостью текста *Catechizisa*, предшествующего «предмове»; произвольностью места расположения различных частей рукописных материалов В. Тяпинского в конволюте и т.д.

27. Budny S. O przedniejszych wiary christiańskiej artykulech. Warszawa; Łódź, 1989. S. 3, 202; Ten że. O Urzędzie miecza używajacem. Warszawa, 1932. S. 22, 231.

28. Не случайно архимандрит Иосиф, написавший первую обстоятельную работу о В. Тяпинском и его издании, считал В. Тяпинского православным, а его перевод – православным полемическим сочинением. См.: Иосиф, архим. Малороссийский перевод Четвероевангелия // Духовная беседа. 1861. Т. 12. С. 362–368; Т. 13. С. 394–400.

29. Лабынцаў Ю. Пачатае Скарынам: Бел. друк. літ. эпохі Рэнэсансу. Мінск, 1990. С. 175.

30. Budny S. O przedniejszych... S. 202.

31. Описание этих изданий см.: Лабынцев Ю.А. Описание изданий Несвижской типографии...

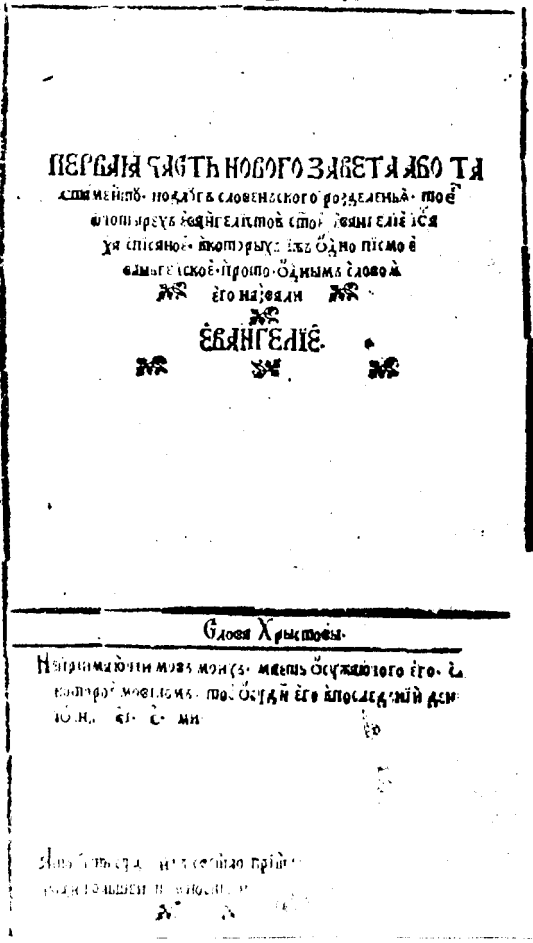
Любопытно также, что В. Тумаш даже считал, что в супрасльский конвюлот включен личный экземпляр В. Тяпинского. См.: Тумаш В. Друкарня Цяпінскага: Да 400-годдзя дзейнасці // Запісы. 1975. Кн. 13. С. 71.

32. Łabynczew J., Szczawińska Ł. W mieście zwanym Zabłudowem...; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей...

33. Л. 268 конвюлота.

34. Катехизис. Несвиж, 1562. Л. 3об.

Такой авторитетный исследователь, как украинский историк М.С. Грушевский, подчеркивавший белорусское происхождение В. Тяпинского, посвятивший изучению его деятельности множество работ, с сомнением писал, что на основе анализа «предмовы» В. Тяпинского можно считать протестантом. См.: Грушевський М. З історії релігійної думки на Україні. Львів, 1925. С. 55.

Титульный лист *Евангелия* В. Тяпинского в составе конволюта супрасльского архидиакона Иевстафия

КНИЖНОСТЬ СУПРАСЛЬСКОЙ ОБИТЕЛИ

Православные монахи, пришедшие в конце XV в. в леса в верховье реки Супрасль, принесли с собой и первые книги. Вначале монашеские жили в разрозненных одиночных кельях-скитах и собирались вместе на молитву только по субботам и праздникам [1]. Позднее, после перенесения монастыря на нынешнее место, примерно около 1500 г., его центром стала деревянная церковь во имя апостола Иоанна Богослова, построенная А.И. Ходкевичем в честь его отца – киевского воеводы Ивана Михайловича Ходкевича, захваченного в плен крымскими татарами в 1482 г. вместе с женой и сыном и умершего в неволе [2].

Первый настоятель Супрасльского монастыря, выходец из древнего города Бельска, представитель старинного православного мещанского рода Сегеней, о. Пафнутий Сегень, скончавшийся в 1510 г., не только способствовал развитию книжного дела в Супрасле, но и сам был выдающимся книжником. Его дело продолжили следующие настоятели Супрасльского монастыря – игумены Каллист (1510–1512), Иона (1512–1532), наконец, архимандрит Сергей Кимбар (1532–1565).

В Супрасльской библиотеке уже в самом начале XVI в. имелось несколько десятков книг, представляющих первостепенный интерес не только для истории белорусской, но и всей славянской культуры. Помимо уже указанных нами, в частности, вложенных в монастырь его ктиторами, упомянем *Пролог (сентябрь–февраль)*, переписанный в 1512 г. «повелением» Иосифа Солтана и переплетенный тогда же «рукою иерея Прьфирия иж в Любчи» [3]. В самой ранней описи библиотеки монастыря, вероятно, о нем в числе других *Прологов* сказано: «На весь год 4 прологи, а в каждом по три месяца» [4]. Книга эта в середине XIX в. вместе с другими высылалась в Ригу епископу Павлу Доброхотову, но благополучно возвратилась в библиотеку Супрасльского монастыря. Об этом свидетельствует запись 1852 г. на ее первых листах. В состав *Пролога* вошло, в частности, житие «святых новоявленных мученик родом Литвы Иоанна, Антония и Евстафия. Литовския ж им имена Круглец, Кумец, Нежило» – один из самых ранних его списков (Л.491–514). В конце рукописи в послесловии подробно рассказана история ее создания: «В лето 1512 кроуг солнцу 19 а

лоуны 8 индик 15 месяца авгоус в 12 на память святых мученик Фотиа и Никиты еже ес храм святых новоявленных мученик Бориса и Глеба, нареченных во святом крещении Романа и Давида при великом короли Жикгимонти, а при митрополите киевском и всея Роуси архиепископе кир Иосифе, при воеводе новгородском пану Яноу Яновичоу Заберезенском написана быс сиа книга. А замышлением и повелением господина митрополита киевского и всея Роуси кир Иосифа а многыи и хоужший и меншии нарочитою в грешницах инок диаконец Иоакимец, а роукою многих дяков. Слава Богоу иже в троици славимому Богоу помогшоу ми начати с смирением книгоу сию и сконьчати с тщанием, вы же господо, и отци и братие чтите сию богодоухьновенноюю книгоу исправляюще своим разоумом, и аще боудем где описалися своим неразумием или неочучением грамоты протож нас просьтите а не клените, а Бог мира боудет с всеми нами аминь» [5].

К той же группе *Прологов* из библиотеки Супрасльского монастыря принадлежит *Пролог (март–май)* [6], переписанный, судя по всем признакам, в том числе письму, вместе в предыдущим (F19-95). Он содержит, в частности, «память святых новоявленных мученик Антония, Иоанна, Евстафия» (Л. 192об–214), «память преподобнаго отца нашего Мефодия епископа Моравского» (Л. 308об–311), множество житий и «памятей» киево-печерским святым, а также новгородским, ростовским, полоцким. Под 4 марта находится «пренесение моцем святого Вячеслава князя Ческаго. Бе князь в Чесех правоверен именем Вячеслав».

К числу *Прологов*, находившихся в Супрасльской библиотеке, принадлежит и рукописный *Пролог (июнь–август)* 1530 г. [7]. В его колофоне читаем «Изволением отца, поспешением сына, и съвершением святаго Духа, влет 7038 (1530) индик 3 круг лун 8 при дръжаве великаго кроля Жикгимонта и королевича его милости великаго князя Жикгимонта, написана быс сиа книга прелог, три месяци дек ген и фев повелением преосвященнаго епископа Макария владыкы луцкаго и острозскаго, при старосте луцком князи Феодори Черториском, а почата в Луцку месяца апреля 15. а докончана быс тогож року месяца февраля в 20. на памят преподобнаго отца нашего Лва епископа Катанскаго роукою многогрешнаго раба Божиа священноинока Макария Лвовича з Голшан родом, дописано в дубиском монастыри оуведения пречистой Божии

матери. Отци святии и брата чтите исправляюще гдес буду описал, а мене грешнаго не клените, но прощайте».

В 1505 г. в жизни Супрасльской обители случилось знаменательное событие. Константинопольский патриарх Иоаким выдал А.И. Ходкевичу благословенную грамоту на устройство монастыря, где был указан и его устав – общежительный [8]. К сожалению, этот важнейший документ сохранился только в латиноязычной копии и в таком виде был включен в сборник документальных материалов по истории монастыря *Kroniku Lawry Supraslskiej*, составленный в XVIII в. Грамота Иоакима была написана, несомненно, на греческом языке. Она могла быть переведена на латинский уже вскоре после ее получения или же позднее как свидетельство особого значения. Это был одновременно и нормативно-правовой документ, роль которого в различных внешних сношениях монастыря трудно переоценить. Примечательно, что эта грамота без каких-либо доказательств объявляется некоторыми польскими историками фальсифицированной [9], а ссылки на нее иерархов Православной церкви в нынешней Польше – вводящими в заблуждение [10]. О подлинности грамоты свидетельствует множество фактов. Прежде всего то, что присутствовавший на известном Виленском соборе 1508–1509 гг. о. Пафнутий, поименованный, кстати, сразу же вслед за настоятелем Киево-Печерской лавры Ионой, назван игуменом «Благовещенской патриаршеской» обители. Это слово, «патриаршеской», специально подчеркнул и митрополит Макарий в своем известном историко-церковном труде [11]. На эту грамоту ссылается и митрополит Иосиф Солтан в 1514 г., о чем упомянули и издатели *Kroniki* [12]. Таким образом, с начала своего основания Супрасльский монастырь попал в особое положение как покровительствуемый вселенским патриархом. Это было специально отмечено в именовании обители на знаменитом в истории православной церкви соборе 1508–1509 гг., созванном в столице Великого княжества Литовского Вильне [13].

Среди первых книг Супрасльской библиотеки следует назвать и так называемую *Волинскую краткую летопись* [14]. Она является частью сборника, написанного в Супрасле. Летописная часть оканчивается перечнем событий первых лет XVI в. и имеет ряд интересных дополнений, одно из которых сделано очевидцем

посещения Супрасля королем Сигизмундом II Августом в 1544 г. в самом конце летописи: «В лето от начала миру 7052-е, индиктиона 2. Септемвриа месяца 16, в неделю, на память великомученици Евфимии всехвалное, Жикгимунт Август, корол полскый, великий князь литовскый и иных панств господарь и дедич, короля Жикгимунтов и Казимира Ялгаиловича внук, бысть в дому Богородицы обители Супрасльское с многими велможамы своими, церковнаго ради и местнаго видения и молебнаго пения, в святой пресветлой церкви Богородицы от начала даже и до конца слушав, и внутр святилища сиреч олтаря быв, и на святой трапезе, святых евангелии и честных крестов и всех сосудов священных оглядев, и по монастырю походив, и в трапезницы быв, и милостину вбогым дав. И абие паки во своя со вмилением и кротостию Богородицу благодарствуя, со всеми яже о нем, возвратися» [15]. Весь сборник означен в первой описи монастыря так: «Книга Царственник з летописц» [16]. В начале XIX в. его летописная часть оказалась изъятой из сборника и попала «в библиотеку Государственной коллегии Иностранных дел» в Москве [17]. В летописном тексте немало старобелорусских слов, например, «бискупу» [18]. Очень интересны старобелорусские маргиналии и пометы на полях, сделанные латиницей и кириллицей в Супрасле в XVI–XVII вв. – «w moskwie», «naszemu włodzimirzu» и т.д. [19]. Эта рукопись является одним из основных летописных источников по истории Великого княжества Литовского, особенно Волыни и Подляшья [20].

Нельзя не упомянуть и *Лествицу* 1530 г. из Супрасля, которая позднее попала на Афон. Вероятно, о ней в ранней описи монастырской библиотеки сказано: «Книга лествица в полдесть» [21]. Ныне рукопись сберегается в библиотеке Хиландарского монастыря (инв. № 339) [22]. На ее л. 275 в колофоне записано: «В лето 7038 (1530) индикта 3. списана бысть книга Лествичник оу монастыри общем в обители Благовещения пресвятыя Богородица и святаго Иоанна Богослова иже на реци Соупрасле, желанием и роукою многогрешнаго инока Арсениа, бывшаго в мирском житии Алексеа недостойнаго попа».

Первоначальная опись библиотеки Супрасльского монастыря, касающаяся времени до начала 1530-х гг., фиксирует в ней 129 различных книг, почти исключительно рукописных. Монастырь об-

ладал значительным собранием четьей литературы, в своем составе не только не уступающей, но значительно превосходящей собрания других крупнейших православных монастырей. В Супрасле были собраны ценнейшие для восточнославянских православных интеллектуалов той поры тексты. Сформировалась собственная школа «книжного строения», деятельность которой была заметной на огромной территории Центральной, Восточной, Южной и Западной Европы. Библиотека монастыря обладала большим числом древнейших пергаменных рукописей, опись прямо фиксирует это. Собственно литургических книг в Супрасльском собрании было немного. Ровно столько, сколько необходимо для богослужения в монастыре. Этим Супрасльская библиотека разительно отличалась от других, прежде всего находящихся в пределах Московского государства [23]. Состав книгохранильницы Супрасля со всей очевидностью свидетельствует, что монастырь с первых лет своего возникновения стал крупным книжным центром, где работали выдающиеся ученые монахи-книжники – литераторы, переводчики, редакторы, писцы и изографы. Супрасль сразу же превратился в крупный литературный и вообще интеллектуальный центр православия на крайнем западе, в непосредственном соседстве с католическим миром, на рубеже *Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana*. Этим объясняется и наличие в Супрасльской библиотеке тех лет многих рукописей, необходимых для полемики с католиками, появление в монастыре сильной литературной школы православных полемистов, создававших и переписывавших такие рукописные тексты как, например, «книжка на латину» [24].

Период архимандритства Сергия Кимбара был целой эпохой не только в жизни Супрасльского монастыря, но и в истории православной книжности и литературы в Великом княжестве Литовском. Время оставило нам немного из авторских писаний архимандрита, однако и то, что сохранилось, дает право говорить о нем, как об одном из крупнейших православных богословов того времени. Главное же, самое заметное ныне из его деяний – упорядоченное и приумноженное книжное собрание Супрасля.

После обнаружения и публикации С. Голубевым послания о. Сергия Кимбара к митрополиту Киевскому Макарию [25] к личности архимандрита был проявлен интерес такими известными

исследователями, как В. Иконников [26] и Е. Карский [27]. Однако и по сей день нет каких-либо специальных исследований об о. Сергии, и имя его упоминается лишь маргинально. Несмотря на то, что послание митрополиту Макарию стало на Руси одним из первых оригинальных богословских трудов и едва ли не самым значительным в православном мире Великого княжества Литовского того времени вообще, даже оно и по сей день остается неизученным. Уже С. Голубев придавал посланию особое значение и поместил его первым среди материалов тома *Архива Юго-Западной России* [28]. Он считал, что послание «заслуживает особенного внимания наших литургистов» [29], а в его авторе видел «предтечу тех ревнителей просвещения в юго-зап. Руси, которые так много заботились об исправлении богослужебных книг и обрядов» [30]. Подобное мнение разделяет и наш современник, профессор Ягеллонского университета А. Наумов, считающий, что послание о. Сергия «является самым древним нашим литургическим трактатом и весьма удивительно, что до сей поры оно не дождалось солидного академического исследования» [31]. Впрочем, причина столь долгого ожидания очевидна – слабая изученность той эпохи, подлинных реалий церковной жизни культурного пограничья. Не удивительно, что трактат оказался обойденным даже в таком известном исследовании, как *Пути русского богословия* о. Г. Флоровского [32]. Имя о. Сергия даже не было названо в его книге. Хотя именно послание супрасльского архимандрита Сергия является итогом многовековых исканий восточнославянских богословов до второй половины XVI в. включительно, особенно при рассмотрении такой ответственной и сложной темы, как «встреча с Западом».

Трактат о. Сергия важен и для понимания процессов, которые происходили непосредственно внутри монастыря, а также личности самого автора. О. Сергей почти вдвое увеличил книжное собрание обители, составил подробный его каталог, способствовал дальнейшему развитию супрасльской литературной школы, значительно расширению книгописной мастерской. Архимандрит Сергей Кимбар за полтора столетия до известной попытки патриарха Никона обращается к идее исправления богослужебных книг по греческим оригиналам. В своем послании он пишет: «А то ради, абы соборное правило святое церкви было не пестро, але

однолично, ведле оных стран законного в мнишеских соборех положения и утверждения, не от Литвы, а ни от Москвы, но оттоль, отколь нам крещение процвете и вера яже в Отца и Сына и святого Духа израсте и благочестие насадися и святыя книги на наш словеньский язык из греческого и еллинскаго выложения изыйдоша и еще бы теперь исходили, естль бы о них попечение было».

Архимандрит Сергей затевает в монастыре большое каменное строительство – «trapezy albo refektarza, a przy refektarzu cerkwi czyli oratorium, a przy tym zaraz kuchni y komory albo spizarni, z sklepieniami y z potynkowaniem» [33]. Он приглашает расписывать монастырский собор сербских мастеров во главе с «сербином Нектарием малером» [34]. Эти фрески являются предметом особой гордости современной Польши, они тщательно изучаются. По словам руководителя кафедры истории византийского и восточнославянского искусства Ягеллонского университета профессора А. Ружицкой-Брызек, фрески «являются лебединой песней высокого полета византийского искусства на территории Речи Посполитой» [35].

Поводом для написания о. Сергием послания послужили многочисленные письменные наветы («списы»), которые в течение четырех лет тайно («потаемне чотыри роки выписуя») распространял монах Супрасльского монастыря «чернец Арсений». Арсения определенно можно отождествить с писцом *Лествицы* 1530 г., оказавшейся в Хиландарском монастыре на Афоне [36]. Архимандрит Сергей сам постригал Арсения, бывшего до той поры «еще мирским неклюдным попом» («мнишеством по моему съгрешению от моее худости обложень»). Это обстоятельство особенно усугубляло тайные обвинения, которые были подхвачены и многими инославными, например, протестантским библеистом и полемистом Симоном Будным. Он весьма иронично писал, целиком основываясь на «списках» Арсения, о литературной и редакторской деятельности о. Сергия Кимбара [37].

Не вдаваясь в разбор всех особенностей внутренней, а затем уже и внешней, в том числе инославной полемики с о. Сергием, отметим, что это был весьма острый богословский спор, высветивший состояние православной церкви прежде всего со стороны книжной. Послание дает нам огромный материал, по сути, скрупуп-

лезно разъясняет все основные вопросы, связанные с литературной, редакторской, собирательской, книго-распространительской практикой Супрасльского монастыря, рецепцией там и толкованием различных библейских и литургических текстов. В послании изложены и насущные предложения по совершенствованию и упорядочению богослужebной практики.

Документ содержит достаточно много сведений о самом о. Сергии. В нем, в частности, сообщается, что архимандрит монашествует в Супрасльской обители уже 26 лет. В послании упоминаются книги, о наличии которых в монастыре известно только со слов о. Сергия. Наиболее интересной представляется «перемышский типик», то есть перемышльский, получивший свое наименование от связи с городом Перемышлем – одной из древнейших колыбелей восточнославянской православной традиции.

Пожалуй, специально следует выделить рассуждения о. Сергия о роли митрополита Иосифа Солтана, «вчителя и пастыря и ктитора», который много потрудился для устройства монастыря и со стороны книжной. «А пан Солтан благочестивый и мудрый пан, который же света того немалую часть обышол [38], хотячи положение его светское и духовное видети, и по апостолу, лучшее от хужьшого разделяя и в себе то яко губа воду взимая. И бы был его милость бачил в нем што несправного и церкви святой негодного, звать бы его з оных странь не вынесл. И тудеж... часу живота своего на таковыя вещи был не набачный, але по премногу разсмотрительный, и тот исьследовал, ли бы был в нем што строптиваго, ни како бы церкви его святой не надал, а наболей той, о которой же болшее попечение над вси свои иншыи духовныя дела, яко ктитор, имел».

Послание сообщает и сведения о переводческой деятельности о. Сергия Кимбара, в том числе по переводу библейских текстов на язык, близкий к народному. Сообщается, в частности, о том, что он «переглаживал и прилагал» Евангелия, а также о его единомышленниках [39]. Зная о переводческой и вообще о книжной деятельности архимандрита, Г.А. Ходкевич [40], несомненно, использовал его идеи при создании собственного издательского проекта [41].

Нельзя не упомянуть о последовательном употреблении супрасльским архимандритом таких определений, как «на Руси и

здесе в Литве», «тут в Литве и на Руси», «зде и на Руси» в географическом и геополитическом смыслах. Он вполне разделял, отграничивал «Литву» и «Русь», которую он также именовал «Москвой» («не от Литвы, а ни от Москвы»). В то же время, когда речь идет о православии, о вере, об обрядности и книжности, он пишет совершенно определенно и точно, не допуская каких-либо иных толкований: «Нам Руси закон святой православный выдан».

«В лето ...7065», 1557 г. о. Сергей Кимбар составил обширный инвентарь Супрасльского монастыря: «Божею волею, я Сергие. во оно время будучи страстный архимандрит, для певное истоты, и по мне будучим ведомости, изволил сий реистрик написав и печатию церковною запечатав, у скарб церковный положить, што есми обители Богородицине Супрясльской и церквам святым в животе моем, поспешением и дароношением Богородици, приложил ку окрасе и славе и почести церковной» [42]. Это был и его отчет в земных деяниях как архимандрита Супрасльской обители. Отдельно в качестве особой драгоценности в нем были описаны книги монастырской библиотеки [43]. Прежде всего «Евангелие паргаменное старое» [44], «ктитора митрополита Солтана наданья» [45], а также «славное памяти евангелие», которое о. Сергей «у господаря пана его милости», то есть у А. Ходкевича, «упросил» [46]. Помимо 129 книг «старых», которые уже были в Супрасле до настоятельства о. Сергия, он описывает еще более 70. («Всех книг новописанных за мене Сергия прибавленных»). Впрочем, не все книги, появившиеся в монастыре в период архимандритства о. Сергия, были созданы или приобретены по его указанию. Некоторые поступили в дар или по завещанию. Таковые, например, – «Книга Феодора Студиты от Сопеги» – [47], то есть от древнего православного рода, владевшего на Подляшье огромными поместьями; «Книги, которыя ся по смерти... остали», «Яцка, подскарбьего бывшаго» [48].

Опись о. Сергия фиксирует и первые «латынские» книги, появившиеся в монастыре, а также «греческих книг 5» [49]. Следует заметить, что уровень описания книг в инвентаре супрасльского архимандрита ничуть не уступает аналогичным трудам в крупнейших библиотеках тогдашнего христианского мира, в том числе и на Западе, не исключая и столь показательное во всех отношениях Ватиканское книгохранилище. В этом легко убедиться, сравнив

опись библиотеки Супрасльского монастыря 1557 г. с описью Ватиканской библиотеки XVI столетия. В качестве конкретного примера можно указать инвентарь библиотеки Ватикана, составленный Л. Парменио около 1518 г. [50], или же более поздний Vat. lat. 3967, записи в котором делались вплоть до начала XVII в.

В середине XVI в. Супрасльский монастырь имел 209 рукописных и печатных книг на церковнославянском, старобелорусском, латинском и греческом языках. В преобладающем числе это была четья литература самого разнообразного содержания, в том числе географическая и естественнонаучная. В тот же период в знаменитой Киево-Печерской лавре имелось всего 85 рукописей в абсолютном большинстве богослужебного характера [51], а в Соловецком монастыре 208 манускриптов, из которых свыше половины составляли литургические рукописи [52].

Некоторые книги, приобретенные стараниями о. Сергия, в том числе и переписанные по его указанию, сохранились. Укажем лишь на одну рукопись, упоминающуюся и в его описи, «книгу глаголемую Козма Индикоплав избранна от божественных писани благочтивым и повсюду православным» [53]. Рукопись можно назвать настоящей естественнонаучной энциклопедией того времени. Ее даже собирались иллюстрировать, для чего в тексте были оставлены пробелы для помещения миниатюр. На форзаце среди прочих исторических заметок, в частности, позволяющих достаточно точно датировать рукопись, есть и такая, касающаяся непосредственно Супрасля и его окрестностей: «Месяца ноября 4 дня св. Иоанникия память. Снег напал з метелицею до пояса. Того дня почали в теплой церкви служить».

Сохранились сведения и о том, что монастырь выдавал книги на прочтение и за пределы своих стен. Такое исключение было сделано, в частности, для сына А. Ходкевича Юрия [54]. Благодаря сохранившимся рукописям можно говорить и о наличии в Супрасле особых келейных библиотек [55], на что указывают и определения некоторых книг в описи 1557 г. как «кейных» [56].

Архимандрит Сергей Кимбар, первый из настоятелей Супрасльского монастыря, возведенный в это достоинство (все прежние были игуменами), скончался в 1565 г., в канун начала присоединения и объединения земель Великого княжества Литовского и Королевства Польского.

В октябре 1568 г. Григорий и Юрий Ходкевичи, ктиторы Супрасльского монастыря, прибыв в обитель, подтверждают своею грамотой его прежний общежительный устав, ибо «многих небрежением и слабостию нынешнего веку, а звлаща по смерти архимандрита... Сергия Кимбара, тоя устава и обычай в некоторых делах не выполнялися и многое нестроение было вчинилося» [57]. В тексте грамоты дается очень высокая оценка деятельности первого супрасльского архимандрита, а на заведенные им порядки указывается как на образец. О библиотеке в грамоте сказано следующее: «К тому книги церковныя в позычки не мают быти даваны, а котория розпозицаны, тые аби все были собраны и знову мают быти зреестрованы» [58].

Тогда же в полной мере начинает реализовываться и идея создания собственного издательского центра, в чем деятельное участие приняли и насельники Супрасльского монастыря [59], составившие вместе с группой других духовных и светских лиц, в число которых входили и представители ряда крупнейших магнатских фамилий Великого княжества Литовского, своего рода особый литературно-издательский совет [60]. Практическая деятельность издательского центра в Заблудове была, несомненно, удачной, хотя и очень кратковременной [61].

Позднее в память о своем муже жена Г. Ходкевича, Екатерина Ивановна Вишневецкая, внучатая племянница князя К. Острожского, дала вкладом в Супрасльский монастырь несколько книг, среди них и печатные заблудовские. На *Евангелии учительном* она сделала следующую собственноручную подпись: «+Изволением Отца и споспешением Сына и совершенем Светого Духа в лето Божьего нарожения тисеча пятьсотого и семьдесят пятого году, месяца декавра 11 день, иньдикта 3. На память преподобнаго отца нашего Данила Стольпника дала сию книгу глаголемую Евангелие повчительное раба Божьиа Григорьева Ходьковичова, пани виленская, гетьманова навышьшая Великого князства Литовского, старостина городеньская и могилевская, княжна Катерина Ивановна Вишьневская по небожьчику славной памяти его милости [далее другим почерком] пану мальжоньку своему пану виленскомь, гетьману навышьшомь Великого князства Литовского, старосте городеньском и могилевском, его милости пану Григорию Александровичу Ходкевича, и по небожчику сыну

своим, его милости пану Андрею Ходкевича, подстолям Великого князства Литовского и по другом сыну своем небожчику пану Александру Ходковича, старосте городенском и могилевском во храм Благовещения Пресвятыя Богородици в имену нашем Супрасльском на монастырь. И хто бы сию книгу ... дерзнул получитьи и паки не привратити, да будет на нем клятва первого Вселенскаго иже во Никеи Собора на еретики положеная. Аминь. При той же книзе и Апостол и Псалтыр с тою ж подписю даю» [62].

Обладавший огромными богатствами [63] и влиянием как на внутригосударственном, так и на международном уровнях [64] Г. Ходкевич выступил одним из самых ярких противников заключения Люблинской унии 1569 г. Предчувствуя весьма крупные изменения в жизни государства, Великого княжества Литовского, великий гетман Г. Ходкевич старался сплотить своих политических единомышленников, о чем свидетельствуют многие факты и события периода сеймовых заседаний в Люблине в 1569 г.

12 марта 1569 г. королевским универсалом было провозглашено присоединение Подляшья и Волыни к Польше, 5 июня к Королевству Польскому отошло Киевское воеводство. Для магнатов Великого княжества Литовского сложилась тяжелейшая ситуация, когда их всеми возможными способами принуждали к заключению унии. Они всеми силами этому противились, надеясь сорвать подписание необходимых сеймовых документов или же, по крайней мере, добиться от польской стороны максимальных уступок. Последнее оказалось более реальным. 1 июля 1569 г. уния в Люблине была подписана, однако со многими оговорками в пользу Великого княжества Литовского и основной массы его жителей – православных. Православные магнаты настаивали на гарантии сохранения своих вероисповедных прав. Король и сейм дали такие гарантии, в частности, подтвердив привилегию от 7 июля 1563 г. о равноправии православных и католиков.

После принятия Люблинской унии Г. Ходкевич прожил недолго и умер 12 ноября 1572 г. Его любимые Заблудов и Супрасль остались в пределах Великого княжества Литовского, на самой границе с Короной.

В том же году от моровой язвы перемерла вся братия Супрасльского монастыря вместе с архимандритом. В Супрасльском

помяннике читаем об этом: «Помяни Господи отец и братья наших иже внезапною напрасною смертию отшедших века сего и скончавшихся отец и братии иже во святей обители Супрастей у великое поветрие в року 1572 бывшее. Помяни Господи священноинкока архимандрита... Григория, священноинкоков Нектаря, Генадия, Иону, Пахомия; схимника Панкратия; иноков Феодосия, Генадия, Варлаама, Арсения, Селивестра, Варлаама, Касиана, Дионисия, Макария, Захарю, Викентия, Митрофана, Симона, Гавриила, Варсонофия, Исакия, Иоаникия, Иакова, Иева, Герасима, Варлаама» [65].

Среди умерших было немало выдающихся книжников, в том числе и тех, кто приумножил Супрасльскую библиотеку.

Пожалуй, одной из самых интересных рукописей, связанной с Супраслем начала второй половины XVI в., является *Тайная тайных* или *Аристотелевы врата* [66]. Эта рукопись, написанная на старобелорусском языке, представляет собой сборник, в состав которого входит и ряд астрологических сочинений. Совокупность их позволяет говорить о некоей восточнославянской «астрологической библиотеке» – древнейшем корпусе белорусской астрологической книжности оригинального, переводного и компилятивного плана, оказавшей прямое воздействие и на аналогичную русскую книжность. В то же время часть данного сборника, составленная из астрологических сочинений (глав), может рассматриваться и как единый трактат, созданный на белорусских землях Великого княжества Литовского на основе собственной авторской интерпретации еврейских и арабских сочинений подобного плана [67].

Супрасльский астрологический трактат – плод труда белорусского книжника (или книжников), связанного с еврейской, греческой и арабской астрологической традицией, точнее, смешанной, развивавшейся в средневековой Европе. Примечательно, что он осознает себя человеком, находящемся на пограничье между Западом и Востоком, астрологически представляет восточных славян в едином фатальном пространстве: «Первая планета, рекомый Крон, а держит субботу, стоит над Русью, над Новым городом, и над Москвою и над Литвою» (Л. 61).

На прямые связи супрасльских книжников с современной им еврейской литературной и культурной традицией указывают и

некоторые другие сохранившиеся рукописи, в частности, более поздний интереснейший объемный сборник, состоящий из различных ветхозаветных библейских книг, глав Палеи и многого другого, в том числе текстов печатных изданий Ф. Скорины [68].

Еще более определенно рукописи Супрасльской библиотеки фиксируют связи монастыря с современным греческим миром, прежде всего с Афоном, контакты с которым были постоянными со времени основания обители в конце XV в. Связи эти были взаимными, обмен шел двухсторонний, в том числе обмен книгами и монахами-книжниками. Примеры тому мы приводили, добавим только, что *Повесть о разорении Афона латиномудрствующими в 1276 году и о восстановлении Ксиропотамской обители императором Андроником* «принесена бе из Святой горы калугеры у мнастырь Супряский в лето от создания миру 7054-е» [69]. Совершенно определенно так или иначе с греческой, точнее, грекографической каллиграфической традицией, были связаны и писцы некоторых славянских рукописей из библиотеки Супрасльского монастыря. Прежде всего, это писец части рукописи (с 1 по 140 л.) Слов Григория Богослова с толкованиями ираклийского архиепископа Никиты [70], а также писец некоторой, в основном, начальной части объемного сборника, составленного из многих тетрадей, переписанных разными лицами [71].

После трагического 1572 г. Супрасльский монастырь довольно быстро восстановился. Он продолжал оставаться и одним из крупнейших центров православной книжности, прежде всего полемической. Об этом свидетельствует, в частности, знаменитый *Супрасльский сборник* 1580 г., о котором много писалось [72], содержащий и известное Евангелие В. Тяпинского [73]. Сборник был составлен замечательным супрасльским книжником архидиаконом Евстафием и представляет собой целую библиотеку полемических сочинений, направленных в основном против иудеев, католиков, протестантов и магометан. Нам известна еще одна рукопись, принадлежавшая о. Евстафию. Это отрывок пергаменного Евангелия апракос XIII–XVI вв., содержащий его владельческую запись: «Евстафии архидиякон монастыря Супряслиского» [74]. Книги эти – часть некогда одной из самых примечательных личных (келейных) собраний Супрасльского монастыря.

К концу первой половины – середине XVI столетия Благовещенский монастырь начинает играть ведущую роль в литературной жизни православных на всем пространстве Киевской митрополии. Близость его к католическому Западу и крупнейшим в Европе протестантским центрам способствуют появлению здесь уже в первой половине XVI в. сильных писателей-полемистов, возникновению собственной православной антикатолической и антипротестантской полемической литературы, питавшей не только Подляшье, Великое княжество Литовское, с Киевом включительно, но и Афон, Сербию, Болгарию, Молдавию, Валахию, Московию. Еще в XIX в. после ознакомления лишь с одним из списков полемических сочинений супрасльских книжников профессор Киевской духовной академии Н. Петров писал, что Супрасльский монастырь «имел посредствующее значение между древнерусской полемикой с латинянами и между южнорусской ученой полемикой, начавшейся с конца XVI века». «Пользуясь нередко в своих сочинениях древнерусскою полемикою против латинян, полемисты Супрасльского монастыря в то же время впервые обратили свое внимание на изучение католичества по католическим же источникам и тем проложили путь следовавшей за нею южнорусской ученой полемической литературе с латинянами» [75].

В 1589 г. Супрасльский монастырь посетил константинопольский патриарх Иеремия. К этому моменту обитель уже полностью оправилась от трагедии 1572 г. Среди книжников, трудившихся тогда в монастыре, хотелось бы особо отметить Ивана Проскура, человека светского, создавшего несколько сборников для обители. Один из них, содержащий *Житие св. Варлаама и Иосафа и св. Сергия Радонежского*, имеет в конце такую запись: «Року 1593 месяца февраля 24 дня Иван Проскура писал тую книгу в монастыру Супрасльском отцю Исаию уставнику и священноиноку того же монастыря» [76]. Второй сборник Ивана Проскура – *Измарагд* – настоящая энциклопедия XVI в. [77]. На последнем листе рукописи здесь также есть его собственноручная запись 1593 г., сделанная тайнописью на так называемом «тарабарском» языке: «Року 1593 Иван Проскура. Господи помози ми грешному рабу своему Ивану недостойному». Подробнейшее описание этой рукописи приведено у Ф. Добрянского [78]. В этой книге,

имеющей около 400 глав, мы отметим лишь некоторые. Главу 18 «о книгах ихъж подобает чести и внимати, ихъж не внимати, ни чести» (л. 243–246); главу 336 с весьма интересными рассуждениями об истинной дате рождения Иисуса Христа (л. 616); еврейско-«русский» словарь, «жидовская реч, которая нам не разумна не преложена на рускую реч, не разумное на разум, иж в евангелии, и в апостоле, в псалтыри, и в пареми, и у иных книгах» на л. 689–690.

На рубеже XVI и XVII вв. был написан *Супрасльский ирмологион* 1598–1601 гг. [79] – первая точно датированная нотолинейная рукопись в истории восточного славянства. Она имеет изящный титульный лист в рамке с заставкой из пражских изданий Ф. Скорины [80]: «Ирмолой. Творение Преподобного отца нашего Иоана Дамаскина. Нанотован в святей обители Монастыре Соупрасльском... написан рукоделием Богдана Онисимовича спевака Родом с Пинска в лето... 1601» [81]. Позднее рукопись попала в Киево-Печерскую лавру, о чем свидетельствует запись: «Ближнея пещери преподобного Антония» [82]. Обладая, несомненно, особой ценностью для истории восточнославянской книжности и музыкальной культуры, эта белорусская рукопись еще ждет своего тщательного исследования, а, главное – полного издания, так как может быть использована и частично уже используется сейчас в церковном и светском обиходе. По сути, она является хранильницей древних белорусских распевов, как неоднократно отмечено в самой рукописи, – «Супрасльских».

В 1596 г. в Бресте супрасльский архимандрит в числе прочих горячо протестовал против принятия Брестской унии и ее главных творцов [83], а в 1601 г. «архимандрит Илариан... соборне с братиею» объявил униатского митрополита Ипатия Поця «отступником от православия, лишенным сана», подверг его анафемствованию [84]. В 1610 г. появляются стихи Афанасия попovichа селецкого, «дяка монастыря Супраского» «от Востока к Западу не отступати», а в 1614 г. отступление это, несомненно, уже состоялось и касалось уже всей обители [85].

После принятия унии Супрасльская обитель становится одним из главнейших монастырей базилианского ордена, хотя формально из-за несогласия ктиторов – семейства Ходкевичей – к нему и не принадлежала. Однако «...нравственные силы Суп-

расльского монастыря, – писал его многолетний архимандрит Николай, – приобретенные подвижничеством иноков первого столетия, и дух православного монашества в Супрасльском братстве настолько был силен, что, формально состоя в унии, он еще целое столетие сохранял все внешние признаки православной обители» [86].

Подобное положение очень наглядно демонстрируют и памятники письменности, сберегавшиеся в Супрасльской библиотеке. В качестве примера возьмем *Минею четью (декабрь–февраль)* XVI в., имеющую более позднюю помету «многогрешного раба Божия Климентия Сарафиновича спевака Супрасльского» [87]. Эта рукопись активно использовалась супрасльскими базилианами, местами она подверглась весьма критическому прочтению. Это в еще большей степени было характерно для православных манускриптов литургического содержания, созданных до принятия Брестской унии. Тем не менее общая православная основа этих книг, по сути, не только принималась базилианами, но и в течение очень длительного периода, вплоть до напечатания в Супрасле Службника 1692–1695 гг. или даже до Замойского собора 1720 г., поддерживалась и распространялась в основном путем переписки. Это создавало условия для дальнейшей рецепции данных текстов. Так в объемной *Минее четвей (декабрь–февраль)*, содержащей в своих более чем 70 главах жития православных святых, скромного критического замечания базилиан «не правда» заслужило только следующее очень важное для истории христианства в Центральной и Восточной Европе место в конце «Жития блаженного учителя нашего Кирилла Философа, перваго наставника словенскому языку поставившего грамоту»: «Потом минувшим многим летом пришед Воитех бискуп латынский, оу мурав и в чехи и ляхи. Веру рускую, науку и писмо отвергне, латынскую ж веру и грамоту оустави, а правоверные епископы и попы изсече, а иных розогна и иде у прускую землю, хотя их оу свою веру привести, и тамо вбиен быс» (л. 505об). Такой виделась древнебелорусскому православному книжнику миссия епископа Войцеха, погибшего в 997 г. и ставшего одним из духовных патронов католической Польши.

Еще в большей степени тезис архимандрита Николая подтверждает факт переписки в 1631 г. слово в слово древнего пергамен-

ного помянника монастыря, служащего самым ранним свидетельством внутренней жизни этой православной обители. Супрасльские базилиане не только воспроизвели абсолютно все тексты пришедшего в ветхость первого синодика монастыря, прежде всего, сугубо православного характера, но и воздали должное «священно игумену Пафнутию»: «Съчиненоже бысть и оузаконено поминание сие в святей обители сей чрез благовернаго мужа, и преподобнаго отца священно игоумена Пафноутия, перваго строителя и предстателя сея святыя обители Супрясльския, под леты еже от начала бытия миру 7008 го (1500), индикта, 3 го: Нынешнимиж времена за ветхость лет поновлено бысть сие поминание, за стараньем пречеснаго господина отца Герасима Великонтия архимандрита, и всех еже о христе отец и братии общии промышленем, прилежным же тщанием в художестве рукописания, недостойным в священно иноцех многогрешным Стефаном Коханевич изобразися, в пресловуше святей обители Супряслстей, в лето от начала миру 7139 от воплощения бога слова 1631 индикта 14 месяца августа, в четвертый день» [88].

Примером внесения в православную традицию некоторых униатских новаций может служить «Гимн о страшном суде. От латинска языка на словенски преведен», помещенный в Супрасльском ирмологионе 1638–1639 гг. [89], текстуально отличном от Супрасльского ирмологиона 1598–1601 гг. лишь отсутствием некоторых песнопений. Любопытно, что на л. 24 этой рукописи читаем буквально следующее: «Утверди Боже православную христианскую веру...», – слова, списанные безо всякой редакции с православного чинопоследования.

С древнего православного оригинала целиком был переписан около середины XVII в. *Маргарит*, имеющий в конце такую приписку «...року 1654 месяца марца» [90]. Наоборот, *Розмышляния на недели целого року и на свята*, принадлежавшие виленскому базилианскому монаху Макарию Соковичу и переписанные примерно в то же время, – не только пример перевода с польского на старобелорусский язык, но и пример рукописи, связанной уже с чисто католической традицией, традицией *Slavia Romana* [91]. Традицию *Slavia Romana* демонстрируют и весьма объемный сборник на старобелорусском и польском языках, переписанный около того же времени [92], а также *Устав* Василия Великого на

старобелорусском языке с различными польскоязычными добавлениями [93].

В январе 1627 г. Х. Ходкевич, новый ктитор монастыря, исповедующий католичество, дает Супрасльской обители очередной устав [94]. В марте 1653 г. уже митрополит Иосиф Вениамин Рутский дает монастырю общежительный устав, написанный кириллицей на старобелорусском языке [95]. В этом уставе есть слова и о регулярном чтении *Уставов* Василия Великого, который «нехай кождый старается мети их переписанных у себе», то есть в своем келейном обиходе. В этих *Уставах законных общих св. ...Василия*, основательно реформированных и дополненных Иосифом Вениамином Рутским [96], содержались довольно подробные рекомендации по созданию и функционированию монастырских библиотек. При этом эти правила «в определенной степени ориентировались на правила ордена иезуитов, однако в большинстве они были оригинальными, приспособленными для монастырской жизни базилиан» [97]. Библиотечные правила базилиан насчитывали 11 пунктов, в которых подробно излагались предписания, связанные со всем процессом организации книжного собрания от момента поступления книги до ее использования читателями [98].

Согласно описи библиотеки Супрасльского монастыря, составленной в 1645 г. и дополненной в 1650-е гг. [99], в ней насчитывалось 587 книг. Причем основную массу составляли книги печатные, преимущественно на латинском и польском языках. Зафиксированы книги на греческом и чешском языках [100].

Большое число латинских книг поступило в Супрасль в 1650 г. из Варшавы, Гданьска и Тыкотина [101]. В 1656 г. во время польско-российской войны, видимо, некоторые книги из Супрасльской библиотеки становятся военной добычей и в описи напротив ставится краткая помета «*Moskwa wziała*» [102]. Такими трофеями оказались «*Ewangelia drukowana o Juliana etc. w zielonym aksamiete, srebrem biało y złocisto bogato oprawna*», «Библия другая писана», «Евангелия писаная в целистом аксамите», «полуустав», «*dwa chesowniki wielkie*».

В середине XVII в. Супрасльская библиотека располагала 201 латиноязычными томами и 152 польскоязычными. Среди латиноязычных книг необходимо отметить неплохой подбор пособий по библеистике, церковной истории, ораторскому искусству, мона-

шеским мистическим практикам, юриспруденции, а также различные издания текстов Священного писания, словари, литургические издания [103]. Польскоязычная литература была представлена преимущественно полемическими сочинениями, в том числе непосредственно направленными против православных, различными гомилетическими изданиями, многочисленными учебниками, библеистикой [104].

Пожалуй, самой интересной и важной грекоязычной книгой, имевшейся в Супрасльской библиотеке, был *Euchologion Graecum* [105]. Вполне вероятно, что именно этот его экземпляр сыграл столь значительную роль в упорядочении всей системы униатского богослужения, в создании униатского *Служебника* 1692–1695 гг. (Вильно–Супрасль). Любопытно, что чешскоязычные книги попали в монастырь посредством «оуца Wasilewskiego», видимо, как-то связанного с чешской средой. Это была «Biblia Czeska» «Pienie Boskich chwał, Czeski» [106].

Инвентарь кириллических книг, хранившихся в монастырском «скарбцу», в описи 1645 г. имел следующее заглавие: «Реестр списаня Руских книг в скарбцу Монастыря Супраслского» [107]. Совершенно очевидно, что эта часть библиотеки находилась на особом хранении и ценилась наравне с прочими драгоценными монастырскими вещами. В какой-то степени это подтверждает и факт переписки в 1631 г. древнего пергаменного помянника монастыря, предпринятый в значительной степени для его сохранности. В супрасльском «скарбцу» находился и «сборник на паргамине писаный» [108] – знаменитая *Супрасльская рукопись* XI в.

По сравнению с прежними описями XVI в. опись 1645–1650-х гг. фиксирует прибавление в своей кириллической части литургических книг [109], отдельные из которых названы «московскими» [110]. Последнее определение часто встречается в общей описи монастыря, сделанной в середине XVII в. «Московскими» были не только книги, но и ризы, иконы, даже посох. «pastorał... drugi staroswiecki, kosciā wszytek oprawnu» [111], который оказался впоследствии «принадлежащим Стефану епископу Пермскому» и «по всей вероятности взят из Москвы во время нашествия при самозванцах Карлом Ходкевичем в 1612 г.» [112].

Читателями кириллических рукописей в этот период являются не только духовные, но и светские лица. Это, в первую очередь, объяснялось наличием в Супрасле древнейших источниковых материалов и кодексов, отображающих старинную обрядовую традицию, так называемую «рускую». 24 апреля 1654 г. воевода виленский и великий гетман Великого княжества Литовского князь Я. Радзивилл покровитель кальвинистов, дал супрасльскому монастырю расписку в том, что взял из библиотеки «do czasu xiąg dwoch do przeczytania, to iest Kronikę y Iarmoły» [113]. Этот факт говорит о многом. О том, что высшие государственные деятели Великого княжества Литовского неплохо знали церковнославянский и старобелорусский языки, тем более, что последний продолжал оставаться языком официальным, интересовались книжностью и литературой кириллической традиции, еще совсем недавно абсолютно господствовавшей в княжестве. Быть может, эта «Kronika» являлась ничем иным, как знаменитой *Радзивилловской летописью*, оставшейся у князя Я. Радзивилла, умершего в 1655 г. в Тыкотине [114], и оказавшейся затем в Кенигсберге, откуда после занятия города русскими войсками ее перевезли в Санкт-Петербург в Библиотеку Академии наук [115]. Дарственная запись на латинском языке С. Зеновевича князю Я. Радзивиллу, сделанная в конце летописи, кажется все же сомнительной, если рассматривать ее в качестве главного и даже единственного свидетельства появления этой рукописи в собрании Радзивиллов [116]. Вообще же Супрасльская библиотека во все времена была богата летописями и хрониками, причем всегда, начиная с XVI столетия, они становились объектом пристального изучения, положенного еще знаменитым польским хронистом М. Стрыйковским [117]. Он был тесно связан с представителями рода Ходкевичей, являвшимися его меценатами [118]. М. Стрыйковский даже считал себя «najmniejszym służebnikiem» Ходкевичей, которых он воспел в своих собственных хрониках [119], а памяти Г. Ходкевича посвятил отдельную эпитафию [120]. Воспитанник европейских университетов Я. Радзивилл [121], владелец многих местностей в окрестностях Супрасля, владелец Заблудова, который он превратил в один из кальвинистских центров Европы, был очень тесно связан с православием и даже довольно активно помогал православным, отстаивая их права. Не случайным в этой

связи оказался и второй брак князя Януша. При посредничестве овручского архимандрита Леонтия и самого киевского митрополита Петра Могилы он был женат на дочери православного молдавского господаря Василия Лупула Марии.

В начале второй половины XVII в. в Супрасльском монастыре продолжается создание новых кириллических рукописей. Упомянем лишь две наиболее интересные из них – нотный *Ирмологион* 1662 г. [122] и *Минею* 1667 г. [123]. На листах *Ирмологиона* 1662 г. читается следующая, очень важная запись, характеризующая процесс «книжного делания» в Супрасльском монастыре: «Року Господа нашего Ис.Хр. 1662 при державе великаго короля Иоанна Казимера за благословением его милости Господина отца Кир Габриеля Коленды, администратора метрополии Киевское, Галицкое и всея России et cet. написана бысть сия книга глаголемая Ирмолой в монастырю Супраском ку чти и хвале Господу Богу в Троице святей единому ко храму Благовещения Пресвятей Владычицы наша Богородица присно девы Мариа и святого всехвалнаго евангелиста Христова Иоанна Богослова, вечно никим непорушно, а ни отнято от выше мененого храма. А аще бы кто дерзнул отлучити сию книгу явным или тайным обычаем от выше реченаго храма: клятва на него святых Богоносных отец, иже возложиша на восхищающих священная и суд ему во страшное второе пришествие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, аминь. А трудився раб недостойный в иноцех названный Феофил. Ино господие отцы и крилошане, братиа о Христе, поюще Господу Богу по сей книзе, или преписующе: аще возмнится, или обрящется что неугодно: понеже не ангел но человека грешнаго брэнна рука писаше и грубая: молю Христа ради исправляйте не кленуше, но благословяще прощению сподобляйте, да и сами прощение примете от Господа Спаса нашего Иисуса Христа, которому с Отцем и св.Духом честь и хвала на веки, аминь». Ирмологион 1662 г. без преувеличения один из самых замечательных памятников восточнославянского книжного искусства XVII в. [124]. Он имеет следующее искусно выписанное заглавие: «Ирмолой творение преподобнаго отца нашего Иоанна Дамаскина и прочих Богоносных отец, помощию еже свышше Божественныя благодати, повелением же ясне превелебн к Бозе Его милости господина отца Кгабриеля Коленды, Архиепископа Полоцкого, Витебского.

Мстиславского, Епископа Березвецкого Лещинского и Супраслского, Архимандрит митрополии Киевское, Галицк. и всея России администратора. Выписан есть в року Господнем 1662 месяца декабр. 24. в Супраслю».

От *Минеи* 1667 г. ныне сохранилась только мартовская часть, а первоначально в одном переплете были заключены две – февральская и мартовская [125]. Рукопись содержит обширный колофон, в котором изложена и история ее создания: «Сущия же благоприятныя и душеправительныя книги нарицаемая Минеи месяца феврала и марта, сиречь почитания святых преподобных отец пророк и мученик и владычних праздник написашесе многогрешна и непотребнаго раба ручнаго дела, священно инока Леонтия в богоспасаемой Лаври Соупраской. В лето от сотворения мира 7175, индиктиона 5, круга солнцу 7 вроуцы лета перваго, круга луны 12, а от воплощения же Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1667, месяца юния в 14 день. не своею волею дерзнух на сие, но послушания ради отрешися отнюд невозмогах, и делах елико и како могах оумалением си смысла».

Основываясь на содержании этих рукописей, можно сказать, что они еще в достаточной или даже значительной, а частично и в абсолютной степени представляют собой «московский» тип книжной культуры кирилло-мефодиевской традиции. «Moskiewskimi» названо и множество предметов церковного обихода в «Inwentarzy ... monastyra Supraslskiego...» 1668 г. [126]. Любопытно также употребление большого числа церковнославянских и церковных терминов в этом документе, составленном на польском языке.

«Inwentarz» 1668 г. включает также «Reiestr spisania wszystkich xiąg łacińskich monastyra Suprasl» [127], «Spisanie xiąg Polskich monastyra Supraslskiego» [128], «Списание книг Руских» [129]. Согласно этим реестрам в библиотеке возрос удельный вес печатных книг [130]. К латиноязычным изданиям прибавились книги по политическим вопросам, хотя общее число подобных изданий уменьшилось. Увеличилось число греческих книг и греко-латинских: «Evangelia Latina cum Graeco I», «Testament Graeck I», «Gramatika Graeca I», а также произведений авторов классической древности. Нельзя не упомянуть и халдейскую грамматику («Gramatica Chaldeica»). В реестре отмечены также две латинские книги – «Biblia Sacra» и «Instructio Sacerdotum», данные в мона-

стырь после смерти «xiędza Zaleskiego, kanonika Smoleńskiego, plebana Głębockiego» [131].

Число польских книг также значительно уменьшилось, но их состав не претерпел какого-либо особого изменения.

«Списание книг Руских» демонстрирует значительное перемещение этих книг в кругу церковного взаимодействия Супрасльского монастыря и различных приходов и местностей, находящихся в данном регионе. Так, одно из *Евангелий учительных* «писанных» оказывается «в Тыкотине», а «Апостол на паркгамине писанный один, – у Фастах» [132]. Причем как и в XVI в. книжность четья скорее преобладает над литургической, а печатные издания хотя и добавляются, но все же составляют не столь уж большой процент от общего числа «книг Руских». «Списание» содержит также два дополнительных подраздела «Книги крилосовые» и «Минеи», где описаны певческие и вообще богослужебные рукописи и печатные издания, среди них «Ирмолоев Московских 2», а также многое другое, включая оба «поминника», «на пергамине» и бумаге, и даже «Лексикон».

Во второй половине XVII в. Супрасльская библиотека продолжает оставаться в числе крупнейших. По числу книг она значительно превосходит большинство монастырских библиотек различных христианских конфессий в Центральной и Восточной Европе [133], в том числе католические [134]. Переписка кириллических рукописей, не прерываясь, успешно продолжается. В определенной степени можно говорить даже о существовании в Супрасле своего рода монастырского скриптория, снабжавшего необходимыми книгами не только родную обитель и ее монахов, но и другие монастыри и приходские церкви, а также отдельных, заинтересованных в подобных рукописях частных лиц. В это время было переписано довольно большое число месячных *Миней*, отдельные из которых датированы и имеют подпись писца, как, например, *Минея на декабрь* [135]: «Сия книга написана бысть рабом Божиим священноеромонахом Афанасием Свидерским зак. св. В.В. року 1678». Примерами рукописей, передававшихся в другие места или специально переписывавшихся для такой передачи, могут быть *Трефологион* 1691 г. [136] и *Трефологион* XVII в. [137], находившиеся в окрестных селах. Об этом на их листах имеются соответствующие записи: «Сия книга глаголемая Празд-

нея надана есть през едного законника до храму церкви Хорошской заложена Покрова Пресвятыя Богородица, которая не мает быти отдалена от тое церкви под клятвою святых отец... Писан в монастыри Супраском року 1691 месяца иануаря 16» и «Сия книга глаголемая Праздния з монастыря Супрасльскаго дана есть до храму Пресвятыя Богородицы Честнаго ея Покрова и святого мученика Георгия в сели Хоростове до монастыра Супрасльскаго належащего. Року 1707 дня 25 февруаря месяца. Флориан Волк Ланевский. Ч.С.В.В. Архимандрит Супрасльский». Как видим, приписки эти вполне напоминают аналогичные заметки древних и современных православных книжников, живущих значительно восточнее Супрасля. Впрочем сравнение с православными книжниками конца XVII – начала XVIII в. может быть продолжено и при анализе текстов ряда супрасльских кириллических рукописей, переписанных тамошними базилианами в тот период. Очень показателен в данной связи *Титикон* конца XVII в. [138], содержащий сугубо православные чинопоследования и имена общерусских православных святых. *Служебник* Самуила Пилиховского, подаренный Супраслю митрополитом Киприаном Жоховским [139], отражает переходную стадию – от православной традиции к сугубо униатской. В той же степени эта переходность видна и на примере *Часов царских* конца XVII в., принадлежавших супрасльскому архимандриту Симеону Киприяновичу, бывшему игумену знаменитого Жировицкого монастыря [140], и *Чина покаяния*, переписанного около того же времени [141].

Важнейшим свидетельством переходности «от Востока к Западу» служит, пожалуй, *Служебник* о. Самуила Пилиховского [142]. О. Самуил был одним из главных творцов собственно униатского *Служебника* [143], который целиком был впервые напечатан в Супрасле в 1695 г. Совсем не случайно митрополит Киприан Жоховский подарил рукописный *Служебник* о. Самуила Супрасльскому монастырю с такой своей подписью: «Сия Книга Глаголемая Служебник Рукодействием изданный Пречестнаго отца Самуила Пилиховскаго. А от иасне велможнаго Его милости Кир Цыпрыана на Жохах Жоховско́го монастыреви Супраслкому наданы. Року 1693 месяца Августа 13 дня».

Это был первый восточнославянский униатский *Служебник*, который имел и имеет в истории униатской церкви огромное

значение [144]. Собственно с целью его издания митрополитом Киприаном было предпринято в начале 1690-х гг. устройство в Супрасльском монастыре типографии. *Служебник* отпечатали в Супрасле в сентябре 1695 г. В его колофоне читаем: «Сей Служебник изволением Преосвященного Леона Шлюбица Заленскаго, Протодрония, Епископа Володимерскаго, Берестейскаго, Администратора на тот час и Обранаго Митрополити Киевскаго, Галицкаго и вся России, прилежным же исправлением Всечестнаго отца Симеона Циприановича, Архимандрити Супрасльскаго, Протосоветника Чину С.Василиа Великаго... Скончася в с. Лавре Супрасльской. Року Божия 1695, Сентября дня 21». Таким образом, *Служебник* был окончательно отредактирован супрасльским архимандритом Симеоном Киприановичем, продолжавшим работу о. Самуила Пилиховского и митрополита Киприана Жоховского, который был главным его творцом. Митрополит Киприан скончался 23 октября 1693 г.

Служебник этот, как и все последующие издания Супрасльской типографии первого периода ее существования, продолжавшегося до конца XVII в., демонстрирует довольно резкое смешение культур *Slavia Orthodoxa* и *Romana-Latina* в сфере книжной культуры. Это смешение проявляется начиная от текстовых особенностей до оформления. Например, «заставка московского типа с добавлением изображения “сердца Иисусова”» [145].

Восстановление типографии в Супрасле, предпринятое ее настоятелем митрополитом Львом Кишкой примерно в 1710 г., а также создание собственной бумажной фабрики, в немалой степени сказались и на судьбе Супрасльской библиотеки. Книги из библиотеки начинают активно использоваться в книгоиздательской деятельности монастыря уже в XVII в. Особенно показательно в этом отношении второе по счету издание типографии – *Последование постригу двою во искус: си ест в малый иноческий образ и во великий* 1697 г. Оно представляло собой по сути простую перепечатку одной из рукописей Супрасльской библиотеки, демонстрировавшую особенности внутренней жизни монастыря. В качестве дополнения она содержала некоторые церковные песнопения [146].

Резкое смешение традиций демонстрируют и рукописи, переписанные в Супрасле в это время. Среди них наиболее приме-

чагелен *Анфологион* 1714 г. [147], имеющий роскошный титульный лист, рамка которого представляет собой ни что иное как оттиск с деревянной доски, широко использовавшейся затем в изданиях Супрасльской типографии. В гравированной ксилографической рамке выписано с употреблением киновари: «Анфологион сиреч Праздня Господским, и Богородичным и Святым Нарочитым. Стихиры, Парамии, Каноны, и Прочая. Списася в Святей Лавре Супрасльской. Рукою многогрешнаго Раба Божия Иеромонаха Гервасия Кишича. Року от Воплощения Сына Божия 1714». Примечательно, что книга эта была переписана о. Гервасием на заказ прихожан церкви во имя св. Козмы и Демьяна из села Рыбол, посредником в чем, видимо, выступал настоятель этой церкви о. Гриманевский [148]. В начале рукописи читается обширная вкладная запись местных прихожан, скорее всего крестьянского происхождения: «Сия книга глаголемая Праздня, надана есть до церкви Риболовской заложения святых врачей Козмы и Дамиана од парафиян тояжде церкви, на имя Иоанна. Парфения. Лукяна и Стефана Евстафиевич, за которую книгу дали тынфов чотыредесять и шесть, которая то книга вечными часы не мает од помененой церкви оддатись ни явным, ни тайным способом, а ежели бы хто важился сию книгу явным или тайным способом од помененой церкви оддалити, да будет проклят в сий век и в будущий, и имети будем за ним суд во второе и страшное пришествие Господа Бога». Рукопись сохранила и свидетельство живой связи прихода и его настоятеля [149] с переписчиком рукописи, дата смерти которого была отмечена в ней: «X. Hervazy Kisczyc zmarł roku 1737 Marca 16».

Смешение традиций, определившее «спутанность и неустойчивость богослужебного обряда» [150], весьма коварно сказалось на литургической практике униатской церкви. К началу XVIII в. стала очевидной необходимость унификации богослужения и утверждения всего канона униатской обрядности на специально созванном соборе. Инициатива проведения такого собора принадлежала митрополиту Леону Кишке.

Этот собор намечалось провести во Львове, но в силу различных обстоятельств его решили перенести в город Замостье, где он и открылся 26 августа 1720 г. Решения собора [151] сыграли огромную роль в жизни униатской церкви в целом и Супрасль-

ского монастыря и его библиотеки в частности. Все узаконенные нововведения решено было сразу же ввести в богослужение путем исправления и дополнения литургических книг, а также напечатания новых, в чем Супрасльский монастырь получил исключительное право. Как писал супрасльский архимандрит митрополит Леон Кишка [152], «Святой Собор Замойский единому токмо Общежительному Монастыреви Супрасльскому повеле и изволи издание типом Катехисмов, Падежей совести и деяний Собора Замойскаго» [153], в чем монастырю была выдана специальная привилегия. Она способствовала его значительному обогащению, ибо Супрасльская типография должна была печатать одобренные собором книги для тысяч униатских приходов. Это делалось по инициативе митрополита на монастырские средства. Книги печатались на бумаге супрасльской бумажной фабрики, построенной за десять лет до того, и переплетались за счет монастыря [154]. В этот период особенно возросла роль Супрасльской библиотеки, наполнению которой значительно способствовал митрополит Леон. Тогда же, скорее всего, возникло нечто вроде ее филиала в типографии, которой управлял префект, иногда совмещавший и обязанности библиотекаря.

На поступающие от продажи изданных книг деньги монастырь начинает большое строительство. В Супрасле строится двухэтажный каменный корпус, где помещались библиотека и типография [155], а в Варшаве – резиденция монастыря [156].

Несмотря на наличие собственной типографии, печатавшей книги большими тиражами на церковнославянском, польском, латинском и старобелорусском языках, в монастыре не прекращается переписка рукописей, хотя их репертуар несколько изменяется. В большом количестве переписываются нотолинейные ирмологионы и богогласники, а также кантычки. Некоторые рукописи, имеющие заглавие «Ирмологион», на самом деле являются богогласниками. Один из наиболее ранних примеров тому, относящихся к первой половине XVIII в., «Кнега песнопений сиреч ирмологион» [157]. Впрочем богогласник этот имеет свой весьма особый состав. Одним из его составителей был видимо «Jan Aliniewicz», как помечено на его л. 97. Сборник содержит большое число оригинальных белорусских песнопений, а на л. 108–

110 «Годинки о Зачатии Пречестой Девы Богородицы от Римска Диалекта на Росский преведенны в Супраслю».

Очень интересны рукописные литургические сборники, а также сборники, содержащие избранные службы из *Служебника* и *Требника* или же из одного *Требника*, что свидетельствует о неудовлетворенных запросах тех лет со стороны в основном приходского духовенства. Это *Сборник*, составленный из чинов древнего *Требника* и других статей, касающихся исключительно «православных» и «православного рода» [158]; *Сборник служб из Требника* для нужд приходского униатского священника, содержащий немало драгоценных для нынешних исследователей текстов почти фольклорного характера, именуемых в рукописи «заклинаниями», например, «Образ заклинания всякому прыродне или прилучне я ем либо недугом ослаблему служащийи и притворне беснующемуся приличествующий, найпаче же обованием, чарованием, злоторне отравлением повреждену по подмнезанию благословения предлагам сицевым бывает» [159]; *Сборник служб из Требника для нужд приходского униатского священника* [160]; *Служебник и Требник иноческий* [161]; *Супрасльский литургический сборник*, переписанный иеромонахом Алексием Плашкевичем [162]; *Служебник* с заставками и буквицами, оттиснутыми с ксилографических досок Супрасльской типографии, что свидетельствует о прямой связи книгописного и печатного дела в монастыре, являвшемся крупнейшим униатским издательством и скрипторием одновременно [163].

В Супрасле в это время в значительном числе переписываются также *Минеи* [164], *Триоди* [165], а главное все те же *Ирмологионы* и различные партитуры, содержащие каноны, канты и литании [166]. Среди собственно *Ирмологионов* обращает на себя внимание объемный нотированный *Ирмологион*, служивший братии монастыря [167], а также *Ирмологион* 1717 г. написания [168], о чем свидетельствует запись на его листах: «Сия книжица рекомая Ирмолой сооружися року Божия 1717 месяца марта 21 дня. Продана Петру Григоровичу поповичу Степанковскому за суму золотых осьмь доброй монеты». Очень интересны рукописный список *Граматики Славенския* М. Смотрицкого, изданной в Евью в 1619 г. [169], и небольшая грекоязычная *Литургия св. Иоанна*

Златоуста [170], свидетельствующая и о некотором своеобразном позднем грекофильстве в Супрасльском монастыре [171].

Плодом значительной литературной работы, свидетельствующей о хорошем знании древней кирилло-мефодиевской книжной традиции, является *Лествичник* особого состава, содержащий 70 слов [172]. Эта рукопись – прямое свидетельство того, что базилиане в своей монашеской практике продолжали пользоваться древней переводной церковнославянской книжностью на протяжении всего XVIII в., даже в самом его конце, о чем свидетельствует одна из записей: «...1787 года... июля...Jakub Czeremeckу».

Согласно описи Супрасльского монастыря 1764 г. среди его богослужебных книг, по которым непосредственно совершались службы, числилось 78 экземпляров печатных и рукописных церковнославянских книг: «Трефологионы», «Октоихи», «Ирмологии», «Минеи», «Апостол», «Триоди постные», «Триоди цветные», «Супрасльский требник», «Псалтыри», «Киевский полуустав», «Полуустав с мшалом», «Виленские мшалы», «Мшал Супрасльский с октоихом», «Виленский мшалик», «Супрасльские мшалики» [173]. Причем печатных книг было 52, а рукописных 26. Одних только «Миней писаных» отмечено 24. В то же время среди литургических книг монастыря, употребляемых при службе, указаны: «Мшалы латинские 2», «Траурные мшалы латинские 2», «Бревиарий латинский 1».

Всего же в 1764 г. в Супрасльской библиотеке имелось более полутора тысяч книг [174]. Причем по разнообразию и богатству их репертуара она превосходила многие известные книжные собрания Центральной и Восточной Европы [175]. И не только монастырские [176], но и частные, столь характерные для эпохи Просвещения. По организации, систематике книг Супрасльскую библиотеку можно сравнить прежде всего с библиотекой Виленской Академии, число томов в которой приближалось к десяти тысячам [177], правда при наличии большого числа дубликатов одной и той же книги, иногда даже нескольких десятков. Опись содержит довольно подробные сведения о помещении библиотеки, находившейся напротив «Skarbca» «по правой руке над книгопечатнею» [178]. Это была «комната одного размера с книгопечатней, в 6 окон». В ней же находился и «склад печатных книг».

Интересен состав книг, хранившихся в трапезной («refektarzu») монастыря, где они читались вслух во время еды. Среди них на первом месте «Библия русская, новая, в полный лист» [179], что, видимо, отражало требование визитатора 1762 г. «читать в трапезной по славянски» («lekcyя Słowienska w refektarzu») [180]. Далее перечислены по одному экземпляру *Жития святых* П. Скарги, *Жития* «святых, Воловейского», «Законы Св. отца нашего Василия Великаго», «Проповеди... Кишки», «Церковная история Барония», «Церковная история Квяткевича», «Постилла Вуйка», «Книжка для благословения трапезы», а также 4 тома «Прологов славянских» [181]. Как видим, в трапезной находилось и читалось тогда немало книг на церковнославянском языке: *Библия*, *Законы Св... Василия Великаго*, *Прологи*, и, возможно, *Книжка для благословения трапезы*. Остальные книги были на польском языке.

В визитации Супрасльского монастыря, составленной 16 сентября 1778 г. специальный пункт был посвящен библиотеке: «Поскольку библиотека и архив до сих пор находятся в беспорядке поручаем ее упорядочивание заботам настоятеля и помощников, дабы составлен был их всеобъемлющий каталог, а они были сданы в руки специально назначенному монаху» [182]. В начале 1770-х гг. в Супрасльском монастыре появляются русские старообрядцы, которые налаживают здесь книгоиздание для собственных нужд на заказ. Подобное стало возможно во время архимандритства Антонина Струсь-Млодовского (1760–1778 гг.), туровского епископа, достаточно известного униатского богослова, сочинения которого издавались и в Супрасле [183]. Несмотря на то, что религиозная доктрина русских старообрядцев была осуждена на Замостском соборе, монастырь счел для себя выгодным не отказываться от заказа старообрядческих купцов. С их помощью в значительной степени удалось поправить дела типографии, увеличить доход от ее деятельности. Любопытно, что в те же годы иеромонах Мелетий Оссуховский, будущий префект типографии (с 1784 г.), просит отпуск якобы «для занятия профессуры в Москве» [184]. Все это вместе свидетельствует о нарастании контактов с русской культурной средой, причем без каких-либо видимых антиправославных целей.

В эти же годы в библиотеке монастыря появляется все больше книг, изданных в России, которые используются в издательской практике. Типографская библиотека состояла тогда из печатных и рукописных книг, призванных обеспечить издательский процесс. Они были разделены на две функционально различные части – справочно-информационную и состоящую из текстовых оригиналов. Непосредственное отношение к типографской библиотеке имел и склад отпечатанных книг, откуда они (отдельные их экземпляры) часто попадали в основную монастырскую библиотеку или же, находясь в течение очень продолжительного времени в своего рода депозитарии, образовывали как бы филиальное собрание, откуда часто брались теми или иными читателями. Мы располагаем достаточно подробной информацией о составе книг на типографском складе, их продаже и т.д. Собственно в самих документах монастыря конца XVIII в. этот склад последовательно именуется «библиотекой» или же типографской «библиотекой» [185]. Число книг в этой «библиотеке» впечатляет, так как цифра эта значительно превышает 50 тысяч экземпляров [186]. Отсюда книги поступали и в крупнейшие библиотеки мира, например, «do Berlinskij Biblioteki», куда они специально пересылались [187]. Эти же документы свидетельствуют о широком размахе книгопереплетного дела в Супрасле, наличии собственных книжных лавок в разных местах, использовании услуг большого числа разъездных продавцов из самых различных местностей Центральной и Восточной Европы и многом другом. Супрасльские базилиане даже выпускали каталоги книг, находящихся в «типографской библиотеке» [188].

Некоторые исследователи говорят о создании в Супрасле «в восьмидесятые годы XVIII в. ... читальни, которую можно назвать публичной, так как ее собранием могли пользоваться не только монахи и ученики их школы, но и лица, не имеющие отношения к ордену» [189] и делают вывод о том, что эта «читальня, базирующаяся главным образом на изданиях монастырской типографии, была единственным подобного рода монашеским предприятием на землях Речи Посполитой», «на энергичных и просвещенных супрасльских базилиан влиял близкий пример варшавской «Залусчины», несмотря на все это была величайшая редкость в развитии идей Просвещения в глубокой провинции страны» [190].

В 1793 г. на сейме в Гродно был подтвержден новый акт раздела территории Речи Посполитой между Пруссией и Россией. Ответом на это с польской стороны стало восстание под руководством Т. Костюшко. Супрасль, расположенный между Варшавой и Вильно, сразу же оказался чуть ли не в центре действия восставших [191]. После подавления восстания в 1795 г. территория Белосточчины с Супраслем становится частью Прусских земель. У Супрасльского монастыря отбирается все, что находится вне его ограды, в том числе мастерские и бумажная фабрика [192]. Монастырь берет под свой контроль Белостокская королевская прусская камера [193], от которой он получает деньги на содержание [194]. Издания монастыря попадают под действие прусской цензуры, которая весьма жестко проводит свою политику. Это в конце концов приводит к разорению Супрасльской типографии и вынужденной ее продаже в 1803 г. И. Аппельбауму. В 1807 г. Белостокский обвод вместе с Супраслем входит в состав Российской империи. В части монастырских зданий, в так называемом Дворце настоятелей размещается военный госпиталь.

С потерей типографии процесс производства книг в монастыре не прекращается. Оставшиеся монахи, а было их в обители в начале XIX в. уже не так много, продолжают заниматься перепиской рукописей. Пожалуй самый интересный и характерный пример такого рода – Службник *in folio*, написанный полууставом [195]. Весьма любопытен его состав: Литургия Иоанна Златоуста, Служба Успению, Служба Св. Духу, Служба за упокой, Служба Благовещению, Служба зачатию Пресвятой Богородицы, Служба св. Иосафату, Служба Архистратигу Михаилу, Служба св. Марии Магдалине, Служба св. Деве Макрине. Собственно это была одна из самых последних, если не самая последняя кириллическая рукопись, переписанная монахами Супрасльского монастыря и оказавшаяся в его библиотеке. В дальнейшем в библиотеку обители поступают почти исключительно печатные книги, в основном в связи с деятельностью в нем училища. Переписываются же лишь отдельные рукописные лекционные курсы на польском и латинском языках, которые начинают попадать в монастырь уже в XVIII в., а переписываются здесь вплоть до второй четверти XIX ст.

Созданная по инициативе и в видах прусского правительства особая Супрасльская греко-униатская епархия была упразднена вскоре после заключения Тильзитского мира и вошла в состав Брестской епархии. В это время архимандритом Супрасльского монастыря становится префект типографии (с 1800 г.) Лев Яворский, который, по словам архимандрита Николая Далматова, «был человек несомненно честных правил, обладая хорошими дарованиями, но не отличался в достаточной степени практической дальновидностью и благоразумием, вследствие чего он сам погубил лучшее достояние Супрасльского монастыря Супрасльскую типографию, и затем подготовил отдачу в невыгодную аренду монастырских зданий» [196]. Важно подчеркнуть, что и при Лье Яворском, ставшем в 1809 г. брестским епископом, Супрасльский монастырь сохранял свое значение учебного и образовательного центра. Основанное здесь ранее училище продолжало работу. «Правильнее сказать, – писал П. Бобровский, – это был класс ставленников, в которых три или четыре клирика обучались церковным обрядам и уставам» [197]. В условиях того времени это было немало, ибо главный цикл изучаемых предметов основывался на кирилло-мефодиевской традиции, «греко-восточном обряде», в поддержании и возрождении которых на Подляшье роль Супрасльского монастыря на рубеже веков стала исключительной. Огромным подспорьем во всем этом являлась Супрасльская библиотека с ее «славянской частью», состоявшей из необходимых церковнославянских печатных и рукописных книг.

Вместе с тем весьма интересно, какими видело русское образованное общество подляшских униатов в начале XIX в., к какому культурному кругу относило их. Показательно в этой связи письмо, написанное в 1817 г. князем А. Голицыным от лица Российского Библейского общества и посланное из Санкт-Петербурга «Его преосвященству суфрагану Леону Яворскому» [198]. Князь пишет, что на Белостотчине отделение Общества «преимущественно иметь будет нужду в раздаче и распродаже книг Священного Писания на польском языке». Впрочем, огромное пограничное пространство между Востоком и Западом Европы, колоритной частью которого всегда было Подляшье с Супраслем, стало настоящей *terra incognita* для образованных людей и даже ученых-славистов не только XIX, но и XX в. Пожалуй лишь сейчас

приходит действительное понимание того, какими видели себя сами представители греко-униатской элиты Подляшья, «что формула “*genthe Rutheni, natione Poloni*”... неадекватна их этнической принадлежности» [199].

Одним из таких деятелей рубежа XVIII и XIX вв. был весьма авторитетный в греко-униатской среде настоятель церкви св. Николая в Клещелях Антоний Сосновский (1775–1852) [200]. Он проявил себя и как знаток родной старины, автор нескольких исторических исследований. Он, например, желал помочь даже графу И.П. Румянцеву в делах его «ученой дружины», особенно когда Брестская консистория, в руководстве которой А. Сосновский состоял, «переведена будет в Супрасль» [201]. Огромна заслуга о. Антония в деле развития и поддержки этноконфессиональной культуры, что, в частности, проявилось в деятельности Клещельской церковной школы, которую окончили многие местные видные деятели. Был среди них и будущий профессор М. Бобровский (1784–1848) – один из первых ученых-славистов. Именно о. Антоний послал в 1822 г. М. Бобровскому «каталог наиболее важных славянских книг, какие хранятся в библиотеке Супрасльского монастыря» [202]. Он же, начиная с 1820 г. активно занимался в тамошнем архиве и книгохранилище, о чем свидетельствуют найденные нами его многочисленные расписки [203]. В первой четверти XIX в. Супрасльская библиотека с невероятной быстротой превращается в своего рода славистическую исследовательскую «лабораторию» мирового значения, в которой предстояло сделать ряд важнейших научных открытий. В числе основателей этой «лаборатории», указавших путь к ее созданию, едва ли не первым должно быть упомянуто имя о. Антония Сосновского, учившегося в «супрасльской епархиальной семинарии» на исходе XVIII столетия и тогда же познакомившегося с книжными богатствами Супрасльской библиотеки.

Вслед за ним в самом начале XIX в. сюда попадает и будущая гордость восточнославянского населения Подляшья Михаил Бобровский. Современники из числа видных русских исследователей считали М. Бобровского «польским ученым» [204]; В. Капитар называл его «*polacco-russe Bobrowski de Vilna*» [205]. Незнание учеными из европейских столиц реалий жизни пограничья Востока и Запада континента прежде всего в сфере религиозной и этно-

конфессиональной заставили П. Бобровского дать такое весьма важное разъяснение, касающееся его дяди, в 1815 г. принявшего священнический сан, а в 1817 г. ставшего брестским каноником: «А. Востоков, а за ним и г. Бем, называют его ксендзом, но обыкновенно его титуловали каноником. Каноник (латинское) все равно, что русское протоиерей (греческое). И эта замена греческого или русского названия латинским произошла в унии в XVIII веке и удерживалась до 1829 года, когда Брестский каноник Бобровский высочайше назначен соборным протоиереем Жировицкой униатской кафедры. Ту же ошибку повторяет и Срезневский с тою разницею, что называет Бобровского то ксендзом, то патером. Мих. Бобровский возведен в сан Брестскаго кафедральнаго каноника в 1817 году. Русское общество в то время не в состоянии было делать различия между римско-католическим ксендзом или патером и униатским священником или иереем. Так приучили смотреть на белое духовенство, остававшееся единственным носителем русской старины в губерниях, от Польши присоединенных, обманчивая внешность и подчинение униатов римскому папе. В мнении русского общества униат мало чем отличается от католика, а житель западной губернии – от поляка. Даже западные губернии, от Польши возвращенные, назывались польскими. Между тем поляки последователей греко-униатской церкви называли русскими и их исповедание – русским. Так перепутались понятия даже в среде наиболее образованного класса в России; даже теперь иные образованные русские Литву называют Польшею» [206]. Впрочем пояснения П. Бобровского (1832–1905), уроженца Гродненской губернии, известного историка и военного деятеля [207], неутомимого исследователя Подляшья, едва ли были замечены. В. Францев в своей докторской диссертации о польском славяноведении уже в XX в. относит М. Бобровского к «польским ученым», посвящая ему главу V своего труда [208]. В арсенал польского славяноведения зачисляет наследие М. Бобровского Т. Лер-Сплавинский, говоря о нем как о «первом в Польше знатке церковнославянской письменности» [209].

Рукописные заметки самого М. Бобровского позволяют утверждать, что сам он, «отдающийся умножению плодов церковнославянской литературы» [210], уже в начале XIX в., а особенно во время своего обширного заграничного путешествия по Европе

1817–1822 гг. уверенно относит себя к кругу «наши побратимцы», в котором перечисляет славян христианской ветви *Slavia Orthodoxa* «Русинов, Козаков, Болгар» [211]. Следует отметить, что церковнославянский язык М. Бобровский «знал с детства», а родным его языком был «простой», местный разговорный язык, на котором он произносил проповеди. Основными литературными языками были для него польский и латинский [212].

«Еще находясь в гимназии, а по окончании ее живя в Белостоке и занимаясь частными уроками, Михаил Кириллович в свободное время часто отлучался в Супрасльский монастырь, где проводил также и часть вакационного времени. Архив и библиотека представляли богатые источники. Посещению Супрасли благоприятствовали условия: здесь жил (до 1806 г.) старинный приятель его отца, епископ Духновский...» [213]. С этого времени начинается планомерное изучение М. Бобровским книжных и архивных богатств Супрасльского монастыря, введение их в мировую науку. Монастырская библиотека становится центром внимания нарождающегося отечественного и зарубежного славяноведения, во многом способствует появлению первых славистических учебных курсов, помогает формированию М. Бобровского как ученого-слависта. Найденные нами документальные материалы, связанные с работой М. Бобровского в Супрасльской библиотеке и с источниками, сбереженными в ней, весьма значительны. Опираясь на них, мы коснемся лишь двух сюжетов, связанных с изучением М. Бобровским истории монастыря и его библиотеки и находкой *Супрасльского кодекса* XI в., как наиболее показательными для судьбы библиотеки в первой половине XIX в. При этом необходимо помнить, что жизнь и деятельность самого М. Бобровского как бы сконцентрировали в себе особенности истории и культуры этого обширного края, перипетии судьбы Супрасльской библиотеки и всего центрально-восточноевропейского литературного пространства XV–XIX вв.

Супрасльская библиотека открывала перед М. Бобровским мир славянских древностей постепенно, демонстрируя все новые и новые пласты славянских культур, однако прежде всего пространства *Slavia Orthodoxa*. Начав с общего знакомства с документами архива и отдельными книгами библиотеки Супрасльского монастыря, он постепенно переходит к детальному их изучению.

составляет различные описи и инвентари, делает многочисленные выписки, снимает факсимильные копии фрагментов. Наконец он собирает материалы по истории самой библиотеки, даже делает «Wypis z Regestra czyli Inwentarza, który po Ruski spisał Sergi Archimandryta Supraslski w chorobie przed śmiercią r.1557 pod pieczęcią Cierkiewną Zwiastowania Najswiętszej Maryi – na papierze tireckim 4° skoropis połustawny» [214]. Сохранился ряд документов и прежде всего «Wiadomość o Klasztoru Supraślskim z Dokumentow autentycznych w Archiwum tegoż klasztoru znajdujących po krotce zebrana» [215], которые со всей определенностью представляют нам М. Бобровского как ученого летописца монастыря и одновременно археографа. Он по крупицам собирал важнейшие архивные свидетельства за период с 1498 по 1809 г., проливающие свет на историю одного из крупнейших культурных центров мира Slavia Orthodoxa. Анализируя документы монастыря, М. Бобровский относился ко многим сведениям критически. Пример тому запись, сделанная на основании просмотренных документов о том, что в 1589 г. «odwiedzając to miejsce Jeremijusz Patryarcha Konstantynopolski... włożył na ówczesnego Przełożonego Tymoteusza Złotą Mitrę». Позднее чуть ниже другой рукой делается заметка: «Mitrę nadał nie Jeremiasz ale Gabryel Patryarcha Konst: przybywszy do Supraśla roku 1593» [216]. Сведения, приведенные М. Бобровским о появлении митры у супрасльских архимандритов, необычайно важны до сих пор [217]. По книгам, хранящимся в Супрасльской библиотеке, и, видимо, некоторым документам М. Бобровский изучает историю Заблудовской типографии, изданное в ней Иваном Федоровым Москвитином и Петром Тимофеевым Мстиславцем знаменитое Евангелие учительное. По его выпискам можно точно установить, что тогда в библиотеке находился и экземпляр *Евангелия учительного* 1569 г. с записью вдовы А. Ходкевича, сделанной в 1575 г., но уж не было упомянутых ей в дарственной Апостола и Псалтыри [218].

М. Бобровский не только сам работал в Супрасльской библиотеке, но и помогал в этом другим. Среди них следует назвать прежде всего его коллегу и сотоварища-земляка И. Даниловича (1787–1843), профессора Виленского университета, «первого исследователя белорусско-литовского летописания» [219]. М. Бобровский указал И. Даниловичу на многие интересные материалы,

хранившиеся в Супрасле, прежде всего летописные памятники, а позднее помогал ему их разбирать, ибо Данилович не был столь опытным палеографом как Бобровский. Собственно И. Данилович впервые опубликовал в научной печати сведения о церковнославянских рукописях Супрасльской библиотеки по состоянию на начало 1820-х гг. [220]. Правда сведения эти были очень приблизительны и необычайно кратки. Общее число церковнославянских рукописей И. Данилович определил числом «около 80 томов». Там же сообщалось, что рукописями Супрасльской библиотеки заинтересовал И. Даниловича М. Бобровский [221]. Главной среди этих рукописей для И. Даниловича оказалась Супрасльская летопись [222]. На этот же период приходится организация М. Бобровским и И. Даниловичем не только их собственных археографических экспедиций, но и привлечение к подобной научной работе их учеников. Это в основном были дети униатских клириков из числа местных уроженцев, которые занимались разысканиями в период каникул, когда возвращались в свой родной приход [223]. Некоторые из них привозили своим учителям из каникулярных поездок различные церковнославянские книги и документы [224], что в немалой степени повлияло на дальнейшую деятельность самого И. Даниловича, для которого «разыскание церковнославянских рукописей с того времени стало главным занятием» [225].

Открытие знаменитой *Супрасльской рукописи* XI в., сделанное М. Бобровским в монастырской библиотеке, он сам относит к началу 1820-х гг. В марте 1825 г. М. Бобровский посылает П. Кеппену факсимильную копию фрагмента *Супрасльской рукописи* с ее полным описанием, а также особое письмо, в котором были такие слова: «Древнее сей рукописи... не видал я ни в одной из иностранных библиотек, исключая разве находящуюся в Барберинской библиотеке (в Риме) рукопись (палимпсест – codex rescriptus) отдаленной древности, в коей содержится Октоих и т.д. Но об этом после. В нашей рукописи пергамент тонкий, гладкий и пожелтевший от древности. Чернила вылинялы» [226].

По поводу *Супрасльской рукописи* XI в. М. Бобровский ведет активную переписку со славистами всей Европы, особенно активно – с представителями «ученой дружины» графа Н.П. Румянцева, который несомненно способствовал укреплению идеи перво-

открывателя самостоятельно подготовить рукопись к изданию [227].

Интерес к рукописи в ученом мире усилила и краткая публикация о ней в *Библиографических листах* [228], подготовленная А. Востоковым по материалам, присланным П. Кеппену М. Бобровским [229]. Столичные ученые всеми силами стремились заполучить рукопись, склоняли М. Бобровского помочь им в этом. На что виленский профессор [230] пишет 21 мая 1825 г. П. Кеппену: «Я убежден, что приобрести этот кодекс чрезвычайно трудно и особенно потому, что он принадлежит библиотеке Супрасльского монастыря; а по церковным правилам под страхом отлучения (анафемы), запрещено уносить книги из монастырских библиотек к другим по корыстным побуждениям. Вследствие этого было бы затруднительно обращаться по такому делу к настоятелю Супрасльского монастыря; шепетильность, как говорится, его совести могла бы быть ослаблена разве только при промёне на какое-нибудь изданное творение, о чем, при удобном случае, я не премину предложить ему» [231]. Тем не менее совершенно очевидно, что рукопись была в руках М. Бобровского уже во второй половине 1825 г., и осенью того же года после ее тщательного изучения он сообщает П. Кеппену итоги своих наблюдений, а также шлет новые факсимильные копии отдельных фрагментов [232]. В 1826 г. на основании итогов разысканий М. Бобровского А. Востоков печатает в *Библиографических листах* «Дополнения и поправки к Известию о *Супрасльской рукописи* XI в.» [233]. 27 мая 1826 г. М. Бобровский пишет П. Кеппену буквально следующее: «... еще в Жировицах... огонь, занявшийся от оставленной зажженной свечи... уничтожил весь литературный запас, лежавший на столе. Однако, на этот раз я ничего не лишился такого, чего бы не мог вновь приобрести новым трудом. Великое благодарение Богу, что Супрасльская рукопись и другие ценнейшие книги, когда я быстро прибежал домой, избавлены от гибели» [234]. Учитывая, что профессор Виленского университета М. Бобровский находился в высылке в Жировицах (в Жировицком монастыре) с сентября 1824 г. по апрель 1826 г., сведения о пожаре относятся именно к этому времени, и уже тогда *Супрасльская рукопись* находилась у ее первооткрывателя.

Позднее, в 1837 г., М. Бобровский пишет письмо профессору Эйхвальду, чрезвычайно важное для понимания многих обстоятельств, связанных с особенностями нахождения рукописи в его руках, а также планами ее издания: «Рукописный Супрасльский кодекс... хранится в Супрасльском базилианском монастыре... С некоторого времени этот кодекс находится в моих руках, так как я думаю издать оный в свет» [235]. Итак, «кодекс... хранится в Супрасльском... монастыре» и тем не менее «с некоторого времени... находится в моих руках, так как я думаю издать оный», что явно указывает на договоренность между архимандритом монастыря Львом Яворским и М. Бобровским, сумевшим заинтересовать в этом супрасльского настоятеля, видимо считавшего весьма полезной для монастыря, Брестской епархии, епископом которой был о. Лев, а, возможно, и всей греко-униатской церкви публикацию древнейшей церковнославянской рукописи, сразу же получившей в научной литературе наименование Супрасльской [236]. Важно для нас и другое место в письме к профессору Эйхвальду: «При переписке я тщательно наблюдал, чтобы... страница соответствовала странице, стих – стиху, слово – слову; равным образом сохранял словосокращения, стихометрические соединения и форму букв, и знаки препинания, и орфографические заметки, так что не позволил себе в своей копии изменить ни одной иоты Супрасльского кодекса» [237].

Все это М. Бобровский делал «согласно... желанию славного мужа Копитара», которому и предназначалась данное факсимиле «одного слова святого Златоуста целиком и части другого» [238]. Через год М. Бобровский, уступая «справедливому желанию» В. Копитара «и просьбам друзей, а в особенности настояниям... профессора Эйхвальда о посылке в Вену славянского Супрасльского кодекса для того, чтобы» В. Копитар «мог собственными руками осязать оный и окинуть его критическим взором», посылает на время часть оригинала рукописи [239]. В письме есть и фраза о необходимости «возвращения в библиотеку Супрасльского монастыря» рукописи, свидетельствующая о том, что оригинал не был собственностью М. Бобровского, хотя почему-то очень долгое время у него находился и он даже мог решиться частями посылать его в Вену. Ответ, хотя бы частичный, на эти непростые вопросы может указать искусная и тщательная рукописная копия

Супрасльского кодекса, исполненная в первой половине XIX в. и тогда же поступившая в библиотеку Супрасльского монастыря [240]. По нашему мнению, подкрепленному указаниями П. Бобровского [241], создателем этой копии является М. Бобровский, который несомненно по согласованию с настоятелем Супрасльского монастыря заменил оригинал рукописи ее копией, позднее переплетенной в тисненый золотом кожаный переплет, в центре которого помещен российский двуглавый орел под короной. Вместе с тем, замена эта была скорее всего временной.

М. Бобровский брал в Супрасльской библиотеке десятки книг, в чем давал соответствующие расписки с обязательством возвратить взятое [242]. Сроки подобного абонементного пользования определялись по взаимному согласию сторон («wziałem do pewnego czasu dwa rękopisma słowiańskie: Апостол и Беседы святого Григория на Паргамене» [243]) и измерялись годами, хотя М. Бобровский, как и другие читатели из числа не монастырских лиц, библиотечные книги довольно аккуратно возвращал в монастырь [244]. Некоторые же рукописи он держал особенно долго. Так было, например, с так называемым *Летописцем Подола*, более известным ныне как *Супрасльская летопись*, впервые изданная латинским шрифтом И. Даниловичем [245]. В 1839 г. М. Бобровский писал пинскому епископу Михаилу Голубовичу: «Более десяти лет тому назад (1823 г.), посетив вместе с профессором Даниловичем библиотеку Супрасльского монастыря, я нашел там рукопись в куче всякаго рода печатных бумаг, где также я заметил несколько печатных листов проповеди св. Ефрема, которую напечатали старообрядцы в Супрасльской типографии еще при прусском правительстве, отрывка древней славянской рукописи, там же находящагося. Развертывая грудку бумаг, я заметил русское письмо XV ст. и самую надпись «Летописец Подола». Из некоторых мест я догадался, что он содержит в себе русскую хронику, подобную тем, из которых Стрыйковский черпал материалы для своей истории. В виду этого обстоятельства, профессор Данилович взял «Летописец» к себе под расписку, а я во время вакаций помогал читать ему, как неопытному еще в разборе русского письма, более трудныя фразы, особенно церковныя, о чем, впрочем, профессор упомянул в предисловии к своему изданию «Летописца», в Вильне, 1827 г.

Вскоре после издания, протоиерей Сосновский взял эту рукопись из Супрасльской библиотеки, куда она была возвращена, и отослал в Варшаву к Линде, согласно желанию этого исследователя славянских памятников; спустя несколько лет, опасаясь, чтобы как-либо не затерялся этот важный памятник литовской и русской истории, я просил о высылке рукописи ко мне и в принятии ею мною дана расписка г. Будзиловичу, которую он взялся передать г. Линде. Затем мною сказано было протоиерею Сосновскому о возвращении означенной супрасльской рукописи из Варшавы и о поступлении ее ко мне, так как я хотел убедиться, верно ли издатель прочитал ее; сделав это сличение, я нашел немного ошибок; тогда же мне пришло на мысль самому заняться исполнением желания покойного графа Румянцева и издать эту хронику русским шрифтом, для чего еще недавно я выписал довольно дорогой «Софийский Временник», напечатанный иждивением этого мецената. Вот почему я держал у себя хронику, а старик Сосновский, по забывчивости, полагал, что она все еще находится у Линде.

Нужно еще заметить, что супрасльскому архимандриту Марциновскому в присутствии архипастыря (Иосифа Семашки), я сказал о хранении у меня некоторых рукописей Супрасльского монастыря, взятых мною под расписку, которые, по требованию, немедленно возвращу, и тогда же просил оставить их у меня на некоторое время, потому что они мне еще необходимы» [246].

Опосредованно Супрасльская библиотека помогла М. Бобровскому открыть многие другие ценнейшие памятники славянской книжной культуры [247], быть «первым в мировом славяноведении», кто «обратился к изучению глаголической старопечатной литературы» [248], болгарской кириллической письменности, связанной с Римом [249], наконец, «в Виленском университете открыть... школу древнеславянского языка» [250], вероятно первую по времени в истории славистики вообще [251].

В конце 1829-го – начале 1830-го г. была составлена очередная опись Супрасльского монастыря «Wiadomość o stanie Klasztoru Opatskiego Supraslskiego w Obwodzie Białostockim i tymże Powiecie Dyecezy Litewskiej położonego. Roku 1830 Miesiąca Stycznia 25 dnia Sporządzona» [252]. Опись содержала и особый подробный реестр книжных собраний монастыря [253], а также описание помещений самой библиотеки и ее оборудования. Среди печатных

и рукописных книг «serkiewnych i chorowych» отмечено большое число изданий Супрасльской типографии, прежде всего *Службеников, Требников, Псалтырей*.

В этой описи числились книги на многих европейских языках, в том числе около 200 рукописей на церковнославянском, латинском, старобелорусском и польском языках [254]. Общее число книг Супрасльской библиотеки равнялось 1520, включая те из них, которые были на руках у о. Анатолия Сосновского и профессора М. Бобровского [255]. Особую часть книжных собраний Супрасльского монастыря учитывал «Regestr Ksiąg Drukowanych w byłej Supraslskiej Drukarni in crudo w Bibliotece złożonych» [256]. В его разделе «Księgi Słowiańskie» указано 2274 книги, а в разделе «Księgi Polskie i Łacińskie» – 2118 книг.

В 1833 г. архимандритом Супрасльского монастыря становится доктор теологии о. Никодим Марциновский, при котором в обители открывается училище философии. Чуть позднее, в 1836 г., многие монастырские здания переходят в аренду В. Захерту, который устраивает в них ткацкую фабрику. В том же 1836 г. составляется новая опись Супрасльского монастыря и подробный каталог его библиотеки [257]. В конце каталога по-русски значится: «Скрепил Настоятель Супрасльскага Греко-Униатскага Монастыря Ректор тамошнего Училища философии Доктор Иеромонах Никодим Марциновский» [258]. Каталог включает 1862 книги на многих языках. Деление библиотеки отличается от деления в описи 1829–1830 гг., в основу его положен не содержательный, а в основном языковой принцип. В отделе «Библиотека древних языков» 1067 книг, с № 1 по № 1067; отдел «Библиотека славянская» – № 1068–1196 [259]; «Библиотека французская» – № 1197–1257; «Библиотека немецкая» – № 1252–1272; «Библиотека итальянская» – № 1273–1382; «Библиотека польская» – № 1383–1769; «Библиотека книг, не принадлежащих к духовному просвещению» – № 1770–1862.

В июне 1837 г. Супрасльский монастырь визирует епископ Иосиф Семашко – один из главных деятелей перехода греко-униатов в православие. Он «остался весьма доволен хорошим состоянием Супрасльского монастыря» и училища, в нем расположенного, «находя его одним из лучших» [260]. «В этом же 1837 г. собирались от начальствующего духовенства подписки о присое-

динении к св. православной церкви, каковая дана и Никодимом Марциновским» [261]. Несколько ранее по греко-униатским приходским церквам и монастырям были разосланы «служебники московской печати и нотные обиходы пения литургии» [262]. Это было необычайно важное событие, успех которого, как и вообще переход греко-униатов в православие в 1839 г., оказался predetermined, тем, что, как писал известный белорусский ксендз А. Станкевич, «уния была полонизирована, обряд латинизирован, а православие сохранило чистоту обряда и его высоко почитало и крепко придерживалось» [263]. Вопрос о чистоте греко-восточного обряда является очень важным, если не главным в понимании эволюции взглядов на судьбу своей церкви и народа у М. Бобровского, который может и в этом случае служить весьма показательным примером. Углубляясь в изучение церковнославянской письменности и истории книжной культуры края, М. Бобровский стоял у истоков этнокультурного возрождения своего народа. Еще в 1820-е гг. «клирикам профессор аккуратно, с археологическою точностью, показывал в Николаевской церкви каждому особо, как должно совершать богослужение по греческому обряду» [264]. «Будучи горячим приверженцем греко-восточного обряда», он «не мог одобрять ни латинской вульгаты..., ни особенно перевода ее на польский язык, ни распространения польских богослужебных книг в греко-униатском духовенстве, обязанном совершать богослужение по греческому обряду на славянском языке, ни латинизации греческих обрядов в унии» [265].

Авторитет М. Бобровского в священнической среде был необычайно высок, не случайно епископ Иосиф Семашко всячески стремился привлечь его на свою сторону. «1-го сентября 1839 г. прибыли в Вильну для совершения торжественного богослужения преосвященный Исидор (нынешний митрополит С.-Петербургский), Иосиф Семашко, епископ Литовский, и Антоний Зубко, епископ Минский, вместе с главнейшими представителями от духовенства обеих епархий, в числе которых находим старшего соборного протоиерея Михаила Бобровского» [266]. «В воскресенье, 3-го сентября, в Свято-Троицком, бывшем базилианском, монастыре все три архиерея совершили соборное торжественное богослужение при необыкновенно большом стечении народа» [267]. Событие это сам епископ Иосиф Семашко, будущий митрополит.

описал так: «Священников к богослужению употреблено было с обеих сторон 12: со стороны моей – Тупальский, ректор Гомолицкий и Бобровский, очень кстати здесь бывший по известности его в Вильне, и четыре иеромонаха; со стороны Исидора – два архимандрита, один протоиерей, один священник и один иеромонах» [268]. Так заканчивался 1839 г., в феврале–марте которого было юридически оформлено присоединение бывшей греко-униатской церкви к православию [269], тогда же коснувшееся и Супрасльского монастыря [270].

Период перехода греко-униатов в православие не был одномоментным. Это касалось как отдельной приходской общины, монастыря, так и церкви в целом. В сфере книжной, например, по-прежнему и довольно долгое время в большом ходу оставались многие униатские служебные книги, прежде всего *Требники*, учитывающие местные особенности. Время перехода не благоприятствовало сбережению архивных и библиотечных собраний бывшей греко-униатской церкви, ибо происходило их массовое перемещение, но все-таки не уничтожение, как о том часто пишут [271]. Спорность подобных суждений подтверждают и документы Супрасльского монастыря [272]. В мае 1843 г. Супрасльское духовное училище визирует знаменитый в будущем собиратель славянских книжных древностей епископ Павел, тогда молодой преподаватель (профессор) Литовской духовной семинарии Прокопий Никонович Доброхотов [273]. Он сразу же обратил внимание на огромные книжные богатства монастыря. В дальнейшем с его именем связано исследование судьбы нескольких рукописей из Супрасльской библиотеки, которые высылались ему [274], а главное – присвоение им *Сборника библейских книг*, переписанных Матвеем Десятым, и пропажа рукописной *Kroniki Lawry Supraslskiej*, к которой он причастен все же, видимо, не был, тем более, если учесть факт снятия с нее копии для его коллекции [275]. В огромном собрании епископа Павла вполне могли оказаться и другие супрасльские материалы, так как многое из Супрасля уже в середине XIX в. стало поступать в библиотеку Литовской духовной семинарии. Отдельные из таких материалов действительно попали в коллекцию епископа, который потом кое-что даже дарил различным местным учреждениям и обществам [276].

Сохранившаяся весьма объемная документация того времени, второй трети XIX в., дает представление о масштабах и путях перемещения книжных и архивных богатств бывших базилианских монастырей. Эти собрания в конце концов все чаще попадают в Вильно [277], причем наиболее ценная их часть – в Виленскую публичную библиотеку [278]. Процесс этот затрагивает и Супрасль, о чем также свидетельствуют многочисленные документы [279]. Например, 3 июня 1849 г. следует распоряжение о передаче из Супрасльского монастыря в кафедральный собор г. Перми посоха св. Стефана Пермского, который хранился в обители с XVII в. [280].

В 1852 г. игуменом Супрасльского монастыря становится о. Викентий Курганович, в бытность которого, в 1853 г., ликвидируется здешнее училище [281]. По мнению архимандрита Николая Далматова, «служение игумена Викентия было полезным..., одно ему нельзя простить – это раздачу рукописей из монастырского архива» [282]. Впрочем, последнее обвинение несправедливо, так как о. Викентий выдавал рукописи отдельным заслуживающим доверия лицам на время, а не раздавал их. Достаточно сослаться на историю, связанную с потерей *Kroniki Lawry Supraslskiej*, посланной в 1852 г. епископу Павлу Доброхотову в г. Ригу. Игумен Викентий употребил немало усилий для ее поисков и возвращения, подключив к этому даже брестского епископа Игнатия, а епископу Павлу в 1855 г. он жестко писал: «Смело клянусь всем священным в мире, что книги, о которой у нас идет переписка, обратно я не получал. И потому еще раз принимаю смелость Ваше Высокопреподобие употребить все меры к открытию похитителя этой мнимой летописи, – как Вам угодно было выразиться» [283].

Настоящая раздача книг Супрасльской библиотеки, а затем и полная их утрата, произошла при архимандрите Викентии Журовском, ставшем настоятелем в 1859 г. При нем же были окончательно распроданы запасы изданий Супрасльской типографии, среди которых было большое число униатских изданий на церковнославянском языке. «Книги, оставшиеся от Супрасльской типографии, все до одной проданы и розданы разным лицам, так что пишущий сии строки случайно только приобрел единственный экземпляр служебника Супрасльской печати, изданного в конце прошлого столетия, каковой и отдал в монастырскую библиоте-

ку», – так писал архимандрит Николай Далматов всего лишь через несколько лет, прошедших после времени настоятельства архимандрита Викентия Журовского (1859–1876 гг.) [284]. «Архимандрит Викентий щедрою рукою раздавал монастырские документы и книги всем обращавшимся к нему с просьбою об одолжении их, каковые документы и книги большею частью пропали для монастыря. Так, например, им отдана была редактору «Северо-Западного Вестника» Говорскому [285] рукопись XVI века, опись церковного имущества, составленная архимандритом Сергием Кимбаром в 1557 году, которая не возвращена; отданы кому-то два древних монастырских помянника, один из них писанный на пергаменте, заведенный первым Супрасльским игуменом Пафнутием, а другой переписанный с первого, за ветхостию, 1632 года [286]..., имена записанные в оных для поминовения, лишены церковного поминовения. Затеряны свидетельства из Рима на мощи св. мученика Иустина и другие... Затеряна рукопись описания чудес от иконы Божией Матери Супрасльской, писанных архимандритом Герасимом Великонтием» [287].

В начале 1860-х гг. инспектор Литовской духовной семинарии архимандрит Модест Стрельбицкий, будущий архиепископ Волынский, предпринимает исследование истории Супрасльского монастыря, которое позднее публикует вместе с его документами в *Литовских епархиальных ведомостях* (1865–1867 гг.) [288] и в *Вестнике Западной России* (1867 г.) [289]. Архимандрит Модест сообщает и некоторые сведения о состоянии Супрасльской библиотеки в то время: «В одном большом зале помещается монастырская довольно богатая библиотека, особенно много рукописных четь-минеи, разных служб и поучений. Следовало бы ее разобрать и описать. Много из нее прежде было взято книг для составления библиотеки Литовской духовной семинарии [290]. Очень жаль, что бывшая в библиотеке рукописная большая книга под заглавием: Супрасльского монастыря летопись [291], неизвестно где теперь находится... Помянник Супрасльского монастыря замечателен по своей древности; потому и о нем стоит сказать. Он писан на пергаменте, устроен первым игуменом Пафнутием» [292]. Окончание исследования архимандрита Модеста датировано «17 июля 1866 г.» и, по его словам, все предоставленные ему настоятелем монастыря материалы «возвращены в целости» [293].

В 1865 г. в Вильно начала создаваться Виленская публичная библиотека, куда поступило немало книг из Супрасльского монастыря. «Попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов ревностно занялся отыскиванием и сохранением памятников русской старины в здешнем крае. Он видел, что памятники русские, особенно письменные, все больше и больше исчезают, то небрежно сохраняемые лицами, не понимавшими их значения, а то и намеренно истребляемые теми, кому был в этом интерес; поэтому он употребил все свое старание, все средства, бывшие в его распоряжении, чтобы разыскать, сохранить, что пока еще уцелело и обнаружить более замечательное. С этою целью в 1865–1867 годах он организовал командировки по Западному краю опытных лиц с ученою целью собирать и доставлять в Вильну все древние и жолько-нибудь замечательные рукописи, книги и другие предметы, носившие на себе отпечаток русского или православного элемента» [294]. В 1871 г. в Виленской публичной библиотеке было уже 82 кириллические рукописные книги и множество пергаменных грамот, описанных П. Гильтебрандтом [295]. В их числе оказались и рукописи из Супрасля: *Пятикнижие Моисеево* 1514 г. [296], *Супрасльский субботник или помянник* в списке 1631 г. [297], *Славянская грамматика Мелетия Смотрицкого в списке XVIII века* [298], «Богогласник в списке XVIII века» [299]. Сменивший на посту И. Корнилова П. Батюшков, инициировавший работу П. Гильтебрандта по описанию кириллических рукописей и пергаменных документов Виленской публичной библиотеки, а также известный церковный историк, архиепископ Макарий (Булгаков), ставший в конце 1868 г. архипастырем Литовской епархии, способствовали окончательной передаче в Вильно книжных собраний Супрасльского монастыря. Оба исследователя – и П. Батюшков, и архиепископ Макарий – проявили огромный интерес к памятникам кириллической книжности из Супрасля, неоднократно использовали их в своих публикациях [300].

После посещения Вильно министром народного просвещения графом Д. Толстым, высказавшим мысль о необходимости передачи ценных рукописей в Виленскую публичную библиотеку, туда поступает 40 церковнославянских рукописей из Литовской духовной семинарии. Это происходило при непосредственном содействии митрополита, тогда архиепископа, Макария, «сочув-

ственно отнесшегося к этому делу» [301]. «Благодаря сочувствию того же просвещенного Иерарха, в 1877 году доставлено из Супрасльского монастыря около 100 рукописей и между ними немало весьма замечательных» [302]. Супрасльский Благовещенский монастырь в 1876–1877 гг., в момент прихода в монастырь нового настоятеля архимандрита Иннокентия Команецкого (1876–1880 гг.), утратил все свои книжные богатства.

«В 1876 г. передана в Виленскую публичную библиотеку Супрасльская монастырская библиотека в количестве 1109 экзempl. книг на латинском, польском, немецком, русском и славянском языках. Кроме того разных документов 191 номер. Передача эта была подготовлена архимандритом Викентием и совершилась вскоре по вступлении в должность настоятеля архим. Иннокентия; этим только и можно объяснить, что многое передано такое, что могло бы остаться и следовало бы оставить в монастыре. Особенно это можно сказать относительно передачи монастырских документов, которые взяты из монастырского архива без всякого разбора, как это говорится «зря». Начало некоторых дел имеется в оставшемся монастырском архиве, продолжение взято в публичную библиотеку, а конец опять в монастыре, и наоборот, – словом произведена полная и самая неудачная кастрация монастырского архива» [303]. «Так постепенно и незаметно исчезали рукописные сокровища почти из всех монастырей здешнего злополучного края, сокровища, с таким старанием и с таким трудом накапливаемые первыми православными основателями монастырей» [304].

Ставший в 1881 г. настоятелем Супрасльского монастыря архимандрит Николай Далматов, оказавшийся умелым организатором, возродившим обитель, многое сделал и для восстановления ее библиотеки, в которой после 1877 г. оставалось всего лишь «около ста экземпляров разного рода названий» [305]. Через несколько лет в Супрасльском монастыре было уже «до 700 экземпляров» книг [306], хотя, конечно, все это были в основном разнообразные издания XIX в. [307]. Постепенно архимандритом Николаем был восстановлен и архив монастыря, доведенный к началу XX в. до 687 номеров [308]. Библиотека к тому времени также пополнилась и насчитывала уже 982 номера [309]. Среди них находилось и несколько рукописей из давней Супрасльской

библиотеки, например, *Евангелие* архимандрита Герасима Великонтия [310], пергаменный *Супрасльский помянник* [311]. Впрочем это уже были случайные остатки древней библиотеки, дающие лишь самое минимальное представление о ее утраченных богатствах.

Во время эвакуации с началом первой мировой войны «12 августа 1915 г. православные русские монахи покинули монастырь и уехали в Россию вместе с русскими войсками. Они вывезли с собой ценнейшие культовые предметы, важнейшие документы. Библиотека и остальное движимое имущество, оставленные без опеки, оказались распыленными» [312]. Впрочем это было не совсем так. Немало книг новой Супрасльской библиотеки, созданной архимандритом Николаем Далматовым, в Супрасле тогда еще оставалось. В период II Речи Посполитой, в 1919 г., в монастырь прибывают представители новых польских властей, дабы забрать оттуда церковные предметы, а монастырские церкви, несмотря на службу в них монашествующих, закрыть и опечатать [313]. В марте 1921 г. православный епископат в письме министру религиозных исповеданий Польши упоминает и «о вывозе в Белосток библиотеки монастыря и отца настоятеля» [314]. Супрасльский монастырь тогда фактически прекратил свое существование, несмотря на активные протесты как отдельных групп верующих, прежде всего местных, так и всей Православной церкви в межвоенной Польше в целом. Обращения в различные инстанции, в том числе самые высокие, и многолетний судебный процесс ни к чему не привели [315].

Начавшееся в 1980-е гг. постепенное возвращение государством зданий Супрасльского Благовещенского монастыря Польской Автокефальной Православной Церкви способствовало появлению со стороны Церкви проекта полного его восстановления, который предусматривает также и воссоздание библиотеки. В 1992 г. посол «Сейма Польской Речи Посполитой от белорусской православной общественности» Е. Чиквин писал о возрождении Супрасльского монастыря: «Польская Автокефальная Православная Церковь робіць усе, каб адрадіць гэтыя выдатныя традыцыі. Увесь комплекс былога Супрасльскага манастыра неабходны дзеля памяшчэння ў ім побач з манаскай браціяй праваслаўнай семінарыі, іканапіснай школы, друкарні, якія цяпер працуюць у

надзвычай цяжкіх варунках, а таксама адраджэння бібліятэкі, заснавання музея і іншых мерапрыемстваў. Усё гэта неадкладна патрэбна для ўсебаковага развіцця беларускай духоўнай і свецкай культуры нашай меншасці ў Польшчы» [316].

1. Модест, архим. Супрасльскі Благовешенскі манастыр // Лит. епарх. ведомости. 1865. № 3. С. 75–76; Николай (Далматов), архим. Супрасльскі Благовешенскі манастыр. Ист.-стат. описание. Спб., 1892. С. 5–6.

2. Boniecki A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV–XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 20–24.

В летописи конца XV – начала XVI вв., созданной в Супрасльском монастыре, а ныне хранимой в Российском государственном архиве древних актов в Москве (ф.181. Оп.1.4.1. № 21/26), об этом событии на л. 71 сообщено следующее: «В лето 6000-е 991-е, индикта 1. На день святого Симеона при короли Казимире Ягелловичи царь перекопский Мин-Кгирей Аги-Кгиреев сын, славный великий град Киев, матере градовом добыл и жьжог, и воеводу киевского пана Ивана Ходковича в Орду звел». (Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 125).

3. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-95. Любча – ныне посёлок городского типа в Новогрудском районе Гродненской области Беларуси.

4. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. В 1993. Л. 1юб.; АС. Т. 9. С. 53.

5. Немировский Е.Л. видит в этой рукописи пример создания митрополитом Солтаном житийного свода подобного *Великим Четьям-Митьям* митрополита Макария (см.: Немировский Е.Л. Франциск Скорина... С. 112–114).

6. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-98.

7. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-101.

8. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильно, 1870. Т. 9. С. 3–5.

9. Maroszek J. Kalendarium klasztoru Ojców Bazylianów w Supraślu – czasy Aleksandra Chodkiewicza // Białostoczczyzna. 1994. № 2. S. 6.

10. Op.cit. S. 12. Речь идет о статье архиепископа Белостокского и Гданьского Саввы «Klasztor w Supraślu» (Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. 1983. № 1/2. S. 36–41).

11. Макарий, архиеп. История Русской Церкви. Спб., 1879. Т. 9. С. 168.
12. Археографический сборник... Т. 9. С. 5.
13. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Спб., 1841. Т. 1. С. 524–529.
14. См. прим. 2.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 35. С. 127.
16. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. В 1993. Л. 2об; Археографический сборник... Т. 9. С. 54.
17. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. С. 157–159.
18. Лабынцаў Ю. Пачатак Скарынам: Бел. друк. літ. эпохі Рэнэсансу. Мінск, 1990. С. 285.
19. Там же.
20. Сразу же после введения в научный оборот летопись была издана М.А. Оболенским (см. прим. 17). В дальнейшем она тщательно изучалась многими исследователями. Подробнее см.: Улашик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. Он же является автором последней ее публикации (см. прим. 2).
21. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. В 1993. Л. 2об.; Археографический сборник... Т. 9. С. 54.
22. Богданович Д. Каталог кирилских рукописа манастира Хиландара; Медакович Д. Старе штампане кнѣге манастира Хиландара. Београд, 1978. № 185.
23. Сравните, напр., описи библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991, или же состав книг библиотеки Соловецкого монастыря, состоявшей в те же годы (1514 г.) из 127-ми рукописей: Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории кн. культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 169–171.
24. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58- В1993, В1994, В2001, В2002.
25. Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. VII. С. 3–15. См. также публикацию в кн.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996. С. 135–149.
26. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1538.
27. Карский Е.Ф. Белорусы. Пг., 1921. Т. III. Ч. 2. Старая западно-русская письменность. С. 141–142.
28. См. ссылку 25.
29. Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. VII. С. XI.

30. Там же.

31. Naumow A. Nasze liturgiczne tradycje // Przegląd Prawosławny. 1995. № 6. S. 28.

32. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983.

33. Археографический сборник... Т. 9. С. 48.

34. Там же. С. 52.

35. Цит. по: Radziukiewicz A., Bołtryk M. Precz z mnichami. Białystok, 1995. S. 156.

Супрасльские фрески в последнее время стали объектом монографического исследования молодого краковского ученого А. Семашко (см., напр.: Siemaszko A. Malowidła ściennie cerkwi Zwiastowania w Supraślu: Rekonstrukcja programu ikonograficznego // Prace z historii sztuki. 1995. Z. 21. S. 13–64.

36. Мы не исключаем, что сам Арсений привез эту рукопись на Афон. После получившего широкую огласку конфликта с о. Сергием, о чем было хорошо известно как в Великом княжестве Литовском, так и в Королевстве Польском, он оказался в положении, требующем удаления в иной монастырь, предпочтительно более дальний, где бы о нем, как о смутьяне и клеветнике, знали как можно меньше.

37. Nowy Testament. Łosk, 1574. S. 26.

Едва ли С. Будный был непосредственным очевидцем конфликта в Супрасльском монастыре. (Сравните: Саверчанка І.В. Сымон Будны: Гуманіст і рэфарматар. Мінск, 1993. С. 10–12). Все сведения о деятельности архимандрита Сергия Кимбара и его «винах» взяты С. Будным прежде всего из «списков» самого Арсения, а также из письменных и устных свидетельств иных лиц, так как это дело получило достаточно широкую огласку. См. также: Merczyng H. Szymon Budny jako krytyk tekstów biblijnych. Kraków, 1913. S. 123.

38. О. Сергей Кимбар имел ввиду страны и земли, о которых он ранее сам написал так: «отколем нам Руси закон святой православный выдан».

39. В число последних входили как духовные, так и некоторые светские лица.

40. Łabynczew J. Szczawińska L. W mieście zwanym Zabłudowem. Białystok, 1995. S. 22–23.

41. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей...

42. Археографический сборник... Т. 9: С. 49.

43. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1993, B1994, B2001, B2002.

44. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. B1993. Л.1; Археографический сборник... Т. 9. С. 53.

45. Археографический сборник... Т. 9. С. 52.
46. Археографический сборник... Т. 9. С. 51. Это Евангелие было подарено А. Ходкевичу «нынешним митрополитом», то есть митрополитом Сильвестром.
47. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. В 1994. Л. 1об; Археографический сборник... Т. 9. С. 54.
48. Там же. Л. 2об; Там же. С. 55.
49. Там же. Л. 2; Там же. С. 54.
50. Bibliotheca Vaticana. Vat. lat. 3955.
51. Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1. Приложения. С. 10.
52. Кукушкина М.В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 366.
53. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-77.
54. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58. В 1994. Л. 2; Археографический сборник... Т. 9. С. 55.
55. См. описание отрывка пергаменного *Евангелия апракос*, принадлежавшего «архидиякону монастыря Супрасльского»: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1976. С. 25–26.
56. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1993, B1994, B2001, B2002.
57. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 64; Археографический сборник... Т. 9. С. 59.
58. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 69; Археографический сборник... Т. 9. С. 62.
59. Подробнее см.: Labyncew J. Szczawińska L. W mieście zwanym Zabłudowem...; Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей...
60. Там же.
61. Непосредственно эта типография в Заблудове работала в 1568–1570 гг.
62. Российская Государственная библиотека. Отдел редких книг (МК). № 1649. Апостол, упомянутый в записи, сохранился. См.: Национальная библиотека Украины. Отдел старопечатных и редких книг. Апостол. Львов, 1574. Кир. 575.
63. Об этом свидетельствуют многие факты, так, например, согласно «Попису войска земского Великого княжества Литовского» 1567 г. «пан виленский, гетьман наивышший» Г.А. Ходкевич выставлял 300 конных воинов в полном вооружении, 150 пеших со всех своих имений в Гродненском (Заблудов, Хорощ, Супрасль, Берестовица и другие), Волковысском, Оршанском поветах и на Волыни.

64. Сам московский царь Иван Грозный неоднократно обращается к Г.А. Ходкевичу в своих посланиях.
65. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-89. Л. 12.
66. Национальная библиотека Беларуси. Отдел рукописей, старопечатных и редких изданий. 094/276К.
67. Щавинская Л.Л. У истоков восточнославянской астрологической книжности // Книга в меняющемся мире. М., 1992. С. 30–32; Она же. Старажытны беларускі астралагічны трактат // Культура. 1992. № 30. С. 8.
68. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-262. Сборник этот давно изучается известным израильским исследователем М. Альбауэром. См.: Altbauer M. The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262). Jerusalem, 1992.
69. Петров Н. Западно-русские полемические сочинения XVI века // Труды Киевской духовной академии. 1894. № 2. С. 154–186.
70. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-57.
71. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-103.
72. См., напр.: Попов А. Обличительные описания против жидов и латинян по рукописи Императорской Публичной библиотеки 1580 года. М., 1879; Лабынцев Ю.А. Описание изданий Несвижской типографии и типографии Василия Тяпинского. М., 1985; Он же. Супрасльський список пространного життя Кирилла Філософа 1580 г. // Болгарская культура в веках. М., 1992. С. 15–17.
73. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. I.1.29.
74. Цит. по: Пергаменные рукописи библиотеки Академии наук СССР... С. 25–26.
75. Петров Н. Западно-русские полемические сочинения... 1894. № 4. С. 535.
76. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-75.
77. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-240.
78. Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской Публичной Библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882. С. 341–388.
79. Национальная библиотека Украины. Институт рукописей. I,5391.
80. Лабынцев Ю.А. Издания Франциска Скорины и других славянских первопечатников в библиотеке Супрасльского монастыря // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 185–186.

81. О писцах рукописи подробнее см.: Дубровіна Л.А. Супрасльський ірмолой 1601 року: деякі аспекти кодикологічного дослідження // Рукописна та книжкова спадщина України. Київ, 1993. Вип. 1. С. 13–20.
82. Книги Франциска Скорины у зібранні Центральної наукової бібліотеки Академії наук УРСР. Київ, 1991.
83. Николай (Далматов), архим. Супрасльський... С. 87.
84. Там же. С. 92–95.
85. Модест, архим. Супрасльський Благовещенський монастирь // Вестник Западной России. 1867. Т. 1. Вып. II. С. 80; Николай (Далматов), архим. Супрасльський... С. 98.
86. Николай (Далматов), архим. Супрасльський... С. 97–98.
87. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-80.
88. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-89.
- Л. 6.
89. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-116.
- Л. 2–3.
90. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-251.
91. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-255.
92. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-264.
93. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-54.
94. Археографический сборник... Т. 9. С. 108–115.
95. Археографический сборник... Т. 9. С. 151–155.
96. См., напр.: Sregda M. Działalność prawno-organizacyjna metropolity Józefa IV Welamina Rutskiego (1613–1637). Warszawa, 1967.
97. Pińtyczak-Majerowicz M. Bazylianie w Koronie i na Litwie: Szkoły i książki w działalności zakonu. Wrocław, 1986. S. 144.
98. Constitutiones examinandae et seligendae in futuris Capitulis Provincialibus tum denique Generali Ords.S.B.M... Poczajów, 1776. S. 112–113, 191–192.
99. Археографический сборник... Т. 9. С. 185–205.
100. Там же.
101. Там же. С. 202–203.
102. Там же. С. 187, 204–205.
103. Там же. С. 202–203.
104. Там же. С. 203–204.
105. Там же. С. 203.
106. Там же. С. 204.
107. Там же. С. 204–205.
108. Там же. С. 204.
109. Сравните: Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1993, B1994, B2001, B2002; Археографический сборник... Т. 9. С. 185–205.

110. Археографический сборник... Т. 9. С. 205.
111. Там же. С. 189.
112. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 153.
113. Археографический сборник... Т. 9. С. 215–216.
114. Подробнее см.: Kotłubaj E. *Życie Junusza Radziwiłła*. Wilno; Witebsk, 1859.
115. Библиотека Российской Академии наук. Отдел рукописей. 34.5.30; а также ее роскошное двухтомное факсимильное издание «Радзивилловская летопись» (Спб., 1994).
116. Улащик Н.Н. Введение... С. 88–89. Тексты владельческих записей на рукописи воспроизвел А. Шахматов. См.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Спб., 1902.
117. Улащик Н.Н. Введение... С. 87–129; Mironowicz A. *Latopisy supraskie jako jedne ze źródeł «Kroniki polskiej» Macieja Strykowskiego // Studia polsko-litewsko-białoruskie*. Warszawa, 1988. S. 23–32.
- Kronika polska* М. Стрыйковского имелась в Супрасльской библиотеке. См.: Археографический сборник... Т. 9. С. 203.
118. Labunczew J. *Szczawińska L. W mieście zwanym Zabłudowem...* S. 10–13; Лabyнцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная Академия Ходкевичей... С. 10–14.
119. Strykowski M. О początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Warszawa, 1978. S. 239–243.
120. Strykowski M. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi*. Warszawa, 1846. Т. 2.
121. Князь Януш Радзивилл был даже «избран ректором лейпцигской академии». См.: *Polski Słownik Biograficzny*. Wrocław etc., 1987. Z. 125. S. 208.
122. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-115.
123. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-160.
124. Рукопись можно назвать роскошной. Она имеет множество богато украшенных миниатюр, заставок, инициалов.
125. В сохранившейся в рукописи приписке читаем: «В сей единой оправе Менеиа на два месяца сиречь на Марец и Апрель».
126. *Inwentarz cerkwie monastyr Supraslskiego za iaśnie wielmożnego i-mci księdza Gabryela Kolendy archiepiskopa Polockiego, Witebskiego, Mscisławskiego, metropolity wszystkiej Rusi, archimandryty Suprasl. Berezweckiego etc. pisany w roku 1668, Oktobrys 6 // Археографический сборник...* Т. 9. С. 229–243.
127. Археографический сборник... Т. 9. С. 241.
128. Там же.

129. Там же. С. 242–243.
130. Сравните: Археографический сборник... Т. 9. С. 185–205 и С. 229–243.
131. Археографический сборник... Т. 9. С. 241.
132. Там же. С. 242.
133. Сравните: Pidlypczak-Majerowicz M. Biblioteki i bibliotekarstwo zakonne na wschodnich ziemiach Rzeczypospolitej w XVII–XVIII wieku. Wrocław, 1996. S. 50 и др.; Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970.
134. Сравните: Wyczawski H.E. Kościelne zbiory biblioteczne (wiek XVI–XVIII) // Dzieje teologii katolickiej w Polsce. Lublin, 1975. Т. 2. Cz. 1. S. 518–551.
135. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-149.
136. Библиотека Академии наук Литвы. F19-210.
137. Библиотека Академии наук Литвы. F19-211.
138. Библиотека Академии наук Литвы. F19-205.
139. Библиотека Академии наук Литвы. F19-192.
140. Библиотека Академии наук Литвы. F19-228.
141. Библиотека Академии наук Литвы. F19-232.
142. Библиотека Академии наук Литвы. F19-192.
143. Подробнее см.: Ваврик М.М. Служебник митр. К. Жоховского 1692 р.: Генеза й аналіза // Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae, 1985. Vol. XII. Fasc. 1–4. P. 313–314.
144. Там же. С. 317, 341.
145. Лабынцев Ю.А. Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978. С.9.
146. Имеющийся в печатном варианте *Последования* нотированный тропарь является «первым кирилловским памятником нотной печати, воспроизводящим музыкальное произведение» – Лабынцев Ю.А. Кирилловские издания Супрасльской типографии... С. 10, 12–13. См. также: Лабынцев Ю.А. Неизвестный памятник нотной печати // Сов. музыка. 1983. № 3. С. 76–78; Он же. Некоторые вопросы кирилловского книгопечатания в Супрасле // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 168–169. Примечательно также, что один из экземпляров *Постригу* ныне сохраняется в Отделе редких книг (МК) Российской Государственной библиотеки (см.: Лабынцев Ю.А. Кирилловские издания Супрасльской типографии... С. 13). Несомненно, ранее находился в библиотеке Супрасльского монастыря.
147. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-113. Рукопись имеет орнаментику как чисто «московского» типа, так и смешанного. См., напр., заставки на л.1, 15 2-го счета, 40 2-го счета и др., а также инициалы.

148. См. его запись по листам в начале рукописи: «За старанием честнаго отца Иакова Гриманевскаго на тот час презвитера церкви Риболовской. Року тысяча седм сот четырнадцатого».

149. В 1735 г. на л. 274 рукописи делает запись новый настоятель церкви в Рыболах, вероятнее всего, сын прежнего: «Отец Стефан Гриманевский, презбитер Риболовский, протопрезбитер Подляский, рукою власною, року 1735».

150. Чистович И. Очерк истории западно-русской церкви. Спб., 1884. Ч. 2. С. 379.

151. *Synodus provincialis Habita in civitate Zamosciae anno 1720. Vilnae, 1777.* Подробнее о соборе см.: Павлович С.К. Опыт истории Замоийского униатского провинциального собора (1720 г.). Гродно, 1904.

152. Подробнее о нем см.: Недельский С. Униатский митрополит Лев Кишка и его значение в истории унии. Вильно, 1893.

153. См. текст привилегии в: Собрание припадков. Супрасль. 1722.

154. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Супрасльский церковнославяно-польский словарь 1722 г. Минск, 1995. С. 33.

155. Библиотека находилась в втором этаже этого здания, рядом располагалась келья библиотекаря.

156. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 220, 239; Археографический сборник... Т. 9. С. 323–325.

157. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-233.

158. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-185.

159. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-187.

160. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-188.

161. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-196.

162. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-197.

По листам в начале рукописи читается: «Сия книга написана мною многогрешным рабом иеромонахом Алексием Плашкевичем Ч.С.В.В. в употребление монастыря Супрасльскаго, юже аще бы кто взял, даровал, предал, или где инде обернул, завезл и отдал, а кто бы ю себе привлашил, с таковым всяким яки с хищником и лихоимцем суд буду мети в второе и страшное, трепетное и ужасное пришествие Христово». а в конце: «Сия книга монастыря Супрасльскаго. Ведомо буди яко сия книга, глаголемая Требник или епископский Понтыфикал есть власная монастыря Супрасльскаго, написаная честным отцем Алексием Плашкевичем чина святого Василия Великаго, профессором тогож монастыря».

163. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-198. Рукопись написана на заказ для приходской церкви, о чем свидетельствует запись по ее листам в начале: «Ja Bohdan Jahatkowski L.P.B.W. daje ten mszał z przypisaniem do niego Połustaw do cerkwi Siennickiej

zwiastowania Nas.Panny na chwałę Bożą za odpuszczenie grzechow swoich roku 1733 msca Nobra dnia 8 według starego kalendarza».

164. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-143 (*Мисея на сентябрь*), 150 (*Мисея на декабрь*).

165. Укажем на *Триодь цветную* с инициалами, оттиснутыми с ксилографических досок Супрасльской типографии, что было весьма типично для процесса создания рукописных книг в монастыре. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-214.

166. Партитуры эти многочисленны. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-134 (*Каноны на Восресение Христово* в трех книгах, представляющих собой партитуры для баса, тенора и дисканта), 135 (*Каноны на Воскресение Христово*. Две книги партитур для баса 1 и баса 2), 136 (*Канты и литании*. Партитура для баса 1). F22-73 (Партитура для дисканта 1, входящая в комплект рукописей № 135 из F.9. На партитуре запись: «Дышканть. I. Supraslskie. Kantyk»).

167. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-131.

168. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-130. На задней крышке переплета рукописи помещена следующая карандашная запись «Е.О. Янучков 1840 года 15 мая Городен. губ. Берестейск.у. село Кринки...».

169. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-237.

170. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-203.

171. Рукопись эта не совсем обычна. Ее начало на церковнославянском языке написано латиницей, затем идет текст, выписанный греческими буквами на греческом, далее заглавия по-славянски и гречески написаны попеременно.

172. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-248.

173. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 562. Опись сохранилась лишь в переводе на русский язык, помещенном в книге архимандрита Николая.

174. Там же. С. 562–563.

175. См., напр.: Żbikowska-Migoń A. Dzieje książki i jej funkcji społecznej: Wiek XVIII. Wrocław, 1987; Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976.

176. См., напр.: Wyczawski H.E. Op. cit; Pidlypczak-Majerowicz M. Biblioteki...

177. Piechnik L. Odrodzenie Akademii Wileńskiej: 1730–1773. Rzym, 1990. S. 185–214.

178. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 568.

179. Там же. С. 572.

180. Археографический сборник... Т. 9. С. 359.

181. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 572–573.

182. Археографический сборник... Т. 9. С. 375.
183. См., напр.: *Philosophia peripatetica*. Supraśl, 1749.
184. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 305, 307.
185. См., напр.: Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F18-160. Л. 9–10 и др.
186. Там же. Л. 11–15 и др.
187. Там же. Л. 10 и др.
188. См., напр.: *Katalog xiąg znajdujących się w drukarni Supraslskiej pod dozorem XX Bazylianów*. [Supraśl, 1799]; *Regestr xiąg w drukarni Supraslskiej znajdujących się*. [Supraśl, 1790] и др.
189. Pidtypczak-Majerowicz M. *Bazylianie w Koronie i na Litwie...* S. 163.
190. Там же.
191. Археографический сборник... Т. 9. С. 324, 395.
192. Археографический сборник... Т. 9. С. 403–406.
193. Она играла роль административного управления.
194. Археографический сборник... Т. 9. С. 405–406.
195. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-201.
196. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С.392.
197. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский (1785–1848), ученый славист-ориенталист: Ист.-биограф. очерк. Спб., 1889. С. 35.
198. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 384–385.
199. Ліс А. Цяжкая дарога свабоды: Артыкулы, эцюды, партрэтэ. Мінск, 1994. С. 3–27.
200. Подробнее о нем см.: Бобровский П.О. Антоний Юрьевич Соновский. Старший соборный протоиерей, настоятель Николаевской церкви в Клещелях (один из триумвиров Брестского капитула): Ист.-биограф. очерк. Вильно, 1890.
201. Там же. С. 192.
202. Там же. С. 72.
203. См., напр.: Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1986–1987 и др.
204. Библиографические листы. 1825 г. Спб., 1826. № 1. Стлб. 3.
205. Bonazza S. *Bartholomäus Kopitar: Italien und der Vatikan*. München, 1980. S. 211.
206. Бобровский П.О. Судьба Супрасльской рукописи, открытой доктором богословия, магистром философии и филологии М.К. Бобровским: Историко-библиографическое исследование. Спб., 1887. С. 4.
207. О нем же см.: *Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиограф. словарь*. М., 1979. С. 74.
208. Францев В.А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.

209. Lehr-Splawiński T. Zarys dziejów słowianoznawstwa polskiego. Kraków, 1948. S. 8.

210. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F273-1007.

211. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F2-KC 35. Л. 14об.

212. См., напр.: Бобровский П. К биографии М.К. Бобровского. Спб., 1890. С. 9. О местной языковой ситуации П. Бобровский оставил немало своих разрозненных заметок. Наблюдения его порой неожиданны, но они не могут не учитываться, особенно сейчас, по прошествии почти полутора веков. Вот, например, что он писал относительно одного из говоров центральной Белостотчины: «Судя по некоторым памятникам народной речи, Заблудов и его окрестности, в числе до 40 деревень, могли быть поселены русскими переселенцами или же русскими пленными, взятыми во время частых войн великих князей литовских с царями московскими в XV ст., а может быть и ранее. См. Ч. I. Стат. опис. Гродненской губернии, стр. 640. В народном говоре жителей Заблудова и его окрестностей в 60-х годах мы замечали особенности, отличавшие это наречие от языка окрестных крестьян белоруссов. Здесь не говорили – идуць, иедуць, знаюць, – как говорят обыкновенно белоруссы, а идут, едут, знают, как говорят великоруссы. Тут нет постоянного изменения о на а. Впрочем, многия производныя слова приняли свойства белорусскаго языка, а некоторыя слова построены по образу польских слов... Впрочем, мнение наше нельзя считать непреложным в таком серьезном вопросе, требующем основательных лингвистических познаний. При ближайшем сравнении замечается сходство Заблудовскаго “королевскаго” наречия с языком черноруссов». См.: Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский... С. 48.

213. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский... С. 37.

214. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B2001.

215. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B2004.

216. Там же. Л. 2.

217. Более поздняя заметка, касающаяся патриарха Гавриила, является явно ошибочной, особенно если учесть, что речь идет о 1593 г.

218. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1992, B1995.

219. Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. С. 9.

220. Latopisiec Litwy i kronika ruska z rękopisu słowiańskiego przepisaną... Staraniem i pracą Ignacego Daniłowicza. Wilno. 1827. S. 326-327.

221. Там же. С. 7.

222. См. подробнее: Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. С. 29–45.

223. Экспедиции эти, по нашему мнению, с полным правом могут быть названы поиском своих национальных корней, школой осмысления своей принадлежности к восточной ветви славянства, к миру *Slavia Orthodoxa*. В этом отношении более всего показательна личность М. Бобровского. Проблема эта еще очень мало разработана, пожалуй, ее пока лишь пытались поставить, так как решение целиком зависит от знания фактов, их накопления, чего до сих пор в достаточной степени не удавалось сделать. Сравните: Латышонак А. Беласточчына й народзіны беларускае думкі // Беларускія навіны: Бюл. Бел. дэмакр. аб'яднання. 1991. № 2. С. 20–24 и Białokozowicz В. U źródeł kształtowania się nowożytnej białoruskiej świadomości narodowej // Białoruskie Zeszyty Hist. 1995. № 2. С. 39–73. На принципиальную важность для понимания процессов, происходивших в среде униатской интеллектуальной элиты в начале XIX в., указал активный деятель белорусского национального возрождения во II Речи Посполитой, посол ее Сейма, католический священник Адам Станкевич, писавший, что в ту пору «белорусская стихия» была внутренне подготовленной для возвращения в православие, ибо «символом этой стихии являлся восточный обряд». См.: Stankiewicz Ad. Mahnušuski. Pauluk Bachrym. Babrouski: (Da wytokau biełaruskaha adradžeńnia). Wilnia, 1937. S. 40.

224. Skarbiec dyplomatów..., posługujących do krtycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów / Zebrał... Ignacy Daniłowicz. Wilno, 1860. T. I. S. IV.

225. Там же. С. 111.

С церковнославянскою грамотою И. Данилович впервые познакомился в доме своего отца, униатского священника из с. Гриневичи, что возле Бельска. Примечательно, что в известном биобиблиографическом словаре *Славяноведение в дореволюционной России* (М., 1979. С. 142.) в статье Б.С. Попкова об И. Даниловиче сказано буквально следующее: «Родился в семье бедного униатского священника-поляка». Последнее сочетание еще раз свидетельствует, что понимания даже общих реалий историко-культурных процессов, происходивших на пограничьи *Slavia Orthodoxa-Slavia Romana* порой нет и по сей день. Сравните высказывание одного из крупнейших современных польских историков Ю. Бардаха об И. Даниловиче по тому же вопросу: «syn unickiego księdza, więc plebejusz pochodzenia białoruskiego». См.: Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 71.

226. Цит. по: Бобровский П.О. Судьба супрасльської рукописи... С. 5.

227. М. Бобровский планировал даже переселиться в Санкт-Петербург, где жил Н.П. Румянцев и находились его богатейшие книжные собрания. Кстати, Н.П. Румянцев был едва ли не главным действующим лицом в освобождении сосланного из Вильно в провинцию профессора М. Бобровского.

228. Библиографические листы. 1825. № 14. С. 189–200.

229. М. Бобровский вслед за первым сообщением о рукописи П. Кеппену посылает дополнения и уточнения, в том числе новые факсимильные копии ее фрагментов.

230. В 1814 г. М. Бобровский был приглашен на должность профессора Священного Писания, а в 1815 г. после защиты диссертации был утвержден профессором Виленского университета.

231. Цит. по: Бобровский П.О. К биографии М.К. Бобровского... С. 10.

232. Бобровский П.О. Судьба Супрасльской рукописи... С. 19–20.

233. Библиографические листы. 1826. № 36. С. 533–537.

234. Цит. по: Бобровский П.О. К биографии М.К. Бобровского... С. 18.

235. Цит. по: Бобровский П.О. Еще заметка о Супрасльской рукописи. (Дополнение к статье «Судьба Супрасльской рукописи»). Спб., 1888. С. 4.

236. Следует помнить, что на 1820-е гг. приходится ряд правительственных начинаний, связанных с устройством греко-униатской церкви в России, в частности в сфере высшего богословского образования. При этом именно М. Бобровскому отводилась в последнем вопросе едва ли не ведущая роль. Имя его в этой связи было известно даже императору Николаю. Предполагалось назначить М. Бобровского ректором Полоцкой греко-униатской академии, которая должна была возникнуть на месте иезуитской академии в Полоцке, упраздненной в 1820 г. Все это, несомненно, могло повлиять на решение супрасльского архимандрита и брестского епископа, особо заинтересованного в подобных обстоятельствах во внимании к греко-униатской церкви и ее книжным богатствам со стороны ученого мира Европы.

237. Цит. по: Бобровский П.О. Еще заметка о Супрасльской рукописи... С. 5.

238. Там же.

239. Там же. С. 5–6.

240. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-271. См. ее описание, сделанное Ф. Добрянским: Добрянский Ф. Описание... С. 461–463.

241. Бобровский П.О. Судьба Супрасльской рукописи... С. 51.

242. Число подобных расписок, найденных нами, значительно. Укажем только на следующие, относящиеся к 1820-м–1830-м гг.: Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1983, B1984, B1985, B1980, B1982 и др. См. также: Литовский Государственный исторический архив. F634. Оп. 1. № 3.

243. Расписка М. Бобровского, данная в Супрасле 4 августа 1825 г. См.: Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1984.

244. Таких указаний найдено нами немало. См., напр.: Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1985 и др.

245. *Latopisiec Litwy...*

246. Цит. по: Бобровский П.О. К биографии М.К. Бобровского... С. 48–50.

247. Примером может быть так называемая *Киевская Псалтырь* 1397 г., находившаяся в церкви св. Николая в Вильне, где настоятельством владел М. Бобровский. Сравните: Вздорнов Г. Исследование о Киевской Псалтыри. М., 1978.

248. Лабынцев Ю.А. Первая книга, напечатанная глаголицей, и ее исследователь Михаил Бобровский // Сов. славяноведение. 1983. № 4. С. 92.

249. Лабынцев Ю.А. Михаил Бобровский – первый исследователь болгарского «Абагара» 1651 г. // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981. С. 79–83.

250. Слова самого М. Бобровского, приведенные в его письме к П. Кеппену, написанном из Вильны в мае 1826 г. Цит. по: Бобровский П.О. К биографии М.К. Бобровского... С. 16.

251. Первыми пособиями, которые легли в основу читавшегося М. Бобровским курса, стали рукописные и печатные церковнославянские книги из Супрасльской библиотеки. Он сам упоминает об этом неоднократно, на то же указывают его многочисленные расписки за книги, взятые в Супрасльской библиотеке. Материалы, найденные М. Бобровским в Супрасле, явились одним из источников составленной им *Граматики церковнославянского языка*. Рукопись этой *Граматики*, хранившаяся в библиотеке Замойских, погибла во время пожара Варшавы в 1944 г. См.: *Bibliografia Literatury Polskiej. Nowy Korbut. Oświecenie*. Warszawa, 1966. Т. 4. S. 249 («*Gramatyka języka słowiańskiego. Powst. 1826–1828. Rkps*»).

252. Литовский Государственный исторический архив. F634. Оп. 1. № 3.

253. Там же. Л. 14об-41об.

254. Литовский Государственный исторический архив. F634. Оп. 1. № 3.

255. Там же. Л. 41об.
256. Там же. Л. 40–41.
257. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Ф. 834. Оп. 3. № 3317.
258. Там же. Л. 34об.
259. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Ф. 834. Оп. 3. № 3317.
260. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 415. См. также: Иосиф (Семашко), митроп. Записки. Спб., 1883. Т. 2. С. 52.
261. Там же.
262. Там же.
263. Stankiewicz Ad. Mahnušeuski... S. 40.
264. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский... С. 62.
265. Там же. С. 60.
266. Бобровский П.О. Еще заметка о Супрасльской рукописи... С. 8.
267. Там же.
268. Иосиф, митроп. Записки. Т. 2. № 37.
269. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1889. Т. 16. С. 138–145; Иосиф, митроп. Записки. Т. 2. С. 85–93.
270. Иосиф, митроп. Записки. Т. 3. С. 452–453, 477.
271. См., напр.: Petrani A. Z dziejów niszczenia Unii w świetle źródeł rosyjskich // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae*, 1971. Т. VII (XIII). S. 266–271.
272. Сошлемся всего лишь на один пример, связанный с сохранением в Супрасльской библиотеке летописных памятников. Его иллюстрирует «Рапорт Правлению Литовской епархиальной семинарии Ректора Супрасльского духовного уездного училища Никодима Марциновского» от 31 мая 1838 г. «О манускриптах находящихся в Супрасльской библиотеке, с испрошением ходатайства об отыскании ссуженных летописей и книг». «Предписание Правления Литовской Семинарии от 6 мая 1838 го: за № 221, коим прописав Указ Греко-Униатской Духовной Коллегии, состоявшийся по предложению Высочайше утвержденной для систематического издания Отечественных летописей Археографической Комиссии, что в Духовных Библиотеках и Архивах могут находиться старинныя Летописи и другия Манускрипты, предписует доставить сведения о всех подобных рукописях могущих находиться в ведении рапортующего получил № 15 сего Мая. – Во исполнение коего по забранной справке из Архива и Библиотеки Супрасльскаго Монастыря оказалось: что кроме переводов на Славянском Древнем Языке разных Сочинении С.С. Отец Восточной и Западной Церкви других замечательных рукописей нет.

Одна только находится Летопись писана на томже Славянском Диялекте без начала и без показания Года и места по Заглавию Временник Имущий от Сотворения Мира историю, притом Царей Римских Греческих и прочее.

Самый важный Манускрипт под Заглавию Летописец Подоля и другой названный Летописцов вместе с прочими книгами ссужены были в 1820 и 1821 го: Г. Старшему Соборному Протоиерею Антонию Сосновскому за роспискою и еще доселе не возвращены. На требование покойнаго Епископа Яворовскаго о возврате ссуженых книг, Г. Протоиерей Сосновский ответствовал между прочим 5 февраля 1830 года, что одна из сих любопытных Летописей находится у Его Высоко Превосходительства Г. Сенатора и Куратора Новосильцова и что он Г. Протоиерей старался ее отыскать но доныне в том не успел. За сим честь имею покорнейше просить Семинарское Правление предпринять свои меры к отысканию оной летописи от наследников покойнаго Графа Новосильцова, а другой с прочими книгами от Г. Протоиерея Сосновскаго. О чем и сей исполнительный рапорт на благоуважении Семинарскому Правлению благопочтеннейше препровождаю». См.: Литовский Государственный исторический архив. F572. Оп. 1. № 104. Л. 4-4об.

273. П.Н. Максимов – это настоящая фамилия епископа Павла по отцу, священнику Тамбовской губернии – родился в 1807 г. После окончания в 1837 г. Санкт-Петербургской Духовной академии и защиты магистерской диссертации по просьбе епископа Иосифа Семашко он был направлен преподавать в Литовскую духовную семинарию, открытую в 1828 г. в Жировицком монастыре, где она находилась до 1845 г., когда ее перевели в Вильно. Фамилия Доброхотов дана П. Максимову в Тамбовской духовной семинарии ее ректором. П. Доброхотов был женат на дочери о. Антония Тупальского, доктора теологии, официала Брестской греко-униатской епархии, одного из ближайших соратников епископа Иосифа Семашко. После ее смерти в 1847 г. П. Доброхотов принял монашество и был пострижен под именем Павла.

274. См. записи на *Прологе (сентябрь-февраль)* – Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-95, а также Сборник житий – Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F19-105. Эти рукописи высылались епископу Павлу в начале 1850-х гг. и были им возвращены в монастырь.

275. Ульяновський В.І. Колекція та архів епископа Павла Доброхотова. Київ. 1992. С. 27–28. Позднее, в 1867 г. *Kronika* вместе с другими материалами из Супрасля была передана директором Белостокской гимназии В. Кулаковским в Виленскую публичную библиотеку.

276. Можно указать, например, на очень интересный сборник 1634 г., содержащий *Палиодию* Захария Копыстенского, с собствен-

поручной дарственной надписью девяностолетнего епископа Павла от 21 ноября 1897 г.: «Боголюбивому Виленскому братству при Святодуховском монастыре по случаю 300 летнего его юбилея 5 октября 1897 года при сем и автограф московского митрополита Макария». См.: Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F22-77; см. также о даре епископом Павлом 18 древних рукописей, сделанном за два года до его смерти в 1898 г. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F41-99.

277. См., напр.: Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F41-41 и др.

278. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей. F41-472, дело о передаче в Виленскую публичную библиотеку 63-х рукописей.

279. См., напр.: Литовский Государственный исторический архив. F572. Оп. 1. № 226. Любопытно, что многие из этих документов в дальнейшем попали в Prawosławne Archiwum Metropolitalne в Варшаве. Архив этот был организован Православной церковью во II Речи Посполитой в начале 1920-х гг. В частности, указанная нами единица хранения, включающая материалы о судьбе книжных собраний Супрасльского монастыря за 1845 г., имеет порядковый номер Archiwum («№ 39») от «15.XII.1938» и его печать на задней обложке дела.

280. Иосиф, митроп. Записки. Т. 1. С. 195, 222; Т. 2. С. 422-423; Т. 3. С. 942-943, 947-948.

281. Там же. Т. 3. С. 1100.

282. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 427.

283. Цит. по: Ульяновський В.І. Колекція... С. 27.

284. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 431.

285. Несомненно, речь идет о журнале *Вестник Западной России*, редактором которого с 1862 по 1869 гг. был К.А. Говорский (1821-1871), уроженец г. Киева, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, проявивший себя и как историк и археолог, исследователь белорусских древностей. См. также публикации документов Супрасльского монастыря, осуществленные К.А. Говорским: *Вестн. Зап. России*. 1865/1866. № 7, 8; 1867. № 1.

286. Речь идет о Супрасльском помяннике, переписанном в 1631 г.

287. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 431.

288. Лит. епарх. ведомости. 1865. № 3-5, 11, 23; 1866. № 1, 23, 24; 1867. № 4, 5, 7.

289. *Вестн. Зап. России*. 1867. № 2, 3, 4, 5, 6, 7.

290. По нашим наблюдениям, изъятие книг из Супрасля для устройства библиотеки Литовской духовной семинарии шло довольно активно и касалось в значительной степени изданий на польском и латинском языках, а не только рукописей и изданий на церковнославянском.

291. Имеется в виду *Kronika Lawry Supraslskiey*.
292. Модест, архим. Супрасльский Благовещенский монастырь // Лит. епарх. ведомости. 1867. № 5. С. 190.
293. Там же. С.197. «Кончая описание Супрасльского монастыря мы должны благодарить почтеннейшего Отца Игумена его Викентия за доставление нам документов монастыря, которые и возвращены в целости... А. Модест».
294. Добрянский Ф. Описание... С. XV.
295. Гильтебрандт П.А. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Ч. 1. Церковнославянские рукописи. Ч. 2. Русские пергамены. Вильно, 1871.
296. Там же. № 12. Ныне в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы (F19-51).
297. Там же. № 14. Ныне в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы (F19-89).
298. Там же. № 78. Ныне в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы (F19-237).
299. Там же. № 79. Ныне в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литвы (F19-233). На книге имеется запись XVIII в.: «Bibliothecae Monast. Suprasliensis».
300. См., напр.: Белоруссия и Литва / Изд. П.Н. Батюшков. Спб., 1890; Макарий, архиеп. История Русской Церкви. Спб., 1879. Т. 9; и др.
301. Добрянский Ф. Описание... С. XVII.
302. Там же.
303. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 436.
304. Добрянский Ф. Описание... С. XXXVIII. Православные книги попадали в Супрасльский монастырь и в униатский (базилианский) период его истории. См., напр.: *Дионтра*. Кутейн, 1654 в собрании Отдела редких книг (МК) Российской Государственной библиотеки. Инв. № 6640. Запись конца XVII в. на титульном листе: «Ex libris Mona. Suprasliensis Ord. S.V.M.». Книга имеет переплет супрасльской работы, в укреплении которого использованы макулатурные листы рукописей более раннего времени на старобелорусском, церковнославянском и латинском языках. Эти макулатурные листы – не что иное, как фрагменты отдельных рукописей и документов из библиотеки и архива Супрасльского монастыря.
305. Николай (Далматов), архим. Супрасльский... С. 482.
306. Там же.
307. Там же. С. 482–483.
308. [Николай, архим.] Святыни Супрасльской обители и хранящиеся в ней древние письменные, печатные и иные памятники. Спб., 1903. С. 32.

309. Там же. С. 20–32.

310. Там же. С. 20.

311. Там же. С. 23.

312. Maroszek J. Straty dziedzictwa kulturalnego Klasztoru O.O. Bazylianów w Supraślu w latach 1794-1915 // Białostoczczyzna. 1994. № 2. S. 53.

313. Boltryk M. Kronika wypadków Supraskich // Radziukiewicz A., Boltryk m. Precz z mnichami. Białystok, 1995. S. 168.

314. Op.cit. S. 169.

315. Православными Польши тогда были предприняты целые исследования об исконном православном характере Супрасльского монастыря, но и они никак не повлияли на государственные власти, так и не возвратившие тогда монастырь православным. См., напр.: Алексей, архиеп. К вопросу о принадлежности Супрасльского Благовещенского монастыря. Варшава, 1934.

316. Przegląd Prawosławny. 1992. № 7. S. 16.

Титульный лист *Анфологиона сиреч Праздней*, переписанной в Супрасльском монастыре иеромонахом Гервасием Кищичем на заказ прихожан Козмодемьянской церкви из села Рыболы

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ ЕВРОПЫ

Первая по времени опись Супрасльского монастыря, составленная его настоятелем архимандритом Сергием Кимбаром в 1557 г., до сих пор была известна исследователям по двум ее упрощенным публикациям, осуществленным во второй половине XIX в. не слишком искусственными археографами [1]. Найденные нами среди архивных документов в личном фонде М. Бобровского две копии описи книг из библиотеки Супрасльского монастыря 1557 г. черновая и «беловая», снятые с большой точностью несколькими десятилетиями ранее, значительно уточняют и отчасти дополняют известное по ее публикациям.

По сравнению с публикациями в копии из фонда М. Бобровского имеются довольно многочисленные текстологические расхождения. Более существенными нам представляются количественные несоответствия между ними. Так, согласно опубликованной описи, «старых» книг числится 131, а не 129, как об этом пишет сам о. Сергий. На это разногласие в свое время обратил внимание еще Ф. Добрянский [2]. Обнаруженные нами копии описи книг Супрасльского монастыря 1557 г. содержат сведения, объясняющие этот факт. По копиям описи из фонда М. Бобровского, сделанным с оригинала, действительно числится 129 «старых» книг. Как свидетельствуют материалы описи 1557 г. из фонда М. Бобровского, позднее в нее были включены еще две рукописи. Первая – это «Шестое Евангелие у церкви Воскресения Христова, окованое, позлоченое». Подобный вывод делается на основании того, что в оригинале описи после записи о пятом Евангелии «у Светых Великомученик Бориса и Глеба» стояла монастырская печать [3], здесь, по всей видимости, заканчивалось перечисление дорогих, богато украшенных Евангелий. Вторая запись – «Книга десятого...». По всей вероятности, эту запись внесли в опись позднее. Здесь имелась в виду книга Матфея Десятого, его знаменитый *Десятоглав*, который был написан в Супрасльском монастыре в 1507 г. В опись 1557 г. он явно не был внесен. Впервые эта книга обозначена только в описи 1668 г. [4]. Возможно, она находилась до той поры в покоях у настоятелей и в опись монастырских книг не попадала. Эта запись в опись 1557 г. могла быть внесена только после переписывания супрасльского пергаменного Помянника в

1631 г., когда в него было включено поминание о роде «Матфея Иоанновича, написавшего и надавшего в монастырь Супрасльский книгу великую рекомую Десятоглаву». Подобного поминания также не было в старом *Супрасльском синодике*.

В реестре церковного имущества, сделанном архимандритом Сергием, как одна из главных ценностей, имеющих в монастыре, описываются книги. Подчеркивая свое особое отношение к накоплению книжных сокровищ, о. Сергий условно разбил опись книг на две части: «А всех книг старых» и «А то книги новые, што за мене, Сергия, прибавлены церкви светой». Первая часть включает в себя книги, приобретенные монастырем до архимандрита Сергия при первых его трех настоятелях (1500–1532). Она насчитывает 129 книг.

По своему функциональному назначению книги условно могут быть отнесены к трем большим группам: 1) богослужебные, 2) четьи и 3) уставы, правила, каноны. В период до 1532 г. в Супрасльской обители насчитывалось 56 богослужебных книг, представляющих полный набор книг, необходимых для церковной службы. Среди богослужебной литературы более всего было *Псалтырей* (13 книг) – 23% и *Миней* (12 книг) – 21%, что отражает общую тенденцию для монастырских библиотек того времени [5]. Репертуар четьей литературы – 67 книг – представлен довольно широко. Здесь и книги Священного Писания – *Книга Пророчества, Книга Исав с пленением Ерусалимским*; толкования на Священное Писание; писания св.отцов и учителей церкви, среди которых «Книга другая Григория двоеслова на паркгамене»; житийная литература, в том числе *Книжка патерик печерский*; книги исторического содержания, такие как *Книга Криница* и *Книга царственник с летописцем*. Среди 20 книг различного рода сборников находилась и знаменитая *Супрасльская рукопись XI в.* – «Книг великих соборников 4, а пятый на паркгамене»; книга полемического содержания «Книжка на Латину», 5 «битых», т.е. печатных книг. Третья группа была представлена в библиотеке 2-мя Уставами; 2-мя книгами «великих правил Церковных»; номоканон, названным в описи «Книжка Транквиля моноканон»; Зонаром.

Таким образом, в библиотеке Супрасльского монастыря до 1532 г. было 56 богослужебных книг, что составляло 43,4%, 67

книг четвѣй литературы – 51,9%, 6 книг церковных правил, уставов, канонов – 4,7%.

За время архимандритства о.Сергия были прибавлены 74 книги – «А то книги новые што за мене Сергея прибавлены Церкви святой». После этих книг следуют приписки «А потом прибавлено книг новописаных» (3 книги) и «Яцка подскарбьего бывшего книги». Всего прибавленных книг 80. Если учесть, что прибавление это произошло за 25 лет, то это очень высокие темпы роста книжного собрания Супрасля, что говорит о той высокой роли, которая отводилась в монастыре книге.

Среди прибавленных «за ...Сергия» 42 книги богослужебных, причем наибольшее прибавление *Мисей* – 15 книг. Прибавилось также 5 *Апостолов*, 4 *Псалтыри*, причем среди них один *Апостол* «битый», т.е. печатный и «битая» же *Псалтырь*. Учитывая время составления описи, «...эти последние могли быть из тех, которые напечатаны тогда (1525) в Вильне доктором Скороиною в типографии Бабича» [6]. Среди 5 прибавленных *Апостолов* появляется также один латинский (в копии описи из фонда М. Бобровского рядом с записью «а пятый Латинский» переписчиком сделана помета «Widziałem go w Zakrystie»).

Четвѣх книг прибавилось меньше – 34. Здесь есть *Писания Св. Отцов*, например, «великого Василия Кесарийского новописаная», книги Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста; житийная литература, в том числе «Соборничок новых святых»; рукописи исторического и географического содержания, среди них «Шестодневник Иоана Антиоха и в нейже написано Козма Индикоплав», «Книга временник из Константинова временника выписана». В числе 7 различных сборников появляются 5 греческих книг.

Подводя итог рассмотрению литературного репертуара книжного собрания Супрасельского монастыря в XV–XVI вв., следует отметить его значительность, разнообразие и многоязычность. Становится заметным и момент проникновения в дотоле достаточно замкнутое пространство книжности Slavia Orthodoxa элементов западной книжной культуры, количественная значимость которых тогда была еще не существенной. Все это отображено в специальной таблице, составленной нами на основе сопоставительного анализа всех вариантов описи 1557 г. по ее рукописным копиям из личного фонда М. Бобровского.

Репертуарный состав библиотеки Супрасльского монастыря
в XVI в. (по описи 1557 г.)

Наименование	Всего	до 1532 г.	в т. ч. печ.	1532– 1557 гг.	в т. ч. печ.
<u>Богослужбные книги,</u> в т.ч.	98	56		42	2
-1) Апостол	9	4		5	1*
-2) Служебник	9	7		2	
-3) Псалтырь	17	13		4	1
-4) Евангелие	6	5		1	
-5) Ирмологион	8	6		2	
-6) Каноник	2	1		1	
-7) Октоих	4	2		2	
-8) Панихидник	3	1		2	
-9) Требник	4	1		3	
-10) Триодь	4	2		2	
-11) Часослов	5	2		3	
-12) Миняя	27	12		15	
<u>Четья литература,</u> в т.ч.	101	67	5	34	
-1) Книги Св.Писания	6	2		4	
-2) Толков. Св.Писания	12	8		4	
-3) Писания Св.Отцов	27	19		8	
-4) Житийная литература	23	16		7	
-5) История, Геогр., Хрон.	6	2		4	
-6) Сборн. разл. состава	27	20	5	7**	
<u>Уставы, правила, каноны</u>	10	6		4	
Всего по описи:	209	129	5	80	2

* – в том числе один латинский

** – в том числе 5 греческих книг

Следующая известная нам опись Супрасльского монастыря появляется в 1645 г. Она была составлена при архимандрите о. Алексее Дубовиче. За это время в судьбе монастыря произошли большие изменения. Он перешел в унию, стал одной из крупнейших обителей базилианского ордена. Но это обстоятельство никоим образом не сказалось на заботе о пополнении монастырской книжной сокровищницы. Забота эта остается неизменной.

В инвентаре 1645 г. довольно подробно перечислены книги, имевшиеся в то время в монастыре, с разбивкой по языкам. За прошедшие почти сто лет со времени составления прежней описи 1557 г. численность монастырского книжного собрания выросла более чем вдвое. Столь значительный рост библиотеки произошел в основном за счет поступления книг на латинском, а также польском языках. Так, если в 1557 г. была только одна книга на латинском – Апостол, то в 1645 г. их числится уже 201.

Согласно описи 1645 г., в библиотеке Супрасльского монастыря тогда насчитывалось 587 книг, из них 201 – на латинском языке (в этот раздел составители описи включили и несколько грекоязычных книг); 152 – на польском, в число которых составители включили также две книги на чешском языке; 234 – «русские» книги. Отдельно, среди монастырского имущества описаны семь богато украшенных Евангелий.

Опись книжного собрания состоит из нескольких разделов. В разделе «*Reiestr spisania xiąg monastera Supraslskiego lacińskich*» сначала идут имевшиеся латинские книги, затем следует перечисление латинских книг, поступивших в 1650 г. из Варшавы, – 20 книг, Гданьска – 40 книг (часть этих книг указана вместе с уплаченными за них ценами в флоринах), Тыкотина – 27 книг. Далее следует перечисление имевшихся польских книг – «*Reiestr spisania xiąg Polskich monastera Supraslskiego*». Затем идет раздел «Русских книг».

Кириллическая часть Супрасльской библиотеки, вопреки мнению некоторых исследователей о ее сокращении [7], не только не убавилась, но даже, хотя и ненамного, увеличилась. По описи 1557 г. кириллических книг было 203, 234 книги числились со-

гласно описи 1645 г., хотя состав их, конечно, изменился. В 1645 г. в Супрасле имелось 109 книг богослужебного характера, 119 четых книг и 6 книг церковных правил, уставов. По сравнению с описью 1557 г. заметно прибавление книг Священного Писания с 6-ти книг в 1557 г. до 18-ти в 1645 г. Среди них «Книг Иова Великого, друку Скориноного 3», «Евангелий учительных друкованых 2», т.е. 2 заблудовских *Евангелия* 1569 г. Что касается печатных книг, то их числится по-прежнему 7, хотя это не только те же книги, что в предыдущей описи. В этой описи впервые появляется «Кройника руска», но нет «Царственника с летописцем» из описи 1557 г. Возможно, что это одна и та же книга – знаменитая *Супрасльская летопись* или *Летописец Подола* [8].

Репертуар латинской части библиотеки представлен в основном произведениями различных проповедников и толкователей Священного Писания; книгами полемическими, в основном антипротестантскими: множеством литературы по церковному и гражданскому праву; различными словарями; книгами по истории. Так, например, среди латинских книг значатся 25 книг Дрекслиуса («Drexeliy ks. 25»), знаменитого проповедника и писателя, пользовавшегося огромной популярностью в западном христианском мире [9]. В свое время (1598 г.) Дрекслиус перешел из протестантства в католичество и это обстоятельство еще более усиливало интерес к его личности и писаниям. В описи числится 10 книг Корнелиуса из Лапиды, известного католического толкователя Священного Писания, иезуита, преподавателя Священного Писания в Лувене и Риме. В библиотеке имелись 5 книг св. Роберта Беллармини, знаменитого католического богослова [10]; 7 книг Антонио де Эскобара, известного испанского иезуитского проповедника, автора большого числа литературных трудов, многократно издававшихся и переиздававшихся в оригинале и переводах на различные языки. Среди латинских книг – ряд сочинений Симона Старовольского, выходца из Брестского воеводства [11], которого можно было бы назвать и одним из первых литературоведов в Европе. В числе латинских книг, имевшихся в Супрасльском монастыре, находилась и книга Меннасеха бен Израэля («Mennasech ben Izrael de termino vitae x.l»), апологета иудаизма, известного публициста и издателя [12].

В описи латинских книг мы видим труды св. Василия Великого, изданные на латинском языке; значительное количество юридической литературы: *De jure ecclesiastico universo, Institutiones D. Iustiniani Imperatoris, Constitutiones regi, Statuta Regni Poloniae* [13]; исторические сочинения Плутарха; несколько томов церковной истории Барония [14]. Среди латиноязычных книг представлены и труды Фауста Социни, основателя социнианства, переехавшего в Польшу, где он активно вел богословскую полемику и пропаганду своего учения.

Среди 152-х польских книг в описи 1645 г. числятся две польские Библии, в том числе «*Biblia Polska, in folio stara 1*». Репертуар польских книг представляют в основном книги нравоучительные, проповеднические: «*Postyllae*», «*Xięga kazania przygodne*», «*Pocłodnia duchowna*», 12 книг «*Jana Kassiana Eremitty...*» [15]. Значительную часть польскоязычной литературы в описи 1645 г. составляли книги полемической направленности, причем в отличие от латинских полемических книг, носивших преимущественно антипротестантский характер, в польскоязычных полемических книгах отражена в основном полемика с православием: «*Antygraph na skrypt uszczypliwy*», «*Anthelenchus, to iest odpis na skrypt uszczypliwy*». Среди польскоязычных книг – известное сочинение Я. Кохановского *Satyr* – «*Satyra Kochanowskiego x. 1*»; знаменитая хроника Матвея Стрыйковского.

Следующая опись Супрасльского монастыря составляется в 1668 г. при архимандрите о. Гавриле Коленде. По сравнению с описью 1645 г. число книг в монастырской библиотеке значительно поубавилось, с 587 до 371 книги, что было вполне объяснимым явлением, если учесть, что на этот промежуток приходится изнурительные военные действия, в том числе тяжелые польско-русские войны.

Как и в предыдущей описи, книги разбиты на разделы по языковой принадлежности: книги латинские, польские, «русские». Кириллические книги описаны в нескольких разделах: «Списание книг Русских», «Книги крилосовые», «Минеи». Причем в разделе «Минеи», кроме собственно *Миней*, перечислены имеющиеся *Ирмологионы, Служебники, 2 Помянника, Псалтыри, Молитвословы, Лексикон*. Отдельно среди монастырского имущества описаны 4 *Евангелия*.

По описи 1668 г. числилась 371 книга, из них 194 – кириллические, 105 – латинские, 72 – польские. Уменьшение числа кириллических книг по сравнению с 1645 г. было не столь значительным, как для латинских и польских книг, число которых уменьшилось почти вдвое – с 353-х до 177-ми в 1668 г.

Среди кириллических книг число богослужебных сократилось до 54-х, ровно в два раза. Из 6-ти *Апостолов* остался только один «Апостол на паркгамине писанный – у Фастах»; из 8-ми *Евангелий* остались только 4, причем одно из них «неоправленное». Среди богослужебных книг по-прежнему большое число *Миней* – 23. В этой описи впервые указана в списке «русских» книг книга Матвея Десятого «Десятоглав с пуклями медянными позлоцаными 1». Книг Священного Писания числится 15, это ненамного меньше, чем в 1645 г., тогда их было 18.

Основная часть «русских» книг в описи 1668 г. осталась той же, что и в описи 1645 г., но есть и новые прибавления. Появляется несколько полемических сочинений – «Дискурс о походе Духа Святого 1», «Оборона собору Флорентского 1». В опись книг вносятся и два супрасльских *Помянника* «Поминник писанный 1» и «Другий Поминник на пергамене 1». Среди вновь появившихся книг есть «Книга шо габить дають, друкованая, 1». По всей видимости, это была книга молитвословий для постригаемых в Супрасле в монашеский чин [16]. Большая часть книг записана как «Партесов разных книг 44», то есть речь идет о нотных книгах, в основном рукописных.

Количество латинских книг по описи 1668 г. значительно сократилось, но репертуар латинской книжности остался почти без изменений. Это в основном литература богословская, проповедническая, полемическая – преимущественно антипротестантская. Мы видим произведения многих из ранее упомянутых авторов: Корнелия из Лапиды, Дрекслиуса, Беллармини, Эскобара, только число их книг уменьшилось. Например, из 25-ти книг Дрекслиуса остались только 8, из 5-ти книг Беллармини остались только 2. Однако в описи 1668 г. появляются и новые латинские книги. Это труды Цицерона, Овидия, халдейская грамматика. Но эта опись не фиксирует большинства исторических и юридических книг, которые были в описи 1645 г.

Количество польскоязычных книг уменьшилось, но их репертуарный состав не претерпел больших изменений: в основном это книги правоучительные; книги Священного Писания и толкования его; книги полемического содержания, направленные в основном против православных. В описи 1668 г., как и в предыдущей, числятся две польские *Библии*. Мы видим также житийную литературу: «*Zywoty świętych 1*», «*Zwierciadło wielkie*»; различные произведения М. Бялбжежского, С. Старовольского, П. Скарги.

Анализ репертуара книжных собраний библиотеки Супрасльского монастыря 1645, 1668 гг. наглядно демонстрирует небывалую активизацию процесса взаимодействия, взаимопроникновения двух европейских христианских миров – восточного и западного. В культурное пространство *Slavia Orthodoxa* вливается мощный поток латино- и польскоязычной литературы. Встреча Востока и Запада происходит в большей мере не в форме равномерного слияния, а динамичного столкновения. Западное явно не может подчинить себе восточное, а лишь дополняет его – мощный пласт кириллической книжности, которая издревле бытовала в этом обширном крае, на территории польско-восточнославянского пограничья, и которая как самая большая, неотчуждаемая драгоценность хранилась в Супрасле в «скарбцу».

Вместе с тем на том же пограничье и в том же пространстве мы наблюдаем противоборство католического и протестантского, а также активную полемику и даже борьбу с православием. Благодаря описаниям книжных собраний Супрасля в столь сложном комплексе происходившего в литературном пространстве польско-восточнославянского пограничья удастся рассмотреть все основные направления подобных взаимодействий, понять, как с помощью книги, литературных произведений шло взаимопроникновение Восток-Запад и Запад-Восток, многовекторный характер этого тысячелетнего и важнейшего для Европы процесса.

Сводная характеристика репертуарного состава книг библиотеки
Супрасльского монастыря по описям 1645 и 1668 гг.

Наименование	1645 г.	в т.ч. печ.*	1668 г.	в т.ч. печ.*
«Русские книги»	234	7	194	14
Богослужebные, в т.ч.:	109	1	54	10
-1) Апостол	5		1	
-2) Служebник	9		5	3
-3) Псалтырь	15		5	2
-4) Евангелие	8		4	1
-5) Ирмологион	10		5	
-6) Каноник	2		1	
-7) Октоих	10		2	1
-8) Панихидник	2		1	
-9) Гребник	4		1	
-10) Триодь	4	1	4	2
-11) Часослов	5			
-12) Минея	30		23	1
-13) Молитвослов	5		2	
Четья литература, в т.ч.:	119	6	135	4
-1) Книги Св.Писания	18	3	15	4
-2) Толков. Св.Писания	13	2	5	
-3) Писания Св.Отцов	47		30	
-4) Житийная литература	19		19	
-5) История, Геогр., Хрон.	6		6	
-6) Сборн. разл. состава	160	1	55	
-7) Помянники			2	
-8) Полемическая лите- ратура			2	
-9) Языкознание			1	
Уставы, правила, законы	6		5	
Латинские книги	201		105	
Польские книги	152		72	
Всего по описи:	587	7	371	14

* – рубрика относится только к разделу «Русские книги»

О книжных собраниях Супрасльского монастыря в XVIII в. мы можем судить только по краткой сводке наличия книг в монастыре из неопубликованного инвентаря 1764 г., сделанной архимандритом Николаем Далматовым [17]. Оригинал этого инвентаря не сохранился. «По обширности библиотеки» архимандритом Николаем были приведены лишь самые краткие сведения. Но и они дают представление о составе библиотеки и ее дальнейшей судьбе. Следует отметить, что здесь мы впервые видим четкое разделение имевшихся в то время в монастыре книг на «Церковно-богослужебные книги» и собственно «Опись Библиотеки». Правда, почему-то в опись 1764 г. не вошли напрестольные Евангелия, которые в значительном числе имелись в монастыре.

Среди описанных 83-х церковно-богослужебных книг основную часть составляли *Минеи* – 48 книг, из них 24 рукописные и 24 печатные, что составляло 57,8% богослужебных книг. В этом списке перечислено 12 печатных супрасльских и виленских служебников (мшалов), а также 5 латинских богослужебных книг: 4 служебника и «Бревиарий латинский 1».

Опись библиотеки приводится архимандритом Николаем сначала с разбивкой по форматам книг и языкам: польскому, латинскому, чешскому (указанная чешская *Библия* – по-видимому, все та же чешская *Библия* «оуса Wasilewskiego») [18]. Латинские и польские книги в тот период составляли абсолютное большинство среди книг библиотеки – 78,4% от ее состава – 1141 книга. Среди них превалировала латиноязычная литература – 836 книг, что соответствовало общим тенденциям того времени [19].

Далее в кратком перечислении архимандрита Николая без указания на формат следуют разные книги «на французском и итальянском» языках – 140 книг, на немецком языке – 12 книг, затем без указания на языковую принадлежность упоминаются «книги писанные богословские и философские» – 60. Книг «писанных и печатных на славянском языке» в «Описи Библиотеки» перечислено 102 – 7% от общего их числа, что вместе с 78-ю кириллическими, описанными в разделе «Церковно-Богослужебные книги», составляло 180 рукописных и печатных книг.

Даже столь краткая опись 1764 г. дает наглядное представление о нарастании процесса латинизации в XVIII в. Хотя общая численность кириллической книжности в монастыре уменьшилась по сравнению с данными описи 1668 г., незначительно – со 192-х в 1668 г. до 180-ти книг.

Репертуар имевшихся в монастырской библиотеке в тот период книг был весьма разнообразным. Об этом можно судить по многим данным. Супрасльская библиотека славилась исключительным подбором языковых словарей, которые монастырь даже одалживал учебным заведениям края [20].

По некоторым данным, в XVIII в. при Супрасльской библиотеке была организована своего рода читальня, что в тот период было большой редкостью [21].

Согласно неопубликованной и потому не известной широкому кругу исследователей описи Супрасльского монастыря 1829–1830 г. [22], в библиотеке в этот период насчитывалось 1473 книги, не считая 29-ти книг, которые были взяты о. А. Сосновским и 18-ти книг, взятых из библиотеки о. М. Бобровским. В свое время из этой описи был опубликован краткий отрывок с описанием реестра «ksiąg drukowanych w byłej Supraslskiej drukarni in crudo w bibliotece złożonych», где после описания 2274-х книг славянских и 2118-ти книг польских и латинских из Супрасльской типографии перечислены «Książki z biblioteki Supraslskiej pożyczone za rewersem w.j.x. Ant. Sosnowskiemu Officialowi b. Konsystorza Wileńskiego» и «Książki z biblioteki Supraslskiej pożyczone za rewersem w.j.x. Michał. Bobrowskiemu prof. w Uniwer. Wileń.», среди которых числится и знаменитый «Летописец Подоля 1» [23].

Если сравнивать с краткой описью монастырской библиотеки за 1764 г., то видно, что количество книг уменьшилось с 1539-ти (вместе с богослужебными) в 1764 г. до 1473-х (без учета книг, которые в тот период были выданы из библиотеки) в 1830 г. При этом число богослужебных книг даже увеличилось – с 83-х книг в 1764 г. до 102-х книг в 1830 г.

Интересной особенностью этой описи является то, что здесь нет разделения книг по языковому принципу, как в предыдущих описях. Книги описаны по разделам по функционально-содержательному признаку без разбивки по языковому признаку. Так

например, в разделе «Manuskrypta» [24] перечислены попеременно кириллические, латино- и польскоязычные рукописи.

Все книги библиотеки разбиты на 13 разделов по содержанию признаку. Внутри разделов книги поделены по форматам. Даже если судить только по названиям разделов, то можно видеть, каким богатым и разнообразным был репертуар книжности в библиотеке. Здесь были следующие разделы: «Księgi cerkiewne i chorowe» – 77; «Pismo Święte i Oycowie Święci» – 97; «Prawo Kościelne i Cywilne» – 89; «Teologowie» – 147; «Filozofowie, Matematycy, Fizycy, Medycy» – 111; «Historycy» – 124; «Literatura» – 108; «Księgi Kaznodziejskie» – 226; «Słowniki» – 23; «Księgi Ascetyczne» – 246; «Księgi Cerkiewne» – 25; «Manuskrypta» – 135; раздел без названия – 65 книг. Если сравнивать этот перечень тематических разделов монастырской библиотеки, то мы видим полную сопоставимость с другими библиотеками того периода, где обычно был представлен приблизительно такой же репертуарный состав [25].

Наиболее полной и подробной является не известная исследователям опись библиотеки Супрасльского монастыря 1836 г., оказавшаяся в Санкт-Петербурге [26]. В этой описи все перечисленные в ней 1862 книги выделены в 6 основных отделов по языковому признаку: «Библиотека древних языков», «Библиотека славянская», «Библиотека французская», «Библиотека немецкая», «Библиотека итальянская», «Библиотека польская», и седьмой отдел – это «Библиотека книг, не принадлежащих к духовному просвещению». Причем книги «не принадлежащие к духовному просвещению» есть также в отделах «немецкой» и «итальянской» библиотек. Внутри каждого отдела дается деление по разрядам, а внутри разряда – по отделениям с разбивкой по форматам. Характерной особенностью всей описи является то, что практически в каждом разряде наиболее многочисленное отделение это – «смесь». Последнее вполне объяснимо, ибо часто трудно точно классифицировать ту или иную книгу.

В описи для каждой книги приводится имя автора, если он известен, название книги, год и место издания, если они указаны, а также вид переплета. Каждый экземпляр книги имеет свой отдельный номер. Дублетных экземпляров в библиотеке почти нет. Как исключительный можно привести пример с наличием 6-ти эк-

земпляров *Theologia dogmatico speculativa. Tractatus 7us* Йозефа Монсхейна, изданной в «Vilnae» [27]. Имя автора, год и место издания проставлено не везде. Иногда после названия книги давалась лаконичная запись «б. начала» (например, для записи № 488) или «б. начала и конца» (например, для записи № 503). Обширная информация, содержащаяся в описи, дает богатейший материал для самых различных исследований. Она является ценнейшим источником для изучения состояния духовной культуры польско-восточнославянского пограничья, анализа итогов взаимодействия мира *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* к началу XIX столетия.

Раздел «Библиотека славянская» в 1836 г. насчитывал 129 рукописных и печатных книг, по количеству ровно столько же, сколько их было в монастыре до 1532 г. согласно первой описи библиотеки 1557 г. [28]. Состав этих книг за прошедшие сотни лет, конечно же, изменился, но среди них сохранились те рукописи, которые заложили основу библиотеки Супрасльского монастыря. Так, здесь можно видеть, например, «Св. Григория Папы Римскаго Беседы на паргамине» (запись № 1093), «Поучения Дорофея Аввы и жития св. Иоанна Златоустаго» (запись № 1172), которые были в списке книг, поступивших в библиотеку Супрасльского монастыря до 1532 г.

Среди 129-ти, «славянских» книг по описи 1836 г. числится 30 книг печатных, в том числе заблудовское *Евангелие учительное* 1569 г.; *Библия*, изданная в Москве в 1757 г.; Номоканон (Киев, 1620); «Служебник печатанный Мамоничем» 1616 г.; *Служебник* (Стрятин, 1604); «Молитвослов печатанный» (Москва, 1682); *Миня общая* (Москва, 1796); *Книга Иов* Франциска Скорины (Прага, 1517); *Грамматика славянская* Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619) и целый ряд других.

Самой многочисленной и представительной была «Библиотека древних языков», основную часть которой составляла латиноязычная книжность. Здесь было и небольшое количество греческих книг. В «Библиотеке древних языков» в основном представлена богословская литература – 724 книги, а также труды по философии, словесности, истории, математике. В разделе «Богословие» – 16 книг Священного Писания, например, *Biblia sacra ad*

optima quaeque veteris et Vulgatae translationis exemplaria summa diligentia ..., напечатанная в 1567 г. в Лионе («Lugduni»).

Среди латиноязычных изданий – произведения авторов, упомянутых выше (например, Дрекселиус, Беллармини, Антоний де Эскобар), с указанием места и года издания книги, труды Василия Великого, изданные в 1518 г. в Париже (записи № 19 и 20) *Operum Tomus 1us* и *Operum Tomus 2us*. В отделении «Отцы Восточные и Западные» мы видим два тома трудов св. Афанасия Великого [29] *Opera... Gracia et Latina Tomus 1us* и *Opera... Gracia et Latina Tomus 2us*, изданных в 1686 г. в Кельне («Colonia») (записи № 21 и 22). В этом же отделении – труды св. Августина [29]: *Sermones S. Augustini ad heremitas*, венецианское издание 1585 г. и *D. Augustini Episcopi Hipponen. Libri № 3. Confessionum et Meditationes*, изданная в 1647 г. в Лионе.

Польскоязычная литература в описи 1836 г. – вторая по численности. Здесь в разделе «Богословие» – две Библии, 3 книги *Старого и Нового Завета*. Но основную часть ее составляли издания, отнесенные составителями к отделению «Проповедники». Это в большинстве своем разного рода «Kazania». Среди них есть, например, произведения А. Довгялло, напечатанные в Супрасле (Записи № 1396, 1397); труды П. Скарги *Kazania na Niedziele i Święta* в трех экземплярах (Записи № 1412–1414).

Репертуарный состав книг библиотеки Супрасльского монастыря согласно описи 1836 г. был необычайно разнообразным. Количественный и процентный ее состав к тому времени был таким:

Библиотека древних языков	– 1067 книг	– 57,3%
Библиотека славянская	– 129	– 7,0%
Библиотека французская	– 55	– 3,0%
Библиотека немецкая	– 21	– 1,1%
Библиотека итальянская	– 110	– 5,9%
Библиотека польская	– 375	– 20,1%
Библиотека книг, не принадлежащих к духовному просвещению	– 105	– 5,6%

Следует специально отметить колоссальную работу составителей этой очень обширной описи по разработке ими подробной системы классификации. По содержательному признаку книги

разбиты на 7 основных разрядов, а каждый разряд дополнительно разбит еще на 8 отделений. Практически все разделы и отделения представлены только при описании книг библиотеки древних языков. При описании же книг других библиотек количество разделов и отделений меньше. Все это наглядно представляют сведения, собранные нами в специальной таблице, составленной на основании описи 1836 г.

Сводный репертуарный состав книжных собраний библиотеки
Супрасльского монастыря в 1836 г.

Наименование раздела, отделения	Всего	Б-ка др. яз.	Б-ка слав.	Б-ка фр.	Б-ка нем.	Б-ка итал.	Б-ка пол.
<u>Богословие</u>	1297	724	120	42	4	89	318
- Библия	37	16	12				5
- Симфонии	2	2					
- Отцы Восточные и Западные	25	10	15				
- Толкование Св. Писания	57	54	3				
- Системы наук богословских	185	175	1			5	4
- Проповедники	349	101	16	40		32	160
- Каноическое Право и Обряды	147	89	46				12
- Смесь	495	277	27	2	4	52	137
<u>Философия</u>	129	111	1	8	1		8
- Древние философы	5	4	1				
- Системы наук философских	50	47					3
- Физика	42	37		4			1
- Натуральная история	1	1					
- Смесь	31	22		4	1		4
<u>Словесность</u>	135	99		1	3	11	21
- Древние классические писатели	26	26					
- Новейшие Риторы и Эстетики	6	6					
- Ораторы	10	10					
- Стихотворцы	2	2					
- Смесь	91	55		1	3	11	21
<u>Математика</u>	19	17					2
- Системы новых математиков	11	11					

- Смесь	8	6					2
<u>Исторические науки</u>	105	68	2	3	4	4	24
- Древние Историки и Географы	10	10					
- География, История, Хронология и Древности священные и церковные	8	7					1
- Всеобщая География, История и Хронология	15	9	2				4
- География, История и Хронология Частая	31	23		3			5
- История Ученая	7	4			3		
- Смесь	34	15			1	4	14
<u>Греческое знание</u>	59	48	3	1	3	2	2
- Грамматики	25	22	1	1	1		
- Лексиконы	18	12	2			2	2
- Смесь	16	14			2		
<u>Книги, не принадлежащие к духовному просвещению</u>	118*		3		6	4	
Всего по описи:	1862*	1067	129	55	21	110	375

* – эта цифра включает в себя еще 105 «не принадлежащих к духовному просвещению» книг по гражданскому правоведению, медицине, химии и театру.

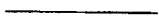
Среди книг, находившихся в этот период в монастыре, были рукописные кодексы и различные издания, начиная от постинкунабул, напечатанные в самых разных уголках Европы. Самая ранняя по времени печатная книга (из числа датированных изданий) – 1510 г. Это книга из «библиотеки польской», отнесенная составителями в отделение «Смесь» разряда «Богословие» – X. Romani. *Historya zycia i smierci Xsa Pana w 1510. W Rzymu*» (запись № 1572). К одной из самых ранних относится и *Книга Иова Франциска Скорины*, изданная в 1517 г. в Праге (запись № 1174).

Что же касается географии создания и поступления книг, то из числа тех, где место издания было обозначено, наибольшее количество было напечатано в Вильне – 173 книги; Варшаве – 140; Кракове – 128; Риме – 123; Кельне – 108; Венеции – 98; Лионе – 90; Супрасле – 39; Париже – 33; Львове – 25; Познани – 24; Вене – 19; Базеле – 14; Ченстохове – 10.

Наибольшее число латинских книг было напечатано в Риме – 86 и почти столько же было напечатано в Вильне – 85; в Лионе – 83; в Кельне – 70; Кракове – 68. Имелись и латиноязычные книги, напечатанные во Львове – 7 и Почаеве – 3, а также в Супрасле – 8.

Из польскоязычных книг наибольшее количество было напечатано в Вильне – 85; 69 книг – в Варшаве; 54 – в Кракове; 25 – в Супрасле; 23 – в Калише; 13 – во Львове; 2 книги – в С.-Петербурге и 1 – в Киеве.

Материалы описи 1836 г. отображают апогей процесса взаимопроникновения, непростого многовекового взаимодействия западнославянского и восточнославянского христианских миров, шире – культуры Запада и Востока Европы в XV–XIX вв. Слагаемая квантитативная модель литературного пространства польско-восточнославянского пограничья почти за полтысячелетнюю его историю исключительна по своей значимости. Аналитическая информация, заложенная в ней, уникальна. Она убедительно доказывает, что, несмотря на все историко-политические и религиозные перипетии, в том числе принятие Брестской церковной унии, в данном литературном пространстве был сохранен культурный стержень, культурная основа, игравшая в конечном итоге определяющую роль и базировавшаяся на кирилло-мефодиевской книжной традиции. Ядром книжных собраний Супрасльского Благовещенского монастыря, игравшим в конечном итоге определяющую роль, всегда была «Библиотека славянская».

1. Первая из этих публикаций в значительной степени носила любительский характер. См.: Вестн. Зап. России. 1867. Т. 3. Кн. 8. Отд. 1. С. 49–62; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1870. Т. 9. С. 49–55.

2. Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской Публичной Библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882. С. XXX.

3. Археографический сборник... Т. 9. С. 53.

4. Археографический сборник... Т. 9. С. 242.

5. Например, в Соловецком монастыре согласно описи 1514 г. из 73-х богослужебных книг было 19 *Псалтырей* и 17 *Миней*. См.: Кукуш-

кина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 171–173.

6. Макарий, архиеп. История Русской Церкви. Спб., 1879. Т. 9. С. 295.

7. Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 37–38.

8. Николай (Далматов), архим. Супрасльский Благовещенский монастырь. Ист.-стат. описание. Спб., 1892. С. 535.

9. Encyklopedia Katolicka. Lublin, 1983. Т. 4. S. 209. Из числа около 30-ти аскетических трактатов, написанных иезуитом Дрекселиусом (его монашеское имя Иеремия) на латинском языке и выдержавших множество изданий, часть тогда же была переведена на польский и напечатана в Кракове и Калише. См.: Pörnbacher K. Jeremias Drexelius: Leben und Werk eines Barockpredigers. München, 1965.

10. Св. Роберт Беллармини (1542–1621) был профессором полемического богословия в Collegium Romanum в Риме. Его главное сочинение *Disputationes de Controversiis Christianae Fidei adversus huius temporis haereticos* (Ingolstadii, 1586–1593. Т. 1–3) – полемическое, контрреформаторское произведение. В 1599 г. Беллармини стал кардиналом. Будучи связан с делом Галилея, имел смелость объявить клеветой, будто Галилей перед ним отрекся от своих взглядов.

11. С. Старовольский (1588–1656) в молодости был учителем молодых князей Острожских. В 1620 г. стал секретарем К. Ходкевича, с которым находился в хотимском походе. В 1624 г. с молодым Х. Сапегой пребывал в Италии. В 1655 г. стал краковским каноником. Подробнее о нем и его литературных трудах см.: Wierzbowski T. Simonis Starovolscii elenchus operum, dum typis impressorum, tum manuscriptorum. Warszawa, 1894.

12. Меннасах бен Израэль основал в 1626 г. первую в Амстердаме еврейскую типографию. Он был весьма известной в Европе личностью; дружил с Рембрандтом, нарисовавшим и награвировавшим его портрет.

13. Археографический сборник... Т. 9. С. 185–205; С. 202–203.

14. Цезарь Бароний (1538–1607), кардинал, автор знаменитых *Annales ecclesiastici* в 12-ти томах. Этот труд был им написан как бы в противовес изданного протестантами в 1559–1574 гг. 13-томного церковно-исторического сочинения *Centuriae Magdeburgenses*. Бароний использовал в своей работе информацию из малодоступных документов Ватиканского архива, многие из которых не были известны исследователям, что делает его *Анналы* весьма ценным пособием для изучения истории Церкви. Труды Барония были необычайно популярны и неоднократно переводились на многие языки. В России его *Анналы* были напечатаны в 1719 г. с сокращенного польского варианта. См.: Деянния

церковная и гражданская от рождества господа нашего Иисуса Христа. Из летописаний Кесаря Барониа собранная. Преведеная с польскаго языка на славянскій. М., 1719. Т. 1–2. О Баронии и его сочинениях существует довольно обширная литература. См., напр.: Calenzio G. *La vita e gli scritti del cardinale Cesare Baronius*. Roma, 1907; Roncalli A. *Il cardinale Cesare Baronius*. Roma, 1961.

15. Св. Иоанн Кассиан – знаменитый подвижник, ученик св. Иоанна Златоуста, один из первых основателей монашества на Западе и теоретик монашеской жизни. За идеал он взял восточное пустынножителство (egremia по-гречески – пустыня), что нашло отражение в многочисленных его сочинениях.

16. Слово «габить» от польского «Habit», в буквальном смысле – монашеское одеяние, свидетельствующее о монашеском состоянии, нахождении в монашеском чине; «przywdziać habit» – постричься в монахи. См., напр.: Последование иноческого пострижения. Рим, 1952.

17. Николай (Далматов), архим. Супрасльскій... С. 562–563.

18. Археографический сборник... Т. 9. С. 204.

19. В библиотеке Славяно-греко-латинской академии согласно описи 1740 г. было 969 книг, из которых 545 были на латинском, 122 – на русском, 29 – на польском. Это была в основном религиозная литература, были также книги по философии, логике, физике, филологии, истории, юриспруденции. См.: Описание документов и дел архива Синода. Спб., 1903. Т. 11. С. 842–844.

20. В Супрасльской библиотеке тогда имелись латино-греческие, латино-польские, польско-латино-греческие, церковнославянские, польско-латинские и многие другие языковые словари (всего более 20) в лучших изданиях. Были и рукописные словари. Особо хочется отметить ценные печатные словари А. Калепинуса, Г. Кнапского, Б. Вороновского, Е. Козминского и др.

О предоставлении языковых словарей из Супрасльской библиотеки в учебные заведения системы Виленской Академии см.: Raporty generalnych wizytatorów szkół Edukacji Narodowej w Wielkim księstwie Litewskim (1782–1792). Wrocław, 1974. S. 146.

21. Piątupczak-Majerowicz M. *Bazylianie w Koronie i na Litwie. Szkoły i książki w działalności zakonu*. Warszawa-Wrocław, 1986. S. 163.

22. Литовский государственный исторический архив. F634. Оп. 1. № 3.

23. Археографический сборник... Т. 9. С. 462.

24. Литовский Государственный исторический архив. F634. Оп. 1. № 3.

25. См., напр.: Piechnik L. *Odrodzenie Akademii Wileńskiej: 1730–1773*. Rzym, 1990. S. 214.

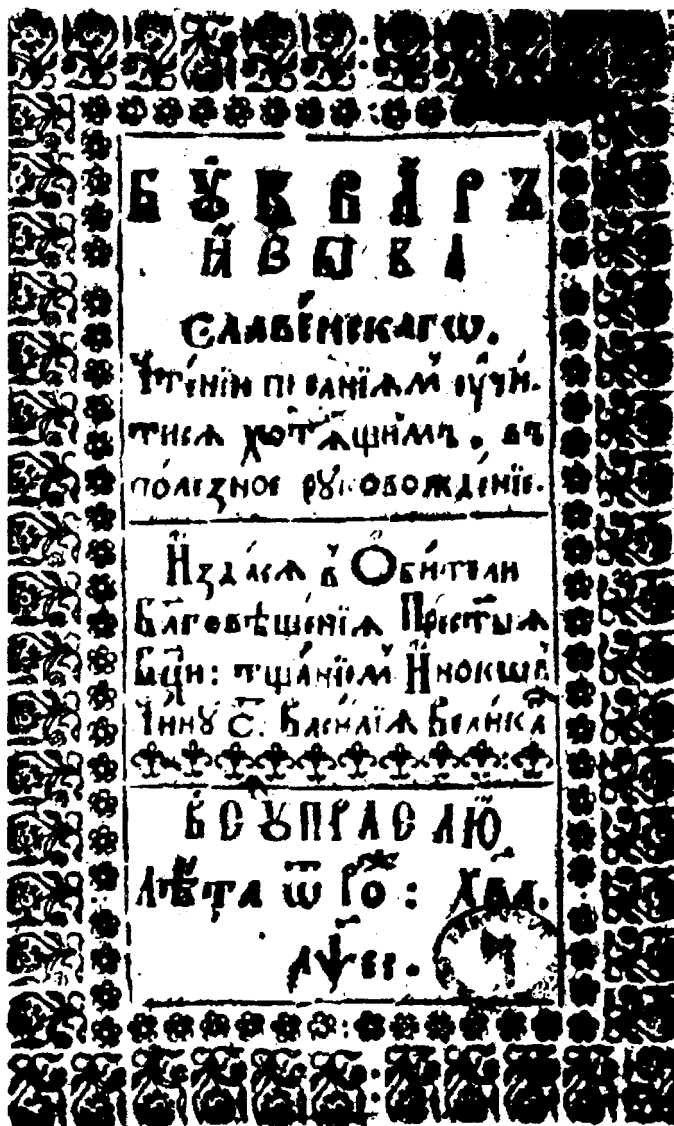
26. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Ф. 834. Оп. 3. № 3317.

27. Записи № 175–180 в описи 1836 г.

28. Научная библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F58-B1993, B1994, B2001, B2002.

29. Св. Афанасий оставил значительное литературное наследство, в том числе целый ряд полемических сочинений, направленных против ариан. См., напр.: Roldanus J. *Le Christ et l'homme dans la théologie d'Atanasii d'Alexandrie*. Leiden, 1968.

30. Св. Августин, епископ гиппонский – величайший религиозный философ, оставивший богатейшее литературное наследство, борец против ересей в христианстве, обоснователь идеи папства.

Титульный лист Букваря языка славенскаго (Супрасль, 1715)

Изображение иконы Богоматери Супрасльской и молитва к ней в супрасльских изданиях XVIII в.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУСОВ БЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ В XVIII СТОЛЕТИИ

К началу XVIII в. из-за спутанности и неустойчивости богослужебного обряда в униатской церкви назрела насущная необходимость проведения специального собора для унификации богослужения и утверждения канона униатской обрядности.

Замостский собор 1720 г., «созванный со специальной целью для поднятия упавшего обряда» [1], стал одним из важнейших событий в истории униатской церкви. Его решения оказали решающее влияние на регламентацию внутренней церковной жизни греко-католиков (униат) [2]. После Замостского собора 1720 г. митрополит Леон Кишка, ставший в 1708 г. архимандритом Супрасльского Благовещенского монастыря, «добивается для монастыря монопольного права на издание и продажу кириллической литературы новой редакции, утвержденной собором» [3].

Тогда же на соборе «hierarchia Cerkwi unickiej postanowiła zająć się uporządkowaniem stanu tego wyznania w całej Rzeczypospolitej. Dla poszczególnych diecezji i dekanatów zostali wyznaczeni wizytatorzy, mający dokonać lustracji świątyń i życia duchowego w parafiach. Wizytacje miały też zainicjować dalsze poczynania, mające na celu latynizację obrządku unickiego» [4].

В 1727–1728 гг. в Бельском деканате была проведена комплексная визитация парафиальных церквей, отчет о результатах которой дает довольно точное представление об их материальном состоянии.

В нашем распоряжении имелись отчеты о визитации 27 церквей бельского деканата [5]. Результаты визитации каждой церкви изложены в основном по следующей схеме: название церкви и имя ее настоятеля; описание физического состояния церковных построек, иконостаса, крестов; подробное описание имеющихся в наличии церковной утвари, облачений церковнослужителей; далее следует список церковных книг; заканчивается отчет о визитации довольно обстоятельным описанием фондушевых (вкладных) записей; разных бумаг, касающихся церковных земель; перечисляются наименования населенных пунктов, относящихся к данному церковному приходу. Заканчивается отчет о визитации замечани-

ями и рекомендациями визитаторов и указанием даты ее проведения.

На основании изучения зафиксированных в проинспектированных церквях литургических и иных книг нами была предпринята попытка проведения количественного анализа состояния книжной культуры белорусов бельской земли в XVIII в. Причем, даже, если имеющиеся в нашем распоряжении материалы не содержат абсолютно исчерпывающую информацию о состоянии всех парафиальных церквей бельского деканата (благочиния), тем не менее выборка эта беспрецедентно репрезентативна, что позволяет сделанные на ее основе выводы в полной мере распространить на всю рассматриваемую территорию.

Список проинспектированных церквей бельского деканата

1. Андриянки – церковь Воздвижения Креста Господня
2. Бельск
Подляский(1) – церковь Богоявления
3. Бельск
Подляский(2) – церковь Рождества Богородицы
4. Бельск
Подляский(3) – церковь Св. Троицы
5. Бельск
Подляский(4) – церковь Воскресения Христова
6. Боцьки – церковь Успения Пресвятой Богородицы
7. Браньск – церковь св. Симона Столпника
8. Вулька – церковь св. Архистратига Михаила
Выгоновская
9. Высокое – церковь свв. чудотворцев Козьмы и Дамиана
Мазовецкое
10. Грузка – церковь Пракседы мученицы
11. Грыневичи – церковь св. Ильи Пророка
12. Дубичи – церковь Покрова Пресвятой Богородицы
13. Клейники – церковь Вознесения Христова
14. Клещели(1) – церковь св. мученика Георгия и церковь св. Онуфрия

15. Клещели(2)	– церковь св. Николая
16. Косьна	– церковь св. Николая
17. Левково	– церковь свв. Петра и Павла
18. Малеша	– церковь Воздвижения Креста Господня
19. Нарев	– церковь Воздвижения Креста Господня
20. Новоберезово	– церковь св. Иоанна Богослова
21. Орля(1)	– церковь св. Иоанна Богослова
22. Орля(2)	– церковь св. Симона
23. Пасынки	– церковь св. Димитрия Солунского
24. Подбелье	– церковь Преображения Господня
25. Старый Корнин	– церковь Михаила Архангела
26. Ходышево	– церковь Успения Пресвятой
Богородицы
27. Чижи	– церковь Успения Пресвятой
Богородицы

Согласно проанализированным отчетам о визитации 27-ми церквей бельского деканата всего на тот период в них имелось 287 церковных книг. Опись книг касалась практически каждой церкви. Лишь в двух из них (в церкви св. Иоанна Богослова в Орли и в церкви св. Пракседы мученицы в Грузке) книги согласно отчета не были зафиксированы, хотя по косвенным признакам они там явно имелись. Так в рекомендациях в конце визитации церкви св. Иоанна Богослова в Орли содержится указание «книги клировые обшарпанные... подреставрировать» («księgi kryłosowe oszarpane... rooprawować...»). А в отчете о визитации церкви св. Пракседы мученицы в Грузке есть заголовок «Книги церковные», за которым ничего не следует. Возможно по каким-то причинам этот раздел случайно оказался незаполненным.

В среднем в каждой церкви имелось 11 книг. Наибольшее число книг было зафиксировано в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Чижах – 20 книг, наименьшее – 3 книги – было отмечено в церкви св. Симона Столпника в Браньске.

№ п/п	Название населенного пункта	Количество книг
1.	Андрьянки	8
2.	Бельск Подляский(1)	15
3.	Бельск Подляский(2)	12
4.	Бельск Подляский(3)	6
5.	Бельск Подляский(4)	11
6.	Боцьки	16
7.	Браньск	3
8.	Вулька Выгоновская	7
9.	Высокое Мазовецкое	19
10.	Грузка	–
11.	Грыневичи	12
12.	Дубичи	8
13.	Клейники	10
14.	Клещели(1)	10
15.	Клещели(2)	18
16.	Косьна	8
17.	Левково	7
18.	Малеша	11
19.	Нарев	12
20.	Новоберезово	15
21.	Орля(1)	–
22.	Орля(2)	12
23.	Пасынки	15
24.	Подбелье	10
25.	Старый Корнин	11
26.	Чижи	20
	Всего книг:	287

Из имевшихся 287 книг рукописными были названы 92, т.е. практически третья часть, а точнее 32%. Многие из этих рукописей были довольно древними. По ряду косвенных признаков с достаточной степенью уверенности можно предположить, что основная часть рукописных книг относилась к доуниатскому периоду.

Согласно описям центр ядра книжных церковных собраний составляли *Евангелие*, *Служебник* и *Апостол*. Эти книги, как правило, возглавляют список богослужебных книг в отчетах о визитации в большинстве проинспектированных бельских церквей.

Репертуарный состав книжных собраний церквей бельского
деканата согласно визитациям 1727–1728 гг.

Название	Кол-во книг	Частота встречаемости
Служебник	36	24
в т.ч. рукописный	6	
в т.ч. с Требником рукописный	6	
Триоди	34	19
в т.ч. рукописные	21	
Псалтырь	29	21
в т.ч. рукописная	2	
Евангелие	28	22
в т.ч. рукописное	13	
Октоих	26	22
в т.ч. рукописный	10	
Казусы Замоиские	20	18
Апостол	18	17
в т.ч. рукописный	9	
Праздняя	15	14
в т.ч. рукописная	14*	
Требник	15	14
в т.ч. рукописный	2	
в т.ч. Требник Московский печатный	1	
Ирмологион	12	10

* Одна *Праздняя* не обозначена печатная она или рукописная, возможно, она тоже была рукописной.

Другие книги	12	10
Часослов	7	6
в т.ч. рукописный	3	
Миней	6	3
в т.ч. рукописные	4	
Трефолой	5	5
Устав	5	5
Галятовский	4	4
Новый Завет с Псалтырью	4	3
Каллист	3	3
Полуустав	3	3
Новый Завет	2	2
в т.ч. рукописный	1	
Акафист	1	1

Кроме того, из церкви св. Николая в Клешелях была передана в Супрасль печатная *Библия Русская* («Biblya Ruska drukowana in fol. do Suprasla pozyczona»), а из церкви Михаила Архангела в Старом Корнине также в Супрасль были переданы для подготовки к печати *Книги явленных чудес Пресвятой Богородицы* («Księgi przesławnych Cudow Najswiętszey Matki Bożey do Suprasla do Druku podane»).

В описании практически каждой из церквей в списке книг на первом месте указано *Евангелие*, печатное или рукописное. Хотя бы по одному *Евангелию* имелось в 22 церквях из тех 25-ти, где описаны книги. Судя по всему это были большие напестольные *Евангелия*, часто богато украшенные. Из 28 *Евангелий* 13 были обозначены как рукописные. Среди *Евангелий* было 5 книг, записанных как «печатная Евангелика польская» («Ewangelyka Polska drukow. w szesnastkę») (церкви в Боцьках, Клейниках, Нареве, Пасынках, Ходышево). А в церкви св. Николая в Косьне было также «печатная Евангелика римская» («Ewangelyka Rzymska drukow. in 8tavo»). Эти *Евангелики* были записаны как правило в конце списка книг.

Самыми многочисленными из литургических книг в униатских церквях бельской земли на тот период оказались *Служеб-*

ники, их было 36. В каждой из названных церквей, где были указаны имевшиеся книги, за исключением только церкви в Чижах, имелось хотя бы по одному экземпляру *Служебника*.

Из зафиксированных 36-ти *Служебников* 21 книга обозначена как «Служебник Виленский печатный» («*Służebnik Wileński wielki drukow. in fol.*») [6]. Уже со второй половины XVII в. униатами остро ощущался дефицит кириллических литургических книг, ставший причиной того, что «часто приходилось пользоваться рукописными книгами, содержащими ошибки, или привозить их из Москвы» [7]. С целью устранения этого дефицита и был издан *Служебник*, частично напечатанный в Вильно и законченный в Супрасле. Это был первый собственно униатский *Служебник*, получивший широкое распространение в униатской среде [8].

В списках имевшихся в бельских церквях литургических книг обычно *Служебник* записан вторым после *Евангелия*, а в случае отсутствия последнего – он возглавляет этот список. В тех церквях, где в описи отсутствует супрасльский *Служебник*, следующим после *Евангелия* идет либо рукописный *Служебник с Требником* – «*Służebnik z Trebnikiem pisany in fol*» (как, к примеру, в Андриянках), либо, например, «Служебник рукописный с Виленского» («*Służebnik pisany z Wileńskiego in fol.*») в церкви Воскресения Христова в Бельске. В церкви св. Николая в Клещелях вторым после *Евангелия* записан «Служебник львовский» («*Służebnik Lwowski in fol.*»). В церкви Михаила Архангела в Старом Корнине кроме печатного виленского *Служебника* имелся также и малый супрасльский печатный *Служебник* («*Służebnik Supraski Mały drukow. in fol.*») [9].

Из имевшихся 18 *Апостолов* 9 были печатными и 9 – рукописными. *Апостол* зафиксирован в 17 из 27 проверенных церквей, а в церкви св. Иоанна Богослова в Новоберезово находились 2 рукописных *Апостола*. В описании церковных книг *Апостол* указывается в числе первых трех позиций, наряду с *Евангелием* и *Служебником*.

По количеству имевшихся книг на втором месте после *Служебника* находятся *Триоди*, которых было на тот период согласно данным визитаторов 34, большая часть из них отмечены как рукописные – 21. *Триоди* были в 18-ти церквях. В церкви в Чижах отмечены две *Триоди* львовской печати.

Из 29 имевшихся *Псалтырей* только 3 книги были рукописными. Наибольший интерес вызывает *Псалтырь* из церкви Успения Пресвятой Богородицы в Чижах, которая в отчете о визитации описана как «Псалтырь на паргамине золотыми буквами писана» («Psalterz na pargaminie złotemi Literami pisany in qto»). Несомненно, это была очень древняя рукопись. Наличие *Псалтырей* зафиксировано в 21 церкви, причем, иногда их там было даже не по одному экземпляру.

В 18 церквях имелась книга, записанная как «Казусы Замойские» («Kazusy Zamoyskie drukow.»). В Грыневичах и Чижах они были даже в 2-х экземплярах. Под таким названием в описях фигурирует кириллическое *Собрание припадков краткое*, напечатанное в Супрасльской типографии в 1722 г. Это издание теснейшим образом связано с Замостским собором 1720 г., так как содержание его 16 глав составляет изложение постановлений собора по тем или иным вопросам, главным образом связанным с повседневными потребностями приходского духовенства. В издании помещено обращение «К читателям иереом» и «Установления святого собора Замойскаго», в котором говорится об обязанности священника руководствоваться отныне именно этой книгой. Необходимо отметить, что часто *Собрание припадков* переплеталось вместе с *Лексиконом*, тогда же изданным в Супрасльской типографии в том же 1722 г. и составляло с ним как бы единое целое [10].

Октоихи имелись в 22 церквях. Эта книга стоит на втором месте наряду с *Евангелием* по частоте встречаемости. Всего же в описях зарегистрировано 26 *Октоихов*, 10 из которых были рукописными.

Требников насчитывалось 15, причем рукописными были только 2 книги. Один из печатных *Требников* был московской печати, он находился в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Чижах. *Требник* в церкви в Малешах указан как «Требник (Мамонич) in 4to печатный» («Trebnik (Mamonicz) in 4to druk. »).

В 4 церквях были зафиксированы книги о. Иоанникия Галатовского, известного церковного писателя-полемиста, сочинения которого пользовались большой популярностью как в православной, так и в униатской среде. Какие именно сочинения Галатовского это были, прямо не указывается, они обозначены просто как «Галатовский печатн. » («Galatowski drukow. in fol.»), либо как

«Галятковского выклады печатн.» («Galatowskiego wykłady in fol drukow.»). Можно предположить, что скорее всего это могли быть прежде всего его гомилетические сочинения, такие как *Ключ разумения* (Киев, 1659; Львов, 1663; Львов, 1665), *Казаня приданы до книги «Ключ разумения» названо* (Киев, 1660) – содержащие поучения на все праздники и руководство для составления проповедей; *Небо новое з новыми звездами сотворенное* (Львов, 1665; Могилев, 1699 и др.) – содержащее описание чудес Богоматери; *Скарбница потребная* (Новгород-Северский, 1676); то же – на польском языке; *Skarb pochwały z koźdey nauki wyzwoloney do Skarbnicy Naswietszey Bogarodzicy Ieleckiy od Archymandryty Czernihowskiego Ieleckiego* (Новгород-Северский, 1676) – содержащие описания чудес черниговской елецкой иконы Богоматери. Нельзя не упомянуть также, что среди книг Иоанникия Галятковского, имевшихся в больших церквях, были и иные его сочинения, например, апологетические: *Мессия правдивый* (Киев, 1669); то же на польском языке *Messiasz prawdziwy Jezus Chrystus syn Boży* (Киев, 1672) – содержащие христианско-православную полемику с последователями крупнейшего на тот период мессианского движения в среде иудеев, охватившего еврейские общины от Средиземного до Балтийского моря, родоначальником которого был Саббаттай Цви, в конце концов принявший ислам; *Rozmowa bialocerkiewska* (Новгород-Северский, 1676); *Rycerz prawoslawnokatolickiej cerkwi wschodney* (Новгород-Северский, 1677); *Stary Kościół Zachodni* (Новгород-Северский, 1678); *Fundamenta na których łacinnicy iedność Rusi z Rzymem fundują* (Чернигов, 1683) – содержащие полемику с иезуитами; *Łabędź z piórami swemi* (Новгород-Северский, 1679); *Alkoran Machometow* (Чернигов, 1683) – содержащие полемику с магометанами; катехизистично-миссионерские: *Alphabetum rozmaitym Heretykom* (Чернигов, 1681) и другие. Как бы там ни было, подобный успех выдающегося православно-го богослова и писателя Иоанникия Галятковского в бельской униатской среде – явление заслуживающее всяческого внимания, ибо это не только дополняет наши знания о рецепции его сочинений и их изданий, но и о внутренней жизни греко-католической церкви вообще, особенно если принять во внимание период после проведения Замостского собора 1720 г.

3 церкви имели книгу, которая обозначена как «Каллист печати.» («Kalist drukow. in fol»). По всей видимости речь идет о *Евангелии учительном*, отпечатанном в братской типографии в Евье в 1616 г., имевшем следующее заглавие «Евангелие учительное albo казаня на каждую неделю и свята урочистыи, през святого отца нашего Каллиста, архиепископа константинопольского и вселенского патриарху пред двема сты лет по кгречку написаны, а тепер ново з кгречкого и словенского языка на русский переложены...». Издание это имело большой успех и было широко распространено во многих восточнославянских регионах, прежде всего на территории Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского.

В конце каждого отчета о визитации церкви содержатся замечания и рекомендации. Что касается замечаний по поводу церковных богослужебных книг, то они, как правило, сводятся к требованию отыскать недостающие книги, привести в порядок имеющиеся, приобрести недостающие для совершения служб либо списать за ненадобностью «дизунитские», то есть сугубо православные, издания. Так, в церкви Рождества Богородицы в Бельске указано на отсутствие некой «книги в разорванной обложке» («Niedostaie Księgi w złej Sukience poszarpane»). В отчете о визитации церкви св. Архистратига Михаила в Вульке Выгоновской рекомендовано переплести книги «особенно Служебник Виленский и под угрозой наказания больше о необходимых для молитвы священнической стараться» («Księgi poopracować osobliwie Służebnik Wileński u więncey do Pacierzy kapłanskich Potrebnych starał się sub poenis przykazuiemy»), а в церкви свв. Петра и Павла в Левково – «привести в порядок необходимые книги» («Sporządzić ksiąg do Pacierzy kapłanskich potrzebnych przysposobić a Niektore oszarpane... gearacować»). *Служебник* «дизунитский» за ненадобностью велено ликвидировать в церкви св. Николая в Клещелях («Służebnik dizunitski iako niepotrzebny kassuiemy») и церкви свв. чудотворцев Козьмы и Дамиана в Высоком Мазовецком («Służebnik znajdujący się dyzunitski niepotrzebny w Interdykt podaie się»). А в визитации церкви Михаила Архангела в Старом Корнине содержится рекомендация «недостающие клиросовые книги как то Октоих Великий, Трефолой, Триодей постных и т.д. непременно приобрести из казенных денег под страхом наказа-

ния» («Książ potrzebniejszych kryłosowych iako to Ochtaiia Wielkiego, Trefolaia, Tryodi Postnych etc. koniecznie dostawać z summy Skarbowey płacic Sub poenis... przykazui się»).

Опираясь на все вышеприведенные данные о наличии в бельских униатских храмах церковных книг, можно сделать несколько важных выводов. По меньшей мере треть или даже более этих книг относилась по времени своего появления еще к доуниатскому периоду и именно эти книги продолжали составлять своего рода некий местный традиционно-исторический книжный контекст, связанный не только с внешней и внутренней обрядовой стороной, но и пространством литературным и письменно-графическим, сугубо православным в своей основе. Собственно православными по содержанию и происхождению были не только книги доуниатского времени, но и многие, изданные в XVII столетии, например, сочинения Иоанникия Галятовского и скорее всего большинство львовских изданий, ну и конечно же московские. Таким образом число церковных книг чисто православной редакции составляло в бельских униатских церквях рассматриваемого времени около половины. Как выясняется все еще в ходу тогда были и древнейшие пергаменные рукописи, отдельные из которых позднее, в XIX в., будут «открыты» тамошними любителями и знатоками старины, что затем станет сенсацией в ученом славистическом мире.

Издания римско-католической редакции, как ни странно, в бельских униатских церквях единичны. Собственно речь идет лишь о *Евангелике римской* и, возможно, «польских». И только. Весьма заметен пласт первых униатских *Служебников*, прежде всего многочисленные экземпляры знаменитого супрасльского *Служебника* 1692–1695 гг., а затем пласт новых аналогичных книжных пополнений – после Замостского собора 1720 г. Все они – свидетельства формирования новой фазы в развитии книжной культуры бельской земли в XVIII в., формирования постепенного, начавшегося лишь в самом конце XVII столетия. При этом весь XVIII в. православная книжная основа в бельских униатских церквях, зафиксированная визитаторами 1727–1728 гг., почти не меняется и, сохраняясь во многом, переходит и в XIX столетие [11].

В заключение следует добавить, что «после заключения Брестской унии на территории Белосточчины все приходы кроме трех монастырей (в Бельске Подляшском, Дрогичине и Заблудове) ... уже в начале XVII века стали униатскими» [12]. В 1789–1790-м гг. в Польше в эпоху Великого сейма, когда проблемы Православной Церкви приобрели и особый внешнеполитический смысл, появляется проект автокефалии Православной Церкви в Польше с резиденцией ее архиепископа в Бельске Подляшском [13]. Тогда же единственный во всей бельской земле православный приход – при монастыре св. Николая в Бельске, где было восемь монахов и послушников, насчитывал 737 прихожан [14]. Опись 1788 г. подробно фиксирует монастырские книги, их было всего около 60 [15]. Причем почти все они оказались печатными, изданными преимущественно в Киеве, много реже – в Москве. Репертуарный состав этого монастырского собрания практически аналогичен тому, что было в бельских униатских церквях. Причем в монастыре находилось и немало книг-дубликатов. Наши экспедиционные археографические наблюдения на бельской земле [16] свидетельствуют о сохранности до наших дней в здешних православных храмах некоторых церковных книг, помеченных в визитациях и монастырских описях [17].

1. Чистович И. Очерк истории Западно-русской Церкви. Т. 2. Спб., 1884. С. 379.

2. Подробнее см.: Павлович С.К. Опыт истории Замойского униатского провинциального собора (1720 г.). Гродно, 1904.

3. Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998. С. 15.

4. Sosna G., Fionik D. Dzieje Cerkwi w Bielsku Podlaskim. Białystok, 1995. S. 30–31.

5. Государственный архив в Люблине. Ф. 95. Е.Х.101. Л. 118–121, 377–411 и др. В нашем распоряжении были также копии визитационных документов, любезно предоставленные нам о. Григорием Сосной из своего архива.

6. Это первое супрасльское издание: Служебник. Вильно-Супрасль. 1692–1695.

7. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Супрасльский церковнославяно-польский словарь 1722 г. Минск, 1995. С.1 9.

8. Подробнее см.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов... С. 13–14, 53.

9. Видимо речь идет о *Понтификале си есть Служебнике Святительском* (Супрасль, 1716), напечатанном в форме 2⁰ на 43 листах, издании ныне достаточно редком. На л. 9 этого *Служебника* есть важное во всех отношениях указание, свидетельствующее об использовании некоторых грекоязычных молитвословий в униатской среде, в частности пения по-гречески Трисвятого. Греческий же текст Трисвятого приводится здесь кириллическими буквами. См.: Лабынцев Ю.А. Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978. С. 13–14; Голенченко Г.Я. Старопечатные кириллические книги 16–18 вв. // Книга Беларуси: 1517–1917. Зводны каталог. Мінск, 1986. С. 134.

10. Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Супрасльский церковнославяно-польский словарь... С. 37.

11. Сравните с нашими наблюдениями: Щавинская Л.Л. Литературный репертуар пограничья *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского монастыря: (Опыт компьютерного анализа) // Инф. бюл. Ассоциации «История и Компьютер». 1997. № 21. С. 125–126; Она же. Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря // *Здабыткі*. Мінск, 1998. С. 37–45; Она же. Книжная культура Супрасльского Благовещенского монастыря в первые годы его существования // *Благоверный князь Острожский*: Вестн. Бел. экзархата. Мінск, 1998. Т. 1. С. 71–78; Она же. Литературная культура польско-восточнославянского пограничья XV–XIX вв. // *Книга в пространстве культуры*. М., 2000. С. 46–61; Она же. Квантитативная характеристика литературного ландшафта западной пограничной части Великого княжества Литовского середины XVI в. // *Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI в.* М.; Вильнюс, 1999. С. 116–144.

12. Sosna G. *Dzieje Kościoła Prawosławnego na Białostocczyźnie // Slavia Orientalis*. 1990. № 1–2. S. 104.

13. Sosna G. *Op. cit.* S. 106.

14. Sosna G., ks., Fionik D. *Op. cit.* S. 108.

15. Опись монастыря... Свято-Николаевского Бельского... 1788 года января 3 дня (Публикация Г. Семянчука) // *Białoruskie Zeszyty Hist.* 1999. № 11. S. 221–223.

16. См., напр.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная литература белорусов современной Польши (Материалы экспедиционных исследований 1999 г.). М., 2000.

17. Sosna G., Fionik D. *Op. cit.* S. 103–105.

Титульный лист *Служебника* (Вильно–Супрасль, 1692–1695)

Титульный лист *Октоиха си есть осмогласника* (Супрасль, 1728)

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ И ОКОЛОЛИТУРГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII–XIX ВВ.

Взаимодействие культур всегда предполагает широчайший выбор способов и форм в многообразии осуществляемых при этом контактов на самых различных уровнях. Как правило описание такого процесса, историческое, культурологическое, лингвистическое, любое – статично, правда с постоянным желанием отобразить именно его динамику, что в лучшем случае удается сделать лишь в самых общих чертах, описав с той или иной степенью подробности и, что наиболее важно, вероятности, параметры отдельных дискретных точек, онтогенетическая природа которых далеко не всегда однородна.

Говоря о культурном пространстве, как правило, имеют ввиду нечто содержащее в своей основе онтогенетическую схожесть, гораздо реже филогенетическую, преимущественно в случае глобальной тематической ориентации. В этой связи пространство литургическое представляет собой весьма удачный и наглядный пример наличия компонентов как общецивилизационной человеческой культуры, планетарной по своей сути, так и более частной – христианской. В нашем же случае еще и региональной христианской культуры, взятой в ее конкретном хронологическом отрезке и в определенной вероисповедной векторности.

Понятие литургического пространства и сама постановка вопроса о его изучении, несмотря на кажущуюся очевидность, нова не только в культурологии, но и в теологии. Причин тому множество и не всегда они лежат в сфере рациональной. Вместе с тем белорусско-украинское литургическое пространство ценно по своей внутренней природе и свойствам как для светского гуманитария любого из направлений, так и для сугубого богослова, невзирая на его принадлежность к определенной номинации. Особый же интерес изучение данного пространства представляет для исследователей белорусской и украинской культур, так как оно затрагивает глубинные основы проявления национального сознания и самоидентификации. Впрочем, все мы находимся в самом начале пути, и до каких-либо более или менее обобщенных исследовательских итогов еще далеко. С культурологической же точки зрения такое явление как Брестская церковная уния и ее эво-

люция, получившие во многих своих сущностных проявлениях взаимноисключающие оценки, а в некоторых и весьма близкие даже из противоположных вероисповедных лагерей, остается непознанным феноменом не только со стороны литургической, но и обще- и национально-культурной. «...Уния является областью разрыва в культуре... не только отрывом новой части от материка, но также разрывом внутренним, источником противоречий в себе самой и источником конфликтов внешних», – так считает ныне один из наиболее авторитетных исследователей восточно и южнославянской религиозной культуры профессор Краковского университета А. Наумов [1]. В нашей же постановке вопроса на первое место выдвигается проявление герменевтической однородности и предполагается рассмотрение средств ее поддержания.

Собственно сама историческая ситуация предопределила первоначальное принятие или точнее приятие всего основного литургического корпуса новоявленными униатами от Православия. Да и сами они от сельского клирика до благочинного, а отчасти и выше, с точки зрения чисто обрядовой мало чем отличались на протяжении по крайней мере жизни своего поколения и в некоторой степени последующего от православных. Тоже, но еще в большей степени, касалось униатов-мирян, особенно сельских «простецов», крестьян. Здесь в силу вступали законы традиции, безусловно эволюционирующей, но конечно же не столь заметно и совсем не революционно, как того требовали и требуют те или иные постановления, предписания, тем более в сфере глубоко интимной, духовной. Любопытно, что за свою многовековую историю западные христианские литургии в конце концов приобрели «национальный» характер [2], а, например, иудейские не только в течение тысячелетий были одним из важнейших стержней еврейского национального единения, но и после утраты ивритом живых разговорных функций, едва ли не главнейшим очагом функционирования последнего и условием сохранения, с последующим тотальным возрождением и огосударствлением. Любое из литургических пространств, существуя с той или иной продолжительностью, предполагает наличие неких правил реализации самой литургии, которая первоначально имела характер импровизации и лишь затем постепенно превращалась в ритуал. По определению современных ведущих польских католических

богословов, «служба, именуемая литургией, осуществляется для блага общины верующих... по сути своей является связью между Богом и людьми» [3]. Впрочем предлагавшиеся дефиниции понятия «литургия» не могут считаться достаточными, о чем говорят практически все теологи и религиоведы в мире. Литургия – универсальная мистерия, имеющая наряду с «национальными» и региональными особенностями, порой сугубо местного свойства, трансцендентную основу. Одна из творческих сторон этой мистерии, ее активные участники – клир и сообщество мирян, которые являются во всех их вероисповедных проявлениях необходимой составляющей литургического пространства.

Языки литургии всегда принадлежали к тем семиотическим системам, которым отводилась особая роль в жизни человечества. Довольно условно языки эти можно было бы назвать сакральными. В изучении их общих свойств и закономерностей функционирования сделано пока что слишком мало, что, правда, не мешает современным ученым строить отдельные далеко идущие выводы и на имеющемся материале [4]. Не приходится говорить, что и от создания лингвистической модели литургического языка, частной по отношению к модели литургического языка вообще, мы еще очень далеки. Исключительно языковедческие методы здесь явно недостаточны. Составляющая языка литургии далеко не тождественна динамической структуре литургического языка. В этой связи очень показательны усилия западных ученых различной вероисповедной ориентации, а в последнее время и российских, постепенно подходящих к проблеме не только с прагматической, но и теоретической стороны.

Собственно об униатской (иначе греко-католической) литургии на Востоке Европы известно очень мало. Эта проблема почти не изучалась. В свое время мы рецензировали, пожалуй, лучшую монографическую работу, посвященную одному из важных частных вопросов этой непростой для исследователя тематики [5]. В целом же исследователи смогли лишь пока приблизиться к ее изучению, о чем свидетельствуют прежде всего труды представителей ордена базилиан (василиан) [6], выгодно отличающиеся от многочисленных пока работ современных католических теологов, пробовавших писать на те же темы [7]. Впрочем, не только униатская восточнославянская литургия, но и традиционная собы-

тийная история униатской (греко-католической) церкви не получили до сих пор сколько-нибудь обстоятельного освещения. Даже орден базилиан не имеет такой синтетической истории, если не считать книги очерков о нем, опубликованной в преддверии празднования 400-летия Брестской церковной унии [8]. А ведь базилиане, по словам А. Брюкнера, повторенным затем в трудах многих европейских ученых, были «для унии тем», «чем иезуиты были для католицизма» [9].

Если на белорусских землях церковная уния распространилась уже в начале XVII в., то значительная часть украинских земель попала в орбиту ее действия лишь столетие спустя. В 1693 г. к унии присоединилась перемышльская епархия, в 1700 г. – львовская, в 1702 г. – луцкая. «С 1702 г. к киевской греко-католической митрополии принадлежало восемь епархий: митрополичья киевская, полоцко-витебская, владимирско-брестская, пинско-туровская, луцко-острожская, львовско-галицкая, перемышльско-самборская и холмско-белская» [10]. Нужно отметить, что абсолютное большинство верующих в этих епархиях составляли крестьяне и вся эта огромная несколькомиллионная масса и была одним из главнейших компонентов униатского литургического пространства начиная с XVII столетия.

Тесно соприкоснувшись с миром западной литургической культуры уже в первой половине XVII в. базилиане, многие из которых получили богословское образование в различных католических школах, включая высшие, в том числе и в Риме, в середине столетия обращают свое внимание и на униатскую литургию, точнее на литургическую практику униатской церкви того времени. Первоначально этот интерес носил чисто компаративистский характер и как-то связывался с литургическим чином в самих базилианских монастырях. Основы создания собственной литургии были заложены позднее, и огромную роль в этом сыграл митрополит Киприан Жоховский, издавший в 1695 г. в Супрасльском Благовещенском монастыре первый униатский служебник – *Литургикон*, который являлся прототипом-протографом для всех униатских служебников XVIII – первой половины XX вв. [11]. Реформа униатского митрополита Киприана не была делом быстрым и одномоментным. Справедливости ради необходимо упомянуть труды одного из предшественников этой реформы, а затем и

ее творцов протоархимандрита базилианского ордена Пахомия Огилевича (1624–1690-е гг.). Его перу принадлежит ряд историко-литургических исследований и переводов литургии, которые при жизни он опубликовал в Вильно и Кракове, а затем они неоднократно переиздавались в Почаеве и Львове [12]. В 1683 г. на совещании у папского нунция в Варшаве было решено начать издание литургических книг для белорусско-украинских униатов и создана специальная литургическая комиссия, в которую вошли митрополит Киприан Жоховский (ее глава), епископы Яков Суша, Маркиан Белозор, Лев Заленский и наиболее образованные представители ордена базилиан – о. Пахомий Огилевич и о. Самуил Пилиховский, а также иезуит Теофил Рутка [13].

Руководитель этой литургической комиссии (он же униатский митрополит и архимандрит Супрасльского монастыря, правда самозванный) прекрасно понимал, что для регулярного издания униатской литургической книжности, постоянно совершенствующейся, необходимы особые условия, частью которых стало бы и специальное издательство с целым штатом справщиков – редакторов-текстологов, найти которых можно было лишь в монастырской среде, то есть среди базилиан, хотя в оппозиции к последним постоянно находилось белое униатское духовенство, позднее прямо обвинившее орден в полонизации и латинизации жизни униатской церкви. Впрочем и сами униатские митрополиты постоянно были в весьма сложных отношениях с орденом, так как базилиане, подобно иезуитам, согласно положению подчинялись непосредственно Ватикану, а не им или же местным униатским епископам.

Едва ли случайно было избрано место, где предполагалось создать специальную типографию для издания униатских литургических книг – Супрасльский монастырь, славившийся своими книжными традициями и особым статусом, правда, в силу оговоренных ктиторами монастыря условий формально не принадлежавший базилианскому ордену и находившийся в ведении митрополита [14]. Однако первоначальное желание митрополита Киприана Жоховского основать в 1680-е гг. в Супрасле типографию не было осуществлено. Причиной тому явилось сопротивление монахов обители, не одобрявших кандидатуру митрополита, стремившегося к тому же с 1670-х гг. занять богатую Супрасльскую архимандрию [15]. Лишь после смерти в 1691 г. супрасльского

архимандрита Иосифа Михневича Киприану Жоховскому представилась возможность стать во главе монастыря [16], уже не раз снабжавшего митрополита деньгами, часть которых, видимо, предназначалась на заведение типографии.

В середине 1680-х гг. к числу лиц активно содействующих созданию униатской литургии присоединяется протоархимандрит базилианского ордена Иосиф Петкевич, который на Новоградской конгрегации 1686 г. предлагает митрополиту несколько кандидатур из числа ученых базилиан для подготовки литургических текстов [17].

В конечном итоге Киприан Жоховский начал печатать свой *Служебник* в Вильно, для чего, видимо, употребил и деньги, взятые им в Супрасльском монастыре. К началу 1693 г. печатание *Служебника* в Вильно было прекращено и Киприан Жоховский (не ранее 25 февраля 1693 г.) отдал распоряжение о перевозке его тиража в Супрасль. Одновременно в Супрасльский монастырь было перевезено и оборудование типографии виленских базилиан, в том числе печатный станок [18]. Официальные документы сообщают, что привезенные Киприаном Жоховским 1300 экземпляров неоконченного *Служебника* были даны монастырю митрополитом в залог взятых им денег. Составление документов о залоге пришлось для монастыря весьма кстати, так как в том же 1693 г. Киприан Жоховский умер во время очередного посещения Супрасля [19]. Невозможность получения крупного долга митрополита от его наследников заставила монастырь и руководство базилианского ордена подписать в сентябре 1694 г. новый документ, признающий полной собственностью монастыря 500 экземпляров *Служебника* из числа оставленных Киприаном Жоховским в залог. В документе ничего не говорится о судьбе остальных 800 экземпляров *Служебника*, находившихся в монастыре, однако, с большой долей вероятности можно предположить, что монастырь большинство из них получил в свою собственность, так как почти все их экземпляры, сохранившиеся до наших дней, имеют в конце приплет, состоящий из листов, допечатывавшихся в Супрасле. На последнем из этих, допечатывавшихся в Супрасле листов, читаем: «Сей Служебник... скончался в с. Лавре Супрасльской...». Все это говорит о том, что Супрасльский монастырь воспользовался привезенным митрополитом Киприаном Жоховским оборудованием

типографии виленских базилиан и, получив в свою собственность недопечатанные в Вильно экземпляры *Служебника*, допечатывал их в Супрасле. В свое время в монастырском архиве было дело № 8 «О типографии с 1694 года» [20], именно эту дату – 1694 г. (не ранее 7 сентября) и следует считать началом работы типографии в Супрасле, хотя типографское оборудование, вывезенное из Вильно, находилось здесь уже с 1693 г. Допечатывание *Служебника* в Супрасле производилось под руководством архимандрита монастыря Симеона Киприановича (или, как в колофоне, Циприановича), который был редактором допечатываемой части. Супрасльские издатели оставили прежний титульный лист книги, награвированный известным художником Леонтием Тарасевичем, на котором имеются следующие выходные сведения: «в Вилни... в лето... 1692 года». Оставлено было предисловие к *Служебнику* от лица Киприана Жоховского, а также гравированное изображение протектора (патрона) базилианского ордена князя К.С. Радзивилла, который, как это следует из предисловия, оказывал митрополиту помощь в издании книги [21].

Анализ всех без исключения подготовительных материалов к изданию *Летургикона*, осуществленного митрополитом Киприаном Жоховским, говорит о том, что его *Служебник* представляет собой произведение, о котором он с полным правом мог сказать: «... сия книга... мною и в моя времена изновлена» [21]. При подготовке этого издания маловостребованным оказался даже труд такого замечательного литургиста из числа монахов базилианского ордена как Самуил Пилиховский [22]. Приоритет митрополита и его роль в становлении униатской литургии несомненны и это признается и нынешними учеными из числа представителей базилианского ордена, которые прямо пишут о том, что «... *Служебник* митр. К. Жоховского... до сих пор живет в литургии Укр. Кат. Церкви» [23].

На протяжении всей истории языка церкви, в том числе и восточнославянской униатской, претерпевали постоянные изменения. Это касалось и языков литургических книг, включая и церковнославянский – язык восточнославянской униатской литургии. Несмотря на постепенную латинизацию всей жизни униатской восточнославянской церкви церковнославянский язык оставался едва ли не главным связующим звеном с общей кирилло-мефо-

диевской культурной традицией, основой в определении этнокультурного родства униат, принадлежности их к особому пограничному миру между Западом и Востоком, границей, отделяющей их от сообщества католиков-латинян, прежде всего поляков, если вести речь о рассматриваемом времени. Впрочем, нужно заметить, что в ту пору в униатской церковной жизни церковнославянский язык, естественно, не был единственным [24]. Языками церкви, функционировавшими в ее повседневном быте, делопроизводстве и т.д., были по крайней мере польский, местные народные говоры, часто обозначаемые определением «русский», и в малой степени, почти исключительно в среде ученого монашества и епископата, – латинский. В письменной практике использовался и некий языковой конгломерат, который ученые до сих пор собирательно именуют «простой мовой». Все эти языки в той или иной форме и виде преподавались в различных униатских школах, что способствовало сохранению весьма пестрой и разнообразной языковой картины, которую Н.И. Толстой охарактеризовал так: «Едва ли можно на территории греко-славянского мира... обнаружить аналогичное положение, где бы бытующие «типы», «варианты» или, лучше сказать различные манифестации литературного языка образовывали столь широкий спектр, с многочисленными переходами и оттенками, в котором на одном фланге находился польский язык (тоже славянский!), а на другом – древнеславянский в довольно чистом виде (т.е. близкий к языку эпохи второго южнославянского влияния – XIV–XV вв.)» [25].

В обучении церковнославянскому языку мирян у униат ведущую роль играли местный клир, всевозможные, правда, весьма немногочисленные школы и собственно сама литургическая служба. К концу XVII в. в восточнославянской униатской церкви значительно окрепла позиция польского языка, а латинской (польской) графикой стали записываться и даже перепечатываться отдельные церковнославянские тексты. Польский постепенно оказался, так сказать, ведущим бытовым и письменным языком в восточнославянской униатской церкви. Совсем не случайно первый историограф этой церкви базилианин Игнатий Кульчинский (1694–1741) писал: «... польский язык... в этих наших краях мы монахи... как родной во всех случаях... обычно используем» [26]. В широком же народном обиходе польский наряду с местными

говорами стал почти полнокровным живым языком, на котором осуществлялось общение не столько в пределах своего прихода или точнее униатской общины, а более всего вне ее. При этом польский язык к тому времени по уровню различного рода нормализации, в том числе и в письменной практике, явно доминировал над местным «русским» языком. Польский язык связывал не только с миром государственным чиновников, высшей иерархии, владельцев поместий, но и западной культуры вообще. Церковнославянский в литургии виделся атрибутом самобытности и был наряду с латинским у католиков полноправным языком обращения к Высшему.

Несмотря на временные утраты восточнославянские униаты довольно рано поняли всю ценность для их церкви церковнославянского языка. Уже Иосафат Кунцевич в свою бытность полоцким архиепископом провозглашал в своих «Уставах» необходимость сохранения некоторых чтений на церковнославянском языке не только на литургии [27]. В базилианских школах церковнославянский язык преподавался и в XVII и в XVIII вв., хотя конечно же, составить достаточно точное представление о характере такого обучения за столь долгий срок из-за недостатка документальных материалов не представляется возможным. Счастливым исключением – период деятельности Эдукационной комиссии, генеральные визитаторы которой собрали довольно много сведений на этот счет [28]. Впрочем сама эта комиссия никакого практического отношения к преподаванию церковнославянского языка не имела. Обучение ему было делом самой церкви и только. Естественно, оно не прекратилось и после ликвидации комиссии [29]. В специальных униатских школах для будущего приходского клира обучение языкам, в том числе и церковнославянскому, носило более интенсивный характер, и уровень этих школ к концу XVIII в. был весьма высок. Впрочем и об этих школах известно еще явно недостаточно [30].

В 1720 г. в Замостье собрался собор (синод) восточнославянской униатской церкви, которому предстояло войти в историю в качестве поворотного момента в ее внутренней жизни. Замостский собор явился новым, по существу реформационным, этапом в унификации литургической практики этой церкви, в конечном счете способствовавшей ее латинизации. И даже если допустить,

что мнения ряда ученых, в основном православной ориентации о провозглашении тотальной «латинизации обряда в униатской церкви» преувеличены [31], тенденция к узакониванию этого процесса, несомненно, имела место [32].

Инициатором созыва Замостского собора был митрополит Леон Кишка, недавний протоархимандрит базилианского ордена. В 1715 г. в своей просьбе, адресованной в Ватикан, он предлагал созвать такой собор для решения следующих основных задач: 1) осуждения учения русских старообрядцев; 2) установления границ ряда епархий; 3) узаконения процедуры поставления епископов; 4) введения единообразия в литургии. Проект митрополита обсуждался под руководством папского нунция в течение нескольких лет и к указанным задачам был добавлен еще дополнительный их перечень. Решения собора оказались объединенными почти в два десятка особых параграфов, ряд которых прямо или косвенно относился к проблеме организации и реализации литургической практики [33]. Принятые в 1720 г. в Замостье решения собора Ватикан утвердил в 1724 г. и только с 1725 г. они стали обязательны для униатской церкви.

Узаконив изменения, внесенные в униатскую литургию на протяжении XVII – начала XVIII вв. и по сути признав супрасльский *Литургикон* митрополита Киприана Жоховского неким основополагающим литургическим текстовым корпусом [34], Замостский собор в лице его инициатора высказал озабоченность серьезнейшей проблемой адекватного восприятия и толкования литургических текстов, прежде всего самим униатским клиром. Данное положение, видимо, давно заботило Леона Кишку, искавшего способы его разрешения уже по крайней мере с 1710-х гг. Постепенно он пришел к мысли о том, что одним из действенных и совершенно необходимых средств для этого должно стать создание и издание соответствующих словарей, наиболее доходчиво и точно толкующих церковнославянские слова и выражения, связанные с литургическим чином. Именно словари имели бы первостепенное значение для достаточно быстрого и всеохватывающего изменения существующего положения в лучшую сторону, став важнейшим средством поддержания герменевтической однородности всего униатского литургического пространства.

18 января 1722 г. в Супрасльском монастыре, архимандритом которого Леон Кишка являлся с 1708 г., был выпущен в свет *Лексикон сиреч словесник славенский, имеющ в себе словеса перве Славенския, Азбучныя, посем же Польския*, отпечатанный кириллицей и латиницей [35]. Несмотря на анонимность *Лексикона*, о котором специально говорилось и на Замостском соборе [36], одного из возможных его авторов назвать необходимо. Это сам Леон Кишка – талантливый церковный писатель [37]. В ходе Замостского собора Леон Кишка добился для Супрасльского монастыря монопольного права на издание и продажу кирилловской церковной литературы новой редакции, утвержденной собором [38].

Супрасльский *Лексикон* был напечатан одновременно с еще одним важным для нашей темы изданием, составившим с ним как бы единый блок из двух отдельных книг. Книгой этой стало *Собрание припадков краткое и духовным особам потребное*, предварившее *Лексикон*. *Собрание* содержало в своих вступительных статьях ряд документов, касающихся формирования структур поддержания однородности функционирования униатского литургического пространства [39], являясь своего рода развернутым Катехизисом, предназначенным для парохов, то есть униатских священников [40].

Цели составителей и издателей *Лексикона* были весьма лапидарно изложены в кратком «Предисловии к Читателем», помещенным в его начале: «Съ ненсчѣтною болѣстїю срѣца. ѿ ѿзвою оутровы неоудовъ ѿсцѣбною; ѿзвѣрѣли Искѣснѣтелѣе. ѿлїи Сѣжминаторове, поставлѣемыхъ въ Іерейство Людѣи ѿко сѣтныи Іерей ѣдва Славѣнскїи разѣмѣетъ ѿзѣкъ, невѣдѣи чѣто чѣтѣтъ въ Бжѣстѣннѣи Слѣжѣ съ погнѣбелїю своѣѣ ѿ порѣченнѣхъ Пастѣѣ ѣго дшѣ Крѣвїю Гѣда Бѣа ѿшго Тѣа Хѣ ѿскѣплѣннѣ сїеже все ѿскѣсно быѣтъ текѣщаго Гѣдѣ ѿ мнозѣѣ ѿрнновѣннѣи ѿ рѣкоположенїа на Іерейство сѣѣ ради винѣи ѿзвѣрѣтѣшасѣ. Сїа всѣа нераденїа да въ Россїи соединѣннѣи ѿскоренѣнна вѣдѣтъ Азѣбучнѣи Лѣзїкѣнѣ съ ѣгоже не тѣкмо до Іерейскаго Сѣнѣ готовѣцїи сѣ Людїе но ѿ самый Іерее въ Славѣнскомѣ ѿзоучѣннѣи ѿвѣрѣтѣсѣ ѿзѣкъ Сѣспраслскаго

Монастырь Тѣпомъ издаётся съ толкованіемъ словесъ неудобь раздѣлительныхъ».

Важное во всех отношениях свидетельство это, касающееся судеб церковнославянского языка в жизни восточнославянской униатской церкви, трактовалось и до сих пор трактуется учеными весьма своеобразно. Собственно абсолютное большинство авторов, ссылающихся на этот документ, никогда его не видело. Они просто воспользовались сведениями о нем, полученными из вторых или даже третьих рук, сведениями, восходящими к изначально неверному весьма одностороннему прочтению более чем вековой давности. Выводы же при этом делались весьма далеко идущие, не исключая и интегральных характеристик этнокультурной ситуации в униатской среде: «В чистом виде церковнославянский постепенно забывался и среди духовенства. Как констатировал в 1772 г. (так!) митрополит Л. Кишка, едва ли хотя бы каждый сотый иерей владеет им» [41]. Одним словом, налицо забвение того, что правильное прочтение документа предполагает обязательное знакомство с оригиналом или хотя бы с максимально точной его копией, возможно полное знакомство с обстоятельствами появления документа и, наконец, точный анализ его собственно текстового контекста, важнейшей составляющей которого в нашем случае служит словарная часть *Лексикона*, нисколько не интересовавшая историков ни столетие назад, ни сейчас [42].

Полный экземпляр *Лексикона* содержит 32 нумерованных листа и один ненумерованный, где приведен перечень опечаток («Omyłki Typografskie, znajdujące się w Lexikonie»). *Лексикон* отпечатан черной краской в два столбца. Его художественное убранство ограничивается простой концовкой растительного орнамента и такими же заставками и рамками. Все они повторяются и в других изданиях Супрасльской типографии как кирилловских, так и напечатанных латиницей. Основные шрифты текста – мелкий кирилловский и мелкий латинский (польский) курсив – часто встречаются во многих других супрасльских изданиях. Вслед за «Предисловием» идет основная, словарная, часть *Лексикона*. Она состоит почти из четырех тысяч «славенских» слов и примерно пяти тысяч объясняющих их польских слов и выражений. Там, где это необходимо в интересах максимальной точности передачи смысла «славенских» слов, приводится несколько поль-

ских определений (например, слово «Былие» поясняют три польских, далеко не однозначных по смыслу определения – «Ziele. Lekarstwo. Trucizna».) [43]. Иногда отдельные «славенские» слова поясняются целыми предложениями (например, слово «Акриды» – «Ziele, ktore z zioł rożnych smaki do siebie przyciąga».) [44]. Все слова в *Лексиконе* подобраны по признаку их наиболее частой употребляемости и в тоже время по признаку «неудобь разумительных», то есть наименее понятных в церковном обиходе. В нем содержатся имена существительные, прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия, местоимения, наречия, союзы. Супрасльский *Лексикон* заметно отличается от известных печатных словарей П. Берынды (*Лексикон славеноросский*, Киев, 1627 г. и его кутейнского переиздания 1653 г.) и Ф. Поликарпова (*Лексикон триязычный*, М., 1704), которые были использованы составителями супрасльского *Лексикона* [45]. Несомненно также, что составители его пользовались и рукописными лексиконами, количество которых стало особенно значительным к концу XVII в. [46]. Такие лексиконы имелись в библиотеках многих тогдашних белорусских монастырей, в том числе и в Супрасльской [47].

Однако использование составителями супрасльского *Лексикона* уже имеющихся материалов отнюдь не умаляет их работы. Издание *Лексикона* 1722 г. – труд специальный, потребовавший значительной подготовки, сил и знаний. Это подтверждают словарный состав *Лексикона*, не совпадающий полностью ни с одним известным нам печатным словарем, большее, нежели в известных нам лексиконах, количество слов на отдельную букву, изменение грамматических форм слов, изменение орфографии и ударений [48]. Такую работу мог проделать только опытный лексикограф или же несколько лиц, пользовавшихся как печатными так и рукописными материалами. Работа эта требовала и хорошего знания по крайней мере трех языков: церковнославянского, польского и отчасти греческого, а также знакомства, как это следует из текста самого словаря, с латинским и «русским» языками [49].

Сохранившиеся документы позволяют сделать некоторые предположения относительно тиража *Лексикона*. Особенно любопытен документ, подписанный 24 октября 1788 г. префектом Супрасльской типографии М. Осуховским, в котором излагается история распространения изданий типографии, отпечатанных по-

сле Замостского собора. Типография монастыря должна была отпечатать одобренные собором книги для десяти тысяч восточнославянских униатских церквей. Это делалось по инициативе Леона Кишки на монастырские средства [50]. Все мероприятия по распространению книг по епархиям монастырь успешно выполнил. Это касалось и *Лексикона*, в котором нуждалась униатская церковь. Мы не предполагаем, что отпечатанных экземпляров супрасльского *Лексикона* было достаточно для всех униатских церквей, так как в Супрасле было осуществлено одно его издание и тираж, учитывая технические возможности, вряд ли мог достигать десяти тысяч. Однако, в свете указанных фактов, а также роли, отводившейся *Лексикону*, очевидно, что тираж его был достаточно большим. Реализация тиража производилась, в основном, путем рассылки с книжного склада [51] по центрам епархий, откуда, в свою очередь, книги распределялись по приходам [52].

Собранные нами материалы свидетельствуют, что супрасльский *Лексикон* сыграл выдающуюся роль в поддержании герменевтической однородности белорусско-украинского литургического пространства в XVIII и XIX вв. Он получил широчайшее распространение в униатской среде. В XIX в. пользовались им и православные, причем не только те, кто недавно еще был униатом [53]. Супрасльский *Лексикон* оказался весьма ценным пособием как для непосредственного чтения произведений кириллической книжности, так и в деле изучения «славянского» языка в белорусской, украинской и польской среде [54]. Поражает не только широта распространения этого издания – от местечка Цехановца в нынешнем Подляшском воеводстве Польши, на самой западной границе бывшего Великого княжества Литовского, где по крайней мере с XV в. стоит Вознесенская церковь [55] до церквей гомельского благочиния на самой восточной границе бывшего Великого княжества Литовского, на нынешней границе Белоруссии с Россией [56]. Поражает особое отношение владельцев и читателей к этой книге, оставивших на ее страницах такое количество всевозможных записей и помет, анализ которых позволяет сделать множество выводов самого различного свойства и направленности. В частности, о функционировании в их среде церковнославянского языка, адекватности толкования тех или иных текстов, вплоть до отдельных выражений и даже слов; образован-

ности сделавших записи, их этнокультурной, религиозной и национальной ориентации, наконец, различных сокровенных симпатиях, не исключая и политические. Особое значение этот материал имеет, конечно же, для историка церкви и церковной культуры, в изучении которой светские исследователи не только у нас, но даже и за рубежом сделали пока что немного. Например, записи эти позволяют проследить в общих чертах судьбу такого интереснейшего явления, тесно связанного с церковной практикой, как восточнославянское «старостильничество» – подлинной terra incognita для современных культурологов, историков, этнологов и вообще гуманитариев, изучающих жизнь тех или иных народов, неким стержнем и ориентиром которых оно являлось.

Записи свидетельствуют, что в самое разное время, вплоть до XIX в. включительно, супрасльский *Лексикон* охотно покупался и перекупался порой за весьма высокую цену. Дефицит его экземпляров и все возрастающие потребности, то значение, которое придавали супрасльскому *Лексикону* иерархи восточнославянской униатской церкви и монахи-базилиане, объясняют факт его последующих переизданий [57]. В 1751 г. в типографии Почаевского монастыря была осуществлена первая перепечатка супрасльского *Лексикона*, припечатанного к *Богословию правоучительной*, а в 1756 г. там же – вторая. В 1804 г. в Почаеве осуществлено его переиздание отдельной книгой [58]. Супрасльский *Лексикон* – первый и в течение более чем столетия единственный печатный церковнославяно-польский словарь большого объема, активно использовался и при составлении иных подобных словарей. Упомянем только важный во всех отношениях *Приручный словарь славено-польский или Собрание речений славенских неудобь разуметьных, обретающихся в книгах церковных, на язык польский толкованных* (Лвигород, 1830) [59]. Впрочем, свое значение в качестве церковнославяно-польского словаря, необходимого для адекватного прочтения униатской кирилловской книжности и литературы XVI–XIX вв., супрасльский *Лексикон* не утратит никогда. Да и в наши дни, там где в среде православных активно используется польский язык, ставший по сути родным в Польше, отмечен опыт приложения этого словаря к учебнику церковнославянского языка [60].

В XIX столетии восточнославянское униатское литургическое пространство после ликвидации унии еще долго сохраняло многие свои знаки и атрибуты. Мы могли бы показать это ссылаясь на множество дошедших до нас архивных документов, нарративных источников и записей на тех или иных литургических книгах и экземплярах *Лексиконов*. Все перечисленное – колоссальная база данных. Для краткости же ограничимся цитатой из книги одного ученого – очевидца и исследователя событий тех лет, православного протоиерея профессора А.Ф. Хойнацкого (1836–1888): «... наследовав... церкви и приходы униатских иерархов, западноруссы вместе с сим наследовали от них и униатские богослужбные книги. И по этим книгам до последнего времени служили не десятки и сотни, а целые тысячи православных священников за тядного края России, – большею частью не обладая средствами приобрести книги православные, а иногда и прямо по одному простому непониманию униатских книг, их антиправославного характера и направления» [61]. Непонимание это не являлось случайным. Оно было связано прежде всего с сакрализацией церковнославянского языка, непрерывностью кирилло-мефодиевской культурной традиции, схожестью коммуникационно-трансляционных функций церковнославянской книжности и письменности. Не удивительно, что, как показывают наши наблюдения, в некоторых приходах официально перешедших на православие в 1875-м и даже в 1839 -м гг. служили по униатским книгам вплоть до конца XIX в., а в самых глухих уголках еще и в начале XX в.

1. Naumow A. Unia religijna jako rozdarcie kultury // *Slavia Orientalis*. 1993. № 2. S. 208.

2. См., напр.: Катанский А.Л. Очерк истории древних национальных литургий Запада. Спб., 1870; Cabbé R. Histoire de la messe: Des origines à nos jours. Paris, 1990.

3. *Katolicyzm: A-Z*. Poznań, 1989. S. 228.

4. См., напр.: Мечковская Н.Б. Кирилло-мефодиевское наследие в филологии *Slavia Orthodoxa* и языковые вопросы в русском православии XX века // *Славяноведение*. 2000. № 2. С. 3–17.

5. Лабынцев Ю.А. Интегральное исследование о белорусских и украинских «Литургиконах» XVI–XIX вв. // Бюллетень МАИРСК. 1992. № 26. С. 107–108.

6. См., напр.: Соловій М. Божественна Літургія: Історія-Розвиток-Пояснення. Рим, 1964; Ваврик М.М. До історії Службеника в Українській Католицькій Церкві в 2-ій половині 17-го ст. // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae*, 1979. Т. 16. С. 98–142; Он же. Службеник митр. К. Жоховського 1692 г. (Генеза й аналіза) // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae*, 1985. Т. 18. С. 311–341; Huculak L.D. *The Divine Liturgy of St. John Chrysostom in the Kievan Metropolitan Province during the period of the Union with Rome (1596–1839)*. Rome, 1990.

7. См. напр.: Narbutt O. *Historia i typologia ksiąg liturgicznych bizantyńsko-słowiańskich: Zagadnienie identyfikacji według kryterium treściowego*. Warszawa, 1979.

8. Нарис історії Василяського чину Святого Йосафата. Рим, 1992.

9. Brückner A. *Dzieje kultury polskiej*. Warszawa, 1958. Т. 3. S. 422.

10. *Historia Kościoła w Polsce*. Poznań; Warszawa, 1974. Т. 1. Cz. 2. S. 463.

11. В 1942 г. Украинская Католическая Церковь приняла новый текст службеника на церковнославянском языке.

12. См., напр.: Ohilewicz P. *Ecphonemata liturgiey greckiey*. Wilno, 1671.

13. Welykuj A. *Epistolae Metropolitanarum Cath. Kioviensium*. Romae, 1958. Т. 3. P. 74–75.

14. Модест, архим. Документы, относящиеся к истории Супрасльского монастыря // *Вест. Зап. России*. 1861. Т. 2. Вып. 7. С. 26.

15. Николай (Далматов), архим. Супрасльский Благовещенский монастырь: Ист.-стат. описание. Спб., 1892. С. 174–187.

16. Там же. С. 187–199.

17. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1900. Т. 12. С. 124.

18. См., напр.: Археографический сборник документов... 1870. Т. 9. С. 310–311.

19. Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32. С. 196.

20. Модест, архим. Указ. соч. С. 1–10.

21. *Летургикон*. Вильно-Супрасль, 1692–1695. Л. 5 об.

22. До наших дней сохранился его рукописный «**ЛІТУРГІКАРІОН** си єсть **СЛУЖБЕНИКЪ**», подаренный после смерти о. Самуила митрополитом Киприаном Жоховским Супрасльскому монастырю (см. запись последнего на титульном листе книги: «... Службеник... монастыреви Супраслкому папан року 1693 мєца август 13 дня» - Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Литвы. F.19-192).

23. Ваврик М.М. Служебник... С. 341.

24. Наши многолетние наблюдения над восточнославянской униатской книжностью показывают, что греко-католики уже в XVII в. начинают использовать в отдельных весьма немногочисленных случаях и греческий язык в некоторых молитвословиях. Все это касалось литургий в базилианских монастырях или же литургий, которые служились митрополитами и некоторыми униатскими епископами.

25. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 61.

26. Kulczyński I. Menologium bazylikańskie. Wilno, 1771. S. 5.

27. См., напр.: Карский Е.Ф. Белорусы. Пг., 1921. Т. 3. Ч. 2. С. 143.

28. См., напр.: Raporty generalnych wizytatorów szkół Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim (1782–1792). Wrocław, 1974.

29. См., напр.: Савич А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI–XVIII вв. Київ, 1929. С. 295–298.

30. См., напр.: Senyk S. The Education of the secular Clergy in the Ruthenian Church before the Nineteenth Century // *Orientalia Christiana Periodica*. 1987. № 53. P. 387–416.

31. См., напр.: Чистович И. Очерк истории Западно-Русской Церкви. Спб., 1884. Ч. 2. С. 378–382; Павлович С.К. Опыт истории Замойского униатского провинциального собора (1720 г.). Гродно, 1904; Зноско К. Латинизация православного Богослужения в Униатской церкви. Warszawa, 1932.

32. См., напр.: Lojacono P. Un tentativo di conciliazione tra Occidente latino e Oriente greco Considerazioni sul Sinodo di Zamist' // *L'Ucraina del XVII secolo tra Occidente ed Oriente D'Europa*. Kyiv–Venezia, 1996. P. 483–509.

Вообще географическая близость к Западу и миру *Slavia Latina* всегда оказывала самое непосредственное влияние на культурную жизнь белорусских и украинских земель, начиная с самого раннего времени. Все это прямым образом сказалось и на православной жизни, жизни Церкви. Изменения в сравнении с тем, что имело место быть в Московском государстве, оказались весьма заметными и в православной литургии и в целом в православном обряде. На это обращали внимание многие тогдашние выходцы из Московии по тем или иным причинам оказавшиеся вне ее границ. В еще большей степени это было заметно на примере прибывших в Московию деятелей православия с Украины и Белоруссии. Эту разницу, например, весьма ощущал московский перебежчик князь Андрей Курбский, произведения которого, апологетически православные по своей направленности, переписывались уже с внесением в кирилловскую графику чисто латинографических элементов (см.,

напр.: кирилловскую **w**, переданную как латинское **w** – Отдел рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. I.4071. Л. 391 и др.

33. См. решения собора: *Synodus Provincialis Ruthenorum habita in civitate Zamosciae anno 1720*. Romae, 1724 и другие издания; а также исследования, где особое внимание уделяется именно этому вопросу на соборе: Амвросий (Лотоцкий), архим. Взгляд православного на Замостский собор, бывший в 1720 году // Труды Киевской Духовной Академии. 1862. С. 396–427; Bilanych J. *Synodus Zamostiana an. 1720*. Rome, 1960.

34. Как показывают наши наблюдения, Льву Кишке принадлежит заслуга дальнейшей работы над униатским литургическим чином. Так в 1716 г. в Супрасле его стараниями был издан *Понтификал си ест Служебник Святительский*, кстати содержащий указание на необходимость пения некоторых молитвословий на греческом языке (см., напр.: л. 9 и 9 об. – «Святитель с священники, и диаконы поеть... Трисвято гречески», «Поему Трисвятому Гречески...» и т.д.). По инициативе Льва Кишки была начата и работа над новым изданием служебника, который стали печатать в Супрасле же в 1727 г.

35. Подробнее см.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. *Супрасльський церковнославяно-польський словарь 1722 г.* Минск, 1995.

36. См.: *Собрание припадков*. Супрасль, 1722. Л. 1 об.

37. Леон Кишка – автор многих книг, в том числе напечатанных в дорогом ему Супрасльском монастыре, в котором он создал крупнейший униатский издательский центр, знаменитый проповедник, знаток нескольких новых и древних языков, оставивший после себя многотомные воспоминания. Леон Кишка (светское имя Лука) родился в 1668 г. на Волыни. Учился в Бытенском монастыре, где в 1683 г. стал членом базилианского ордена, затем в Риме. Получив степень доктора теологии, в 1694–1696 гг. был профессором риторики и философии в базилианской школе во Владимире-Волынском, затем секретарем ордена базилиан, а с 1703 по 1713 гг. протоархимандритом. В 1711 г. Леон Кишка поставляется на владимирско-брестскую епископскую кафедру, а в 1713 г. избирается киевским митрополитом и исполняет эту должность до самой смерти в 1728 г., являясь одновременно и архимандритом Супрасльского монастыря.

Подробнее о Леоне Кишке см.: Недельский С. *Униатський митрополит Лев Кишка и его значение в истории унии*. Вильна. 1893; Дурбак Р. *Митрополіча діяльність Льва Кишки (1713–1728)*. Львів, 1939.

38. Николай (Далматов), архим. Указ. соч. С. 220, 329: *Археографический сборник...* Т. 9. С. 323–325.

39. Прочитируем фрагменты некоторых из них:

«Леон Кишка Божию и Святого Апостолскаго Фрону Милостию, архиепископ, Митрополита Киевский, Галицкий, и всея России, епископ Володимирский и Берестийский, Киевопечарский и Супрасльский Архимандрита. Понеже Святыи Собор Замоийский единому токмо, Общежителному Монастыреви Супрасльскому, повеле и изволи, издание типом Катехисмов, Падежей совести и деяний Собора Замоийскаго; сего ради да никтоже в свойственной си Типографии дерзнет нынешней сея книги, Падежей совести, Катехизму и Лексикону, типом изображати, под виною Клятвы, и утратою сидевых книг, взбраняем и завещаем. Писан в Супраслю дня 2 Месяца Генваря. 1722. Леон Митрополита, рукою власною» (Л. 1 об.).

«... собор ... узаконяет, дабы койждо презвитер, в вся дни недельныя по евангелии, и в иншыя часы удобнейшия, егда множество людей будут в церкви, научил их, яже ведати должны суть, да спасутся, от Кагихизму, его же, аще мало памятовати будут, чести в услышание всем может» (Л. 5 об.--6).

40. *Собрание* содержало «в себе науку о сакраментях, о десяти божиих приказанях, о приказанях церковных и науце христианской с выкладом символа или исповедания веры православныя кафолическия, с владом молитвы: Отче наш и Богородице дево, такожде науку, как подобает наставляти малых или невежов в веры православной» (Тит. л.). Последняя часть книги «о науке христианской» (Л. 137–152) была напечатана параллельно на «русском» и латиницей на польском языке.

41. Марозава С. Берасцейская унія і этнічная свядомасць беларусаў // Бел. гіст. агляд. 1996. Т. 3. С. 167.

42. Впрочем *Лексикон* никогда не привлекал должного внимания даже лингвистов (подробнее см.: Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Супрасльский... С. 29–31, 36–37).

43. Ср. толкование этого слова в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* (М., 1975). Вып. 1. С. 364), а также в *Лексиконе славеноросском* Памвы Берынды (Киев, 1627. Стб. 16).

44. Подробнее о толковании слова «акрида» в восточнославянских словарных источниках см.: Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977. С. 96–99, а в западнославянских – Kwilecka I. Niektóre osobowości leksykalne pochodzenia biblijnego i ich funkcjonowanie we współczesnej polszczyźnie // *Procesy rozwojowe w językach słowiańskich*. Warszawa, 1992. S. 101–106, 110–111.

45. Лексиконы эти имелись в богатейшей библиотеке Супрасльского монастыря (подробнее см.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX в.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998).

46. См., напр.: Суднік М.Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. Мінск, 1957. Вып. 4. С. 62–122.

Необходимо заметить, что примеры составления обратных, по отношению к нашему «славяно-польскому», словарей относятся ко второй половине XVII в., когда они были подготовлены выходцами из Белоруссии и Украины или же их учениками для «скорого ради... разумения» этих языков, то есть «польского и славенского», теми или иными лицами в Москве. Словари эти отлично сохранились, что, впрочем, не способствовало пока их более или менее подробному изучению (см., напр.: Witkowski W. Dwa rękopiśmienne słowniki polsko-cerkiewno-ruskie z XVII w. // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Pr. Językoznawcze. Kraków, 1961. Z. 4. S. 217–225; Дидиакин М., Стрекалова З.Н. Из истории русской лексикографии // Славянское источниковедение. М., 1963. С. 124–131). Впрочем, нужно подчеркнуть, что «славенский» язык этих словарей далеко не тождествен «славенскому» языку (церковнославянскому) нашего «Лексикона».

47. Подробнее см.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья...

48. Нельзя не привести прямо противоположные мнения по поводу характера ударений в нашем *Лексиконе*:

Ознакомившись с ним, профессор И. Огиенко, будущий митрополит Илларион, писал: «Ударение это... весьма отлично от московского церковного ударения как современного, так и давнишнего» (Огиенко І. Українська вимова богослужбового тексту в XVII віці: Нарис з історії укр. фонетики // ЕЛРІС. 1926. № 1. С. 32). Он же несколько позднее подтвердил уже им сказанное: «... в 1722 г. в Супрасльской типографии напечатали... церковнославянско-польский словарь, в котором ударение целиком было старым украинским... » (Огиенко І. Богослужбова мова в слав'янських церквах // ЕЛРІС. 1931. № 5. С. 43).

Иной взгляд на этот же предмет имел владелец *Лексикона*, живший за столетие до И. Огиенко, видимо склонный к сравнительному анализу церковно-образованный книжник, обитавший в местечке Крево на северо-западе современной Беларуси: «В сем *Лексиконе* ударение несходное с ударением Московской Киевской и Почаевской Типографии...» (запись на форзаце экземпляра «*Лексикона*», хранящегося в Научной библиотеке Вильнюсского университета. Р. 220). Книжник этот, а им предположительно был настоятель местной Успенской церкви о. Лев Зенкович, оставил на страницах *Лексикона* всевозможные свои дополнения, уточнения и исправления на польском и церковнославянском языках, касающиеся содержательной части издания.

49. Небольшую работу о польском языке в *Лексиконе* недавно опубликовал известный краковский славист, профессор Ягеллонского университета В. Витковский (см.: Witkowski W. O polszczyźnie bazylikańskiego słownika supraskiego z 1722 r. // *Słowiańskie pogranicza językowe: Zbiór studiów*. Warszawa, 1992. S. 209–213). Впрочем, наблюдения, сделанные ученым, далеко не бесспорны. Мы еще слишком мало знаем о так называемом «польском языке кресов», имеющим свою весьма долгую и запутанную историю, хотя бы абрисно отобразить которую пока не представляется возможным. Вот, например, как отзывался о природном польском языке, упоминавшегося уже современника Леона Кйшки патрона базилианского ордена К.С. Радзивилла, его опекун во время учебы в люблинском иезуитском коллегииуме К.А. Чихровский: «... książęcia Karola przy łacinie i do polszczyzny przyuczam, bo barzo po polsku vitiosissime mówił i nie wiem skąd contraxit mazowieckiej mowy sibillum, tał dalece, że się go aegerzime oduczycz może, co by mu i do francuskiego języka przeskadzało» (цит. по: *Polski Słownik Biograficzny*. Wrocław etc., 1987. T. 30. S. 240).

50. Экземпляры супрасльського *Лексикона* часто переплетались вместе с *Собранием припадков*, составлявшими некий необходимый для униатского духовенства в данный момент справочный корпус. Следует добавить, что два почаевских переиздания *Лексикона* 1751 и 1756 гг. были именно припечатаны к *Богословию нравоучительной* (особая редакция того же *Собрания припадков*) – они имеют общий с первой частью издания счет тетрадей и даже последние страницы первой части и первые страницы *Лексикона* отпечатаны на одном и том же листе и входят в одну тетрадь. Супрасльський *Лексикон* типографски полностью оформлен как отдельное издание.

51. Николай (Далматов), архим. Указ. соч. С. 567.

52. Археографический сборник... Т. 9. С. 323, 325, 391.

53. В настоящее время нам известно более сорока экземпляров супрасльського *Лексикона*; шесть из них – в собраниях Польши. Здесь они имеются в Библиотеке Народовой в Варшаве (2 экз. – W12638, Сур. 218 ad1), Курницкой библиотеке Польской Академии наук (инв. № 114573), Варшавской университетской библиотеке (4g 13.5.27в), Ягеллонской библиотеке в Кракове (инв. № 32498). Одиннадцать экземпляров находится во Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника (Ст -II-2541, 2543, 2545, 2552, 2553, 2641, 2645, 2647, 2649, 2651, 4454); семь экземпляров в Центральной научной библиотеке НАН Украины в Киеве (Кол. Попова, 49; Кир. 504 (комп. 2); Кир. 4310–4314); по четыре экземпляра в Российской государственной библиотеке в Москве (инв. № 2069, 2070, 4490, 6378), в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (VII.5.21 а-г), Научной библиотеке

Вильнюсского университета (инв. № 1323453, 1323454, 1323455, 201882). По два экземпляра хранится в Национальной библиотеке Беларуси (инв. № 094/4059, 094/4064), Российском историческом музее в Москве (Щап. 946, Меньш. 1786). По одному экземпляру *Лексикона* имеет Библиотека Российской Академии наук в Санкт-Петербурге (3236сп), расположенный там же Российский государственный исторический архив (№ 68), а также Львовский исторический музей (CD-273).

54. Отдельные экземпляры супрасльского *Лексикона* попадали и в русские библиотеки уже в XVIII в. (см. экземпляр Российской государственной библиотеки с инвентарным № 2069).

55. Родосский А.С. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. Спб., 1898. Вып. 2. С. 53.

56. См. запись на экземпляре *Лексикона*, хранящегося в Национальной библиотеке Беларуси в Минске (шифр 094/4059).

57. Лабынцев Ю.А. Первый славяно-польский печатный «лексикон» (1722) и его переиздания // Русско-польские связи в области книжного дела. М., 1980. С. 35–44.

58. Подробнее см.: Лабынцев Ю.А. Первый ...

59. Активно использовался супрасльский *Лексикон* и составителем такого остававшегося до недавнего времени в рукописи значительного лексикографического труда как словарь греко-католического священника с Покутья Федора Витвицкого (см.: *Słownik polsko-cerkiewnosłowiańsko-ukraiński Teodora Witwickiego z połowy XIX wieku* / Oprac. J. Dzendzeliwski; Red. J. Rieger. Warszawa, 1997).

60. Strach S. Krótka gramatyka języka cerkiewnosłowiańskiego. Białystok, 1994.

61. Хойнацкий А.Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужениях и обрядах. Киев, 1871. С. 40–41.

БѢЛЫЯГО ОБРАЗЯ

ЧИНЪ ИХЪ ВО ОТЪХЪ, СЪЩА НШОГО БАРБАЛА
БЕЛЫСАГО.

СЪЖЕ ЄСТЬ ОБЪТША ИНОУСКИХЪ,
ИЩЕБЪ, ПОСАДЪНІА, ЧНОТОУ.

НѢАЦЕМЪ МОЕ ПРЪ БГОМЪ И ЧЛВКЪМЪ ИГО
ВЪ ДАНІЕ; ТВОРИМОЕ,
Приевшими во Никѣтѣ лѣтѣ, и седмица шнѣ.

ДѢАВІШЮМЪ И ПЕРВЪ ДАНІЕМЪ ОБЪТШЕ
ИНОУСКИХЪ ПОДЪИТИ ПОЛЪХЪ, ВІАКЪ ДОЛЖИЪ ЄСТЬ
РЪ ПЕРЪ ВОЗДУЖІАЛА ШЪ ТРАПЪХЪ, И ЧИМАЪ ИСТА-
ХАНІА ПОДРЕКЪ, БАНКО МОЦНО, ПРИТИ ВЪ ЖИТИИ
СВОЕ; И ВѢ, ИЖЕ ОБЪМІНАЦІА СОВАТЬ ОБЪА-
ЦЕЪ, ПРИ ПЪАЪ ВЪ СОВАЦІИИ СЪЦА ШЪИТИИ
ХАННО ПОКАНІА.

ДОПЪКЪШЕ АУТЪ БУГІИ КО ТРОПЪШОМЪ
ПО БОХОДЪ, ПРОИХОДАТЬ БРАТІА ШЪ ПРЪТВОРА ХО-
ТЪЩАГО ПРАТИ БѢЛЫИ ОБЪАЪ, ИНОУСКИНА, И
ШЪЛОАНІА, ШЪРІВІНА ГЛАВОН; ИЖЕ КО ЧАКЪКЪМЪ
ПРИШАЪ БРАТІОМЪ, ТВОРИТЬ ПОКАНО Г: КО С: ТРА-
ПЪХЪ, И КО ПРОУГОТОВАШІМЪ ВЪ ДЪИТИИ ПОІА-
ДОВАНІА БАННОЦМЪ, ПРОІАЪ КЪРТАСЪАХЪМЪ ПРОТЪН-
РАТА НА ЗІМАМЪ, ДІАМОНЪКЪ (САЩУ ЄСТЬ) СОІАМЪ,
ІАН ШЪ ПЪОАЩУХЪ ОИМЪТЪ БРАТИИ БАННЪ, ПОГЪ
ТРОПЪ: ОБЪАТА ШЪ, Г: ШЪОЦІИ НАТНАА

ВОДЪШІА

Страница Последования постригу (Супрасль, 1697)

Л Е З Ъ Н К О Н Х

Сирѣчь.

СЛОВЕСНИКЪ СЛАВЕНСКІЙ

Имѣющъ въ себѣ,

СЛОВА ПЕРВЕ СЛАВЕНСКІА, АЗ-
БУЧНА, ПОСѢЖЕ ПОСІА.

Благотрѣнный къ выражѣнію СЛОВЪ
СЛАВЕНСКІХЪ,

ОБРѢТАЮЩИА ВЪ КНИГА ЦРКОВНЫ

ИЗЪОБРАЖЕНЪ.

Въ Тѣпобрафій Монастырѣ Общежителнаго
сѣпрѣскаго.

Рокѣ Бжїа дѣкѣ. Мѣца Генварѣ дна нї.

Титульный лист Лексикона сиреч словесника славенского
(Супрасль, 1722)

**ПОСЛАНЦЫ ПОДЛЯШЬЯ И КАНЦЛЕР Н.П. РУМЯНЦЕВ:
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ И. ДАНИЛОВИЧА
И О. МИХАИЛА БОБРОВСКОГО**

В сферу научных, политических и собирательских интересов государственного канцлера графа Н.П. Румянцева довольно рано было включено все то, что имело отношение к истории и культуре одного из крупнейших некогда государств Европы – Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, свидетелем агонии которого он оказался, будучи еще на дипломатической службе вдали от границ России. В должности Председателя Государственного совета, а также находясь на других должностях в империи и даже после отставки, особенно подолгу пребывая в Белоруссии, Н.П. Румянцеву постоянно приходилось сталкиваться с самым разнообразным наследием Великого княжества Литовского, положения основного правового документа которого, Литовского Статута 1588 г., действовали в западных губерниях России вплоть до 1840 г.

Не удивительно, что Н.П. Румянецв уже в молодости обратил внимание на особую значимость Великого княжества Литовского, населенного в абсолютном большинстве восточными славянами, в судьбах многих стран и народов Центральной и Восточной Европы и, прежде всего, конечно же, России. Со временем этот интерес канцлера становился все более целенаправленным. Так возникли и специальные приоритетные направления – выявление, изучение и собирание летописных и правовых памятников Великого княжества Литовского, создававшихся в русле общей восточнославянской кирилловской письменной традиции на старобелорусском языке – государственном языке Великого княжества Литовского.

К этой работе Н.П. Румянцеву удалось привлечь большое количество людей различных национальностей и специальностей, но, пожалуй, одно имя в данной связи представляет особый интерес – профессор Игнатий Николаевич Данилович, о котором во времена канцлера, да и много позднее, могли сказать и, в лучшем случае, говорили: «genthe Rutheni, natione Poloni».

В наши дни имя этого человека становится все более и более известным в Беларуси, Украине, Литве и Польше, в меньшей сте-

пени знают и помнят о нем в России, хотя именно в ее столицах и во многом ей во благо протекала значительная часть его деятельности. Как славист, преподававший в последние годы своей жизни в Московском университете, он даже не упомянут в специальной, недавно изданной монографии [1].

Будущий профессор Игнат (Игнатий) Николаевич Данилович родился 30 июля 1787 г. (по другим данным 1788 г.) в Грыневичах Великих на Подляшье (ныне Подляшское воеводство Польши) в семье настоятеля униатской Ильинской церкви. В десятилетнем возрасте в его судьбе большую роль сыграл его дядя пиар Михаил Данилович [2], с помощью которого он поступил в пиарскую школу в Ломжи, а затем в прусскую гимназию в Белостоке, где учился вплоть до 1807 г. В 1810 г. И. Данилович поступает на морально-политический факультет открытого в 1803 г. Виленского Императорского университета, а уже 20 июня 1811 г. фактически заканчивает обучение на нем в звании кандидата прав, и еще через год удостоивается ученой степени магистра права. Тогда же, в 1812 г., он исполняет должность секретаря при французском генерал-губернаторе Белостока, а затем, с 1814 г., начинает преподавать местное гражданское право в Виленском университете. Близкое знакомство с профессором И. Олдаковским, памяти которого И. Данилович посвятил одну из первых своих печатных работ [3], И. Лелевелем и другими способствовало поддержке его занятий местной письменной стариной.

В этот период в ученой среде Европы отмечается необычайно сильный всплеск интереса к проблемам живых народных языков, и, пожалуй, впервые столь отчетливо и громко ставится вопрос о белорусском языке. Его обсуждают все чаще и чаще уже в первые годы XIX в., причем сейчас довольно трудно сказать, кто же конкретно оказался инициатором этого, во всяком случае, едва ли им был А. Чарноцкий, как о том пишут некоторые исследователи [4]. Несомненно, что среди этих пионеров были такие личности, как С.Б. Линде [5], которому, кстати, принадлежит одна из первых обстоятельных работ о Статуте 1588 г., постоянно использовавшемся им в работе над фундаментальным *Словарем польского языка* [6], К.Ф. Калайдович, обратившийся к изучению белорусского языка еще в 1812–1813 гг., а затем напечатавший свои специальные заметки *О белорусском наречии и Краткий словарь*

белорусского наречия [7]; а также целый ряд других исследователей, большей частью упомянутых в особом разделе классического труда Е.Ф. Карского *Белорусы* [8].

Необходимо помнить, что в ту пору, в начале XIX в., одним из самых действенных способов распространения научных идей была ученая переписка, сохранившая свое значение вплоть до второй половины века, а в некоторых областях и позднее [9]. Ею пользовались для контактов с коллегами, живущими в других городах и странах. Переписка эта сохранила для нас, быть может, наиболее ранние и интересные сведения, касающиеся постановки вопроса о белорусском языке в ученой среде Виленского университета, к чему в той или иной мере уже на раннем этапе оказался причастен и И. Данилович, с детства знавший местную, так называемую «простую мову», на которой говорило его родное подляшское село.

Недавно напечатано утверждение, будто И. Даниловичу и другим его коллегам по Виленскому университету не было известно понятие «белорусский» [10]. На самом деле это совсем не так. Более того, их университетский сподвижник профессор И. Лобойко называет всю кирилловскую письменность Великого княжества Литовского «белорусской», строит обширные планы изучения «белорусского наречия» и «белорусской словесности» [11]. Без преувеличения, И. Лобойко можно называть едва ли не первым ученым-белорусистом, широко и однозначно употреблявшим термин «белорусский» [12].

Впрочем, среди близких к И. Даниловичу людей были и более или менее определенные противники подобных взглядов. Например, И. Лелевель, который в юношеские годы даже побывал в родных краях И. Даниловича, на Подляшье, где проводил свои первые в жизни научные исследования – изучал народную жизнь, местный фольклор [13]. Вместе с тем именно И. Лелевель на долгие годы становится, по сути, соавтором И. Даниловича в работе над памятниками права Великого княжества Литовского [14].

Относительно начала изучения кириллографических Литовских Статутов в научной литературе до сих пор не существует единого мнения. Несомненно, выдающееся значение оказали на этот процесс работы С.Б. Линде, прежде всего его одноименное исследование [15]. Собственно, как следует из многих фактов, интерес к

Литовским Статутом обнаружился у И. Даниловича уже во время учебы в Виленском университете, а возможно, и еще ранее, в период занятий в Белостокской гимназии и посещений Супрасля, где пребывал тогда его дядя [16]. В 1823 г. выходит в свет значительное исследование И. Даниловича в области археографии Литовских Статутов [17], о чем тотчас же публикуются сведения в столичной печати России и даже особый перевод этой работы с польского на русский язык [18].

Весьма важным моментом в жизни И. Даниловича было командирование его в 1817 г. университетом в Варшаву и Петербург сроком на один год для совершенствования в области правовых знаний. Кроме этих городов, в рамках научной командировки ему удалось в 1818 г. впервые посетить Москву, где он с успехом работал в архивах и библиотеках, собирая разнообразные материалы по истории Великого княжества Литовского.

Важнейшим моментом в научной карьере И. Даниловича стало приглашение в 1821 г. молодого адъюнкта кафедры русского гражданского и уголовного права и польско-литовских законов в создававшийся Комитет по уточнению перевода Литовского Статута и изучению местного права, осуществленное по поручению литовского генерал-губернатора А.М. Римского-Корсакова [19]. Одним из предшественников на поле деятельности этого комитета был известный польский историк и меценат Т. Чацкий, автор большого числа историко-правоведческих работ, и среди них исследование *О литовских и польских правах* [20], хорошо известных И. Даниловичу, многое почерпнувшему в материалах, собиравшихся Т. Чацким в различных уголках Центральной и Восточной Европы [21]. Работа И. Даниловича в Комитете совпала с рядом заметных событий в его жизни. Он начинает активно печататься в виленских изданиях, в 1822 г. становится экстраординарным профессором университета, а в 1823 г. – ординарным. Тогда же И. Данилович еще более сближается с И. Лелевелем, который всегда имел на него большое влияние. Вместе они готовят публикации ряда исторических документов, среди которых главное место занимают кириллографические *Литовские Статуты*. В университетской практике им удается привлечь на свою сторону часть студенческой молодежи, нередко привозившей из своих родных мест, населенных преимущественно белорусами, в том

числе и с Подляшья, древние кириллографические грамоты, рукописные и старопечатные книги [22].

Близость к студентам, среди которых было немало выходцев с Подляшья из таких же семей белорусского униатского духовенства, оказалась для И. Даниловича роковой. В 1824 г. в связи с известным делом филоматов-филаретов, дабы «пресечь дурное влияние», были уволены из университета профессора М. Бобровский, И. Данилович, Ю. Голуховский, И. Лелевель, что позднее нашло свой отзвук в *Дзядях* А. Мицкевича, одного из деятельных участников молодежного движения, также, как и все, подвергнувшегося репрессиям [23]. Подробные воспоминания об этих событиях оставил один из ближайших коллег И. Даниловича И. Лобойко [24], который приводит слова, сказанные И. Даниловичем одному из членов комиссии: «Ни в одном государстве нет такого суда, как ваш...» [25]. Для бывшего виленского профессора настали тяжелые времена. Однако заступничество государственного канцлера Н.П. Румянцева помогло быстро уладить все проблемы и избежать дальнейших преследований. В начале 1825 г. И. Данилович назначается в Харьковский университет, куда он приезжает через Петербург и Москву. Здесь он занимает кафедру российского и местного (провинциального) права, читает лекции по дипломатике, избирается деканом этико-политического отделения, собирает источники по истории Украины.

В это же время, с 1826 г., Кодификационная комиссия превращается во Второе отделение Собственной его Императорского Величества канцелярии, работу которого в 1828 г. возглавил М.М. Сперанский. Там продолжается изучение памятников литовско-польского права, и на повестку дня все чаще ставится вопрос о привлечении к этим занятиям такого специалиста, как профессор И. Данилович, опубликовавший и публикующий параллельно с деятельностью отделения все новые и новые труды по истории местного права, а также сами источники [26]. Весной 1830 г. Высочайшим повелением И. Даниловича переводят в Петербург в распоряжение Второго отделения, где ему поручают составление свода законов «для Западных губерний, присоединенных от Польши». Чуть ранее получивший разрешение вернуться в Вильно И. Данилович предпринимает успешную попытку занять на конкурсной основе свою прежнюю кафедру в Виленском универ-

ситете, чему реально осуществиться было не суждено [27]. В Петербурге И. Данилович много работает в архивах и библиотеках [28], вместе со своим учеником по Виленскому университету филоматом Ф. Малевским, близким другом А. Мицкевича [29], составляет *Свод местных законов Западных губерний* [30], предназначенных для Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Киевской, Подольской губерний, а также Белостокской области. По окончании этого объемного, в трех частях, труда И. Данилович был награжден орденом Св. Анны второй степени и в 1835 г. стал ординарным профессором Киевского университета по кафедре уголовного права и первым деканом юридического факультета. Позднее в Киеве для него создают специальную «кафедру местных законов западных, отделенных от Польши губерний» [31]. Находясь в Киеве, И. Данилович не утрачивает связи с М.М. Сперанским, занимается подготовкой к печати Литовского статута 1529 г. Попытки И. Даниловича осуществить его издание через Археографическую комиссию успеха не имели. Эта важная во всех отношениях работа была издана лишь в 1841 г. в Познани [32] и Обществом истории и древностей российских в 1854 г. в Москве [33]. *Свод местных законов* в 1838 г. был рассмотрен Государственным советом, однако ввести его в действие не пришлось. 25 июня 1840 г. последовал Высочайший указ, отменяющий действие *Литовского Статута* и дополнительных статей к нему в Западных губерниях [34]. В 1839 г. в связи с делом С. Конарского [35], расстрелянного в Вильне в феврале того же года, начались массовые увольнения с государственной службы лиц, подозреваемых «в польских симпатиях». Не избежал подобной участи и И. Данилович, отстраненный от преподавания в Киеве и назначенный ординарным профессором в Московский университет по кафедре законов благоустройства и благочиния и кафедре местных законов Западных губерний [36]. В Москве И. Данилович усиленно работал над составлением *Zbióra dyplomatów do historii Litwy*, которое он начал еще в Киеве [37]. Позднее *Zbiór* был издан в Вильне Я. Сидоровичем под названием *Skarbiec dyplomatów* [38] с помощью Н. Малиновского, известного историка и архивиста, филарета, знакомого А. Мицкевича и И. Даниловича [39].

В 1841/42 учебном году И. Данилович был переведен на кафедру гражданских законов Царства Польского и тогда же ввиду болезни был вынужден подать в отставку. В 1842 г. он покидает Москву и поселяется в Киеве, а затем едет на лечение в Силезию, где 30 июля 1843 г. умирает [40].

Профессор ведущих университетов Российской империи, член многих ученых обществ: Варшавского общества друзей науки, Московского общества истории и древностей российских, Копенгагенского общества северных антиквариетов и других, И. Данилович всю свою жизнь посвятил изучению древних письменных памятников Великого княжества Литовского, что постепенно и неуклонно влияло на его внутреннее самоощущение, национальную ориентацию, которая с детства, казалось бы, была определена происхождением, весьма конкретно названным крупнейшим современным историком Польши Ю. Бардахом так: «...плебей белорусского происхождения» [41].

«Даниловичу была свойственна некоторая влюбчивость в те памятники старины, изучением которых он занимался, и хотя это не мешало научному скептицизму автора, тем не менее накладывало настолько явную печать на шаткие политические убеждения Даниловича с несомненно польскими симпатиями, что есть основания считать его патриотом-литвином, гражданином государства, давно исчезнувшего, и человеком, из любви к памятникам истории служившим призраку XV–XVI вв.» [42].

Вот почему совершенно невозможно согласиться с мнением В.И. Пичеты, который, конечно же, не исследовав детально этот вопрос, ставил И. Даниловича в «ряд польских ученых» [43], тех, что «не могли обратить внимание на особенности исторической судьбы литовского и белорусского народов» [44].

После смерти И. Даниловича осталось большое число неопубликованных работ [45], хранящихся ныне в основном в Польше, России, Украине и Литве. Значительную их часть вместе с библиотекой И. Даниловича приобрел живший тогда в Киеве ученик С.Б. Линде К. Швидзиньский [46].

Уроженец Подляшья [47], где некогда собирал материалы для своей знаменитой *Хроники* М. Стрыйковский, И. Данилович и сам довольно рано оказался вблизи мест хранения тех же исторических источников. Знакомство с рукописными собраниями Супрас-

ля, обладавшего целым рядом памятников летописного характера, определило направление научных изысканий И. Даниловича в области истории летописания, стойкую увлеченность ими. В определенной степени к этому роду деятельности ученого примыкают и его разыскания в сфере дипломатики, одним из свидетельств чего является многолетняя работа над *Skarbcem diplomatów*, содержащим более двух тысяч документов или их изложений [48]. Вместе с тем *Skarbec*, как никакой другой из трудов И. Даниловича, отделяет его от той подляшской униатской традиции, в которой он первоначально воспитывался, с которой был кровно связан, также как и его земляк и коллега о. Михаил Бобровский, оставшийся не только целиком верным этой традиции, но и значительно развившим и укрепившим ее [49].

Следует помнить, что в развитии изучения истории и культуры народов Великого княжества Литовского, в начинании и организации этих исследований особая роль принадлежала почетному члену Виленского университета канцлеру Н.П. Румянцеву, посетившему в 1812 г. Вильну и установившему личные контакты с местной ученой средой. Его интерес, просьбы, рекомендации в значительной мере способствовали становлению в университете научно-исследовательских и дидактических программ, касающихся археографии, историографии и архивистики. Н.П. Румянецв способствовал также объединению местных научных сил, появлению исследовательских коллективов, один из которых включал И. Даниловича, И. Лелевеля, М. Бобровского, И. Онацевича и И. Лобойко. Именно они в мае 1824 г. при поддержке Н.П. Румянцева должны были начать работу по изданию одной из летописей, выявленных незадолго до этого в богатейшем собрании Супрасльского Благовещенского монастыря. Планам было не суждено осуществиться до конца из-за смерти канцлера, последовавшей в 1826 г., хотя работа все время продолжалась, преимущественно И. Даниловичем, постоянно просившим Н.П. Румянцева о той или иной помощи [50].

Тогда же за И. Даниловичем со стороны польских ученых закрепляется звание главного знатока так называемых «русских хроник», то есть древних восточнославянских летописей [51]. Первооткрывателем белорусско-литовских, по определению из-

вестного историка Н.Н. Улащика [52], летописей И. Даниловича считают и нынешние ученые [53].

В 1823 г. И. Данилович печатает свою первую большую работу о *Супрасльской летописи* и тогда же публикует ее фрагмент в *Dzienniku Wileńskim* [54]. Через четыре года он целиком издает эту летопись латиницей со своими комментариями [55]. Эта публикация становится первой в ряду изданий белорусско-литовских летописей [56]. Все последующие годы И. Данилович в той или иной мере продолжал изучение восточнославянских летописей и в 1840 г., незадолго до смерти, опубликовал значительный аналитический труд, названный им *О литовских летописях* [57]. Через год эта же работа с некоторыми изменениями и дополнениями была издана И. Даниловичем по-польски в виленском *Ateneum* [58], в ней он значительно усилил аргументацию своего мнения о том, что творцами белорусско-литовских летописей были жители Великого княжества Литовского, называемые им «краевцами», писавшие «всегда по-русски, а не по-литовски», ибо «язык руски» был «языком двора, науки, судопроизводства, законов, дипломатики». Этот язык, как специально подчеркивал Н.Н. Улащик, И. Данилович называл также «краёвым» и, в конце концов, собственно «белорусский язык называл литовским» [59]. Ввиду важности этого исследования И. Даниловича в 1841 г. в Петербурге оно было издано на немецком языке в переводе фон Ф. Лове [60].

В начальный период своей деятельности по изучению летописей И. Данилович в значительной мере пользовался советами и конкретной помощью о. Михаила Бобровского, одновременно с которым исследовал собрания Супрасльского монастыря. Собственно, без участия профессора Бобровского едва ли была бы опубликована И. Даниловичем и сама Супрасльская рукопись, которую монастырь предоставил ему благодаря ходатайству о. Михаила. В определенной степени М. Бобровский был разочарован публикацией И. Даниловича, ибо она была осуществлена латиницей, а не кириллицей, как того требовал оригинал.

Профессор М. Бобровский и сам хотел издать Супрасльскую летопись, причем, естественно, кириллицей, но этому всегда мешали обстоятельства [61]. За издание Супрасльской летописи латиницей, а не кириллицей, И. Даниловича резко критиковал другой его земляк-подляшанин профессор М. Коялович, называя

подобный подход «варварским делом» [62]. Подобная критика особенно показательна на фоне тех невероятных усилий, которые предпринял для публикации своих сочинений церковнославянским шрифтом еще один исследователь восточнославянских древностей, такой же выходец, как и все вышеуказанные, из униатской среды, связанный годами жизни с Подляшьем, И. Раковецкий. Для печатания своего знаменитого двухтомного труда *Prawda ruska*, увидевшего свет в Варшаве в 1820–1822 гг., он специально подыскал наборщиков и раздобыл церковнославянские шрифты типографии Супрасльского монастыря, которыми и напечатал соответствующие части своей книги. За этот труд он был награжден золотой медалью Императорской Академии наук [63].

Издание И. Даниловичем Супрасльской летописи латиницей оказалось явлением знаменательным, ибо оно отражало не столько трудности набора и печатания кириллицей, сколько особенности культурного состояния и исторического развития народов бывшего Великого княжества Литовского, когда «литовскость», по словам одного из крупнейших нынешних польских этнологов-славистов Р. Радзика, означала родовое происхождение, связь с краем, его обществом, историей, «литвинами считались те, кто были выходцами из социальных слоев Великого княжества Литовского, невзирая на этно-культурную принадлежность» [64].

В число деятельных участников Румянцевского кружка входил и замечательный белорусский медиевист о. Михаил Бобровский, один из зачинателей славяноведения, имя которого, в первую очередь, связывается с открытием им знаменитой Супрасльской рукописи XI в.

М. Бобровский был сыном униатского священника из Вольки Выгоновской о. Кирилла Бобровского (скончался в 1824 г.). «Михаил Кириллович, – писал его племянник П. Бобровский, – принадлежит к древнему роду чернорусских славян, занимающих юго-западную часть Гродненской [губернии]; на востоке черноруссы врезаются полосой через Беловежскую пушу мимо Полесья, между белоруссами и малороссами, достигая до Нового-родка (нынешнего Новогрудка). Предки Бобровских в XVII и начале XVIII столетия владели несколькими имениями в Дрогичинской или Дрогицкой земле, т.е. в стране между Дрогичином, Мельником и Бельском» [65].

В 1803 г. М. Бобровский поступает в Белостоцкую гимназию, которую заканчивает в 1806 г. «с наградой за отличные успехи серебряной медалью» [66]. В 1808 г. он поступает в главную духовную семинарию при Виленском университете, по окончании которой в 1812 г. получает степень магистра философии и богословия, а в 1815 г. после защиты диссертации его утверждают в должности профессора Св. Писания. В этом же году М. Бобровский принимает священнический сан. В 1817 г. Виленский университет решает послать его за границу для ознакомления с уровнем богословского образования за рубежом, чтобы поднять на должную высоту богословское образование в главной виленской семинарии. Выбор для этой цели именно М. Бобровского был не случайным, поскольку он отличался выдающимися способностями, особенно к языкам. «Кроме основательного знакомства с древними языками – греческим, латинским и еврейским и знания новейших иностранных языков – французского, немецкого и итальянского, Бобровский отлично знал церковно-славянский язык и развил свои филологические познания изучением древних славянских и русских рукописей и старопечатных книг» [67].

Отправленный Виленским университетом в пятилетнее научное путешествие по Европе, М. Бобровский посетил Вену, Прагу, Рим, Флоренцию, Болонью, Венецию, Триест, Милан, Турин, Феррару, Равенну, Неаполь, побывал в Саксонии, Баварии, Моравии, Далмации, Франции. Профессору-священнику М. Бобровскому удалось не только пересмотреть и скопировать интереснейшие исторические материалы, но даже составить каталог славянских рукописей Ватиканской библиотеки. Через несколько лет этот каталог был издан префектом библиотеки, кардиналом Анжелло Майи, с которым у М. Бобровского установились дружеские отношения.

В годы своего путешествия по Европе М. Бобровский постоянно знакомился со славянскими рукописями и печатными книгами, при возможности приобретал их. «Приобретение их за границу стоило больших жертв ученому профессору, который отказывал себе в последнем и нередко терпел нужду ради приобретения какой-либо ценной книги. Кроме славянских книг, Бобровский собрал за границу большое количество книг богословского содержания. Всего собрано было до 3000 книг» [68]. Он

собрал одну из самых значительных коллекций изданий, напечатанных глаголическим шрифтом, и оказался первым в мире крупнейшим их исследователем [69]. Современники с восторгом отзывались о познаниях М. Бобровского.

Во время своего пятилетнего пребывания за границей М. Бобровский знакомится с графом Н.П. Румянцевым (по некоторым данным, это произошло в Германии [70]). Знакомство имело дальнейшее продолжение. Библиофильские пристрастия профессора-священника М. Бобровского были сродни увлечениям канцлера графа Н.П. Румянцева, которого он не только консультировал и информировал о наличии книг, но и которому непосредственно помогал их собирать, часто посылал ему снятые с древнейших документов и рукописей факсимиле [71]. О наиболее примечательных своих находках М. Бобровский почти немедленно сообщал Н.П. Румянцеву, который до самой своей кончины «вел с ним переписку в самом дружеском тоне». Только смерть мецената-канцлера помешала белорусскому профессору издать самую драгоценную из них – Супрасльскую рукопись XI в. «За несколько месяцев до своей смерти Румянцев, думая издать Супрасльскую рукопись, поручил Востокову навести справку о ней у Бобровского... Протоиерей Бобровский собирался сам издать Супрасльскую рукопись, и не одну только ее, но и другие рукописи... » [72].

Профессор, как и канцлер, собирал книги с великой целью изучения славного прошлого своего народа. Отличительной особенностью библиотеки М. Бобровского было огромное число уникальных первопечатных книг, весьма древних рукописей и изданий XVI–XVIII вв. Ученый увлекался историей славянского книгопечатания и даже написал обстоятельное сочинение на эту тему, к сожалению, не дошедшее до нас, – *Историю славянских книгопечатен в Литве*. Открытые Бобровским памятники культуры, в их числе и одна из первых славянских книг вообще – *Супрасльская рукопись XI в.*, найденная им в Супрасльском монастыре, характеризуют его как удачливого археографа. Крупный славист и ориенталист, один из пионеров этих направлений в европейской науке, М. Бобровский всю жизнь посвятил «умножению плодов славянской литературы». Вот что писал хорошо знавший ученого П. Янковский: «Славянскую библиографией и историей книгопе-

чтения профессор Бобровский занимался с особой любовью и постоянством. Он был чрезвычайно опытен в чтении и определении древности старинных наших рукописей; на счет же времени и места издания книг почти не ошибался по первому взгляду. Богатыми своими библиографическими записками он делился охотно со многими учеными; в том числе и с московскими, с которыми, по званию члена тамошнего Общества истории и древностей, находился в деятельной переписке. Памятна, конечно, будет заслуга профессора Бобровского, оказанная истории русского книгопечатания: им-то пополнен в ней пробел о первых ее деятелях, московских типографщиках — диаконе Иване Федорове и Петре Тимофееве Мстиславце, бежавших в 1564 г. из столицы, пред изуверством черни. Бобровский проследил всю дальнейшую судьбу этих замечательных людей и описал порядком все их издания, как совместные, во время данного им Ходкевичем приюта в местечке Заблудове, так и отдельные потом: в Вильне, Львове и Остроге» [73].

По возвращении после пятилетнего пребывания за границей в 1822 г. М. Бобровский был назначен экстраординарным профессором Св. Писания и библейской археологии Виленского университета. В 1823 г. он получает степень доктора богословия и назначается ординарным профессором. М. Бобровский предлагает совету университета «совершенно новую программу для преподавания богословских наук в тесной связи с обучением восточным языкам, не исключая, разумеется, славянского» [74]. Постепенно он становится признанным знатоком славянских древностей, одним из зачинателей славяноведения. Несмотря на все трудности и превратности жизни, в конечном счете ему удается сделать для своего народа очень многое.

Он «был первым преподавателем славянской литературы в России, и граф Сперанский в 1833 г. намерен был ему поручить составление сравнительного славянского словаря» [75].

Углубляясь в изучение церковнославянской письменности и истории книжной культуры родного края, М. Бобровский стоял у истоков этнокультурного возрождения белорусов, по сути, став его предтечей. Будучи одним из первых в истории славистов-археографов, он обогатил науку находками многих культурных памятников мирового значения. Он же оказался деятельным спо-

движником исследовательского движения, которое по праву можно назвать «Румянцевским». «Душой этого движения, – как писал В.О. Ключевский, – был человек, имя которого блещит одной из самых светлых точек в тусклом прошлом нашего просвещения. То был граф Н.П. Румянцев. Сын екатерининского героя, министр коммерции и потом государственный канцлер Александра I после Тильзитского мира, ... образованный русский вельможа, воспитанный в духе просветительных космополитических идей XVIII в., граф Н.П. Румянцев на склоне жизни стал неутомимым собирателем ее памятников, ... неутомимо собирал и собрал коллекцию рукописей, составляющую лучшую часть рукописных сокровищ Румянцевского музея, в которой он сам видел свое настоящее богатство... . Культ разума, в котором он был воспитан, превратился у него в почитание чужого ума, учености и таланта» [76].

Не случайно именно в кругу деятелей Румянцевского кружка, своего рода Румянцевской академии наук, столь широко и однозначно стал употребляться термин «белорусский», по-настоящему впервые был поставлен вопрос о существовании особого «славянского языка» – белорусского, наконец, началось широкое изучение и подлинное историко-культурное открытие миру самой Белоруссии.

1. Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997.

2. I.K. O postępach dobroczynnych x.proboszcza w Surazū // Dzieje Dobroczyńności. Wilno, 1820. S. 97–100.

3. Daniłowicz I. Wiadomość o życiu i pracach uczonych Ignacego Ołdakowskiego. Wilno, 1822.

4. См., напр.: Аксамітаў А.С., Малаш Л.А. З душой славяніна: Жыццё і дзейнасць З.Я. Даленгі-Хадакоўскага. Мінск, 1991.

В энциклопедии *Беларуская мова* (Мінск, 1994) помещены утверждения А.С. Аксамитова о том, что «впервые в славянском языкознании Доленга-Хадаковский выделил белорусский язык из других славянских языков...», «впервые среди славянских ученых... обратил внимание на исторические памятники белорусского языка (издания Статута Великого княжества Литовского, Радзивилловские грамоты 17 в. и др.)» (С. 173–174). На самом деле это далеко не так. Белорусский язык, названный

А. Чарноцким «крывицким», а тем более его памятники стали изучаться гораздо ранее, причем среди архивистов и монастырских книжников традиция такого изучения не прерывалась, по сути, никогда, и именно она во многом и дала импульс к появлению, а кое в чем всего лишь возрождению интереса к живому белорусскому языку и его многовековой истории.

5. Нам представляется важным, что С.Б. Линде, происходивший из немецкой протестантской семьи, библиотекарь и филолог, имевший постоянный доступ к огромной источниковой базе в виде знаменитой Библиотеки Залусских и других, оказался, хотя и опосредованно, причастным к знакомству с упомянутой выше традицией (см. сноску 4).

Одна из лучших работ о вкладе С.Б. Линде и польской филологии в разработку данной проблематики принадлежит И. Олехновичу. См.: Olechnowicz M. Polscy badacze folkloru i języka białoruskiego w XIX wieku. Łódź, 1986.

6. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807–1814. Т. 1–6.

7. Калайдович К. О белорусском наречии // Труды Общества любителей российской словесности. М., 1822. Ч. 1. С. 67–80.

В то время К.Ф. Калайдович вполне осознавал, что он является, пожалуй, одним из первых в ученом мире, кто поднимает вопрос о белорусском языке. В указанной работе он, в частности, писал: «Намерение, руководствовавшее меня к написанию статьи сей, состояло в том, дабы обратить на столь важный предмет внимание самих Белорусцев, которые вернее и лучше могут исследовать свое наречие и помощью оного объяснить древний язык наших памятников» (С. 80). В той же работе К.Ф. Калайдович дает такое важнейшее пояснение относительно разграничения белорусского и украинского языков: «Из всех наречий языка Славянского, далеко уклонившихся от общеупотребляемого в России, и известных в одной части нашей пространнейшей Империи, достойны внимания Филолога Малороссийское и Белорусское. Первое давно уже получило свой особенный характер. Сим наречием в конце XVII века написана сокращенная Волынская хроника Игуменом Феодосием Софоновичем; потом Малороссийский Летописец, с объяснением в последствии нескольких слов Гм. Туманским, в его Российском Магазине; в недавнее время появилась целая поэма Енеида, перелицованная Гм. Котляревским, с большим уважением принятая Малороссиянами, к которой присовокуплен краткий, но довольно хороший словарь сего наречия; и наконец в новейшее время изложены правила оного, вместе с словарем Гм. Павловским (СПб. 1818). На второе же, Белорусское наречие досель никто не обратил внимания, хотя оно весьма того достойно.

Под именем Белорусского наречия разумею мы слог живших в Белоруссии, Малороссии, Литве и Польше Благочестивых, Католиков и

Униатов. Это наречие есть смесь из языков Славяно-Русского, Польского, Немецкого и частью Латинского, составившаяся в то время, когда от влияния Польской словесности забывали чистый язык Славянский. Духовные и светские писали на сем наречии, именуя оное языком Руським, с XVI до истечения XVII столетия, почти все свои богословские. поучительные сочинения и дипломатические бумаги, употребляя в письме и печати известные начертания церковной Славянской азбуки. Древнейший пример изменения чистого языка Славянского, принявшего чуждые слова и речения, составившие в последствии наречие Белорусское, находится в переводах Доктора Франциска Скорины некоторых книг Ветхого Завета (Прага. 1517–1519)».

8. Карский Е.Ф. Белорусы. Т.1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903.

9. В свое время нам пришлось специально заниматься этими вопросами в связи со становлением филологической науки в Польше, России, Беларуси, Украине и Литве, чему, в частности, была посвящена магистерская диссертация. См.: Łabunczew J. Literatura rosyjska XVII – początku XVIII wieku w opiniach polskich slawistów (1800–1918). Wrocław, 1976.

10. Хаустовіч М. Забытаныя карані: Яшчэ пра беларускую нацыянальную ідэю // ЛіМ. 1995. 25 студз. С. 5, 12.

11. Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н.П. Румянцевым. М., 1864. С. 41, 45, 46, 88.

12. В переписке с о. Иоанном Григоровичем И. Лобойко подчеркивал, что с помощью Н.П. Румянцева ему удастся, наконец, показать обширную «область» знания, которую он стремился выделить и описать «под именем белорусской словесности», и благодаря всей этой работе «белорусская словесность еще при жизни» его «из мрака забвения с таким достоинством выступает на свет» (Указ. соч. С. 46).

И. Лобойко, кстати, консультировал по многим белорусоведческим вопросам упомянутого выше А. Чарноцкого.

13. Korotyński L.S. Piętnastoletni J. Leleweł jako pierwszy zbieracz piosnek ludu w roku 1801 // Księga pamiątkowa na uczczenie setnej rocznicy urodzin Adama Mickiewicza. Warszawa, 1898. Т. 1. S. 83–92.

14. В этом творческом тандеме роль И. Лелевеля польскими учеными, пожалуй, преувеличена. См., напр., 10-й том трудов И. Лелевеля, в котором помещена специальная статья Г. Ловмянского «И. Лелевель как историк Литвы и Руси»: Leleweł J. Dzieła. Warszawa, 1969. Т. 10.

15. Linde S.B. O Statucie Litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość. Warszawa, 1816.

16. Свидетельства самого И. Даниловича о занятиях Литовскими Статутами в 1815–1830 гг. приведены в его переписке с И. Лелевелем, помещенной в т. 4 *Ateneum Wileńskim* в 1929 г.

Библиотека Супрасльского Благовещенского монастыря, обладавшая огромными массивами самой разнообразной европейской книжности, включая и Литовские Статуты (подробнее см.: Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998), оказалась для И. Даниловича неисчерпаемой сокровищницей в его исторических и археографических штудиях.

17. Daniłowicz I. Opisanie bibliograficzne dotąd wiadomych rękopisów i drukowanych egzemplarzy Statuta Litewskiego // *Dziennik Wileński*. Wilno, 1823. Т. 1. S. 377–398; Т. 2. S. 1–18, 162–177, 261–293.

18. Соревнователь Просвещения. 1823. № 22. С. 304–360.

19. Комитет входил в состав особой государственной кодификационной комиссии. Началом его работы стало образование в 1804 г. в составе комиссии особого отдела польских и литовских прав, возглавляемого А. Повстанским (См.: Нольде А.Е. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Спб., 1906. Т. 1). Отдел издал несколько своих работ, в их числе две редакции *Ручного словаря или краткого содержания польских и литовских законов* (Спб., 1808 и 1810), а также набранный параллельно на русском и польском языках *Статут Великого княжества Литовского, перевод с польского* (Спб., 1811. Т. 1–2), сделанный по познанскому изданию 1786 г. Наступивший вслед за началом войны 1812 г. перерыв в работе комиссии по изучению местного права продолжался почти целое десятилетие. В этот период появились работы, прежде всего, С.Б. Линде, в которых ставился вопрос об особой ценности кириллографических оригиналов *Литовских Статутов*, необходимости их всестороннего исследования и даже издания. В 1821 г. распоряжением Председателя Совета Министров князя П.В. Лопухина С.Б. Линде вводят в состав комиссии на правах члена-корреспондента. В мае 1822 г. создается специальный Комитет по уточнению перевода Литовского Статута, в состав которого, помимо И. Даниловича, входили К. Контрым (секретарь), И. Лелевель, И. Лобойко и Я. Зноско (председатель), все – представители Виленского университета.

20. Czacki T. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 r. wydany. Warszawa, 1800–1801. Т. 1–2. Фрагмент этого сочинения был опубликован в 1811 г. в петербургском журнале «Улей», издававшимся В.Г. Анастасевичем.

21. Подробнее о деятельности Т. Чацкого см.: Słownik pracowników książki polskiej. Warszawa; Łódź, 1972. S. 135–136.

22. Skarbiec dyplomatów... Ignacy Daniłowicz. Wilno, 1860. T. 1. S. IV.

23. Необходимо заметить, что в этом движении принимало участие большое число этнических белорусов с Подляшья, западных и центральных районов нынешней Белоруссии. Одной из целей движения было «в меру сил способствовать просвещению народа» и собирание различных исторических, фольклорных и иных материалов, способствующих постижению состояния и потребностей общества, свидетельством чего может служить специальное пособие, изданное Обществом филوماتов *Opis geograficzny, czyli instrukcja do układania opisu parafii* (Wilno, 1821).

Вполне закономерно, что в 1998 г. в Минске в серии «Беларускі кнігазбор» была издана книга *Філатомы і філарэты*, составленная К. Цвиркой.

24. Łobojko I. Wspomnienia o procesie Filaretów // Kwartalnik Inst. Polsko-Radzieckiego. 1953. Z. 2/3. S. 107–133.

25. Там же. С. 132.

26. См., напр.: Statut Kazimierza Jagiellończyka, pomnik najdawniejszych uchwał litewskich z XV wieku, wynaleziony i drukiem ogłoszony staraniem Ignacego Daniłowicza profesora w Cesarskim Uniwersytecie Charakowskim. W rosyjskim języku, rosyjskimi i łacińskimi literami i po polsku. Wilno, 1826.

27. Wołoszyński R. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa, 1974. S. 427.

28. Русский биографический словарь. Спб., 1905. Т. 6. С. 73–74.

29. А. Мицкевич и Ф. Малевский познакомились, скорее всего, в 1815 г., сразу же по поступлении поэта в Виленский университет. Они даже жили в одном доме (см.: Dernałowicz M., Kostenicz K., Makowiecka Z. Kronika życia i twórczości Mickiewicza: Lata 1798–1824. [Warszawa], 1957. S. 84).

30. Данилович И., Малевский Ф. Свод местных законов Западных губерний. Спб., 1837; Данилович И., Малевский Ф., Сперанский М. Обозрение исторических сведений о составлении свода местных законов Западных губерний. Спб., 1837.

31. Подробнее см.: Иконников В.С. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Университета св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884. С. 147–173.

32. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 Tudzież rozprawę sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841.

Г. Ловмянский, подчеркивая роль И. Лелевеля в этом издании, называл его «лелевелевским», что, конечно же, несправедливо (Lelewel J. Dzieła. Warszawa, 1969. Т. 10. S. 15).

33. Старый Литовский Статут 1529 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1854. Кн. 18. С. 1–106.

Совершенно невозможно согласиться с Г. Ловмянским в том, что познаньское издание Статута 1529 г., напечатанное, кстати, латиницей, а не кириллицей, как должно было бы быть при воспроизведении оригинала, «сохраняло роль лучшей его публикации вплоть до 1960 г., когда появилось его критическое издание» (см.: Lelewel J. Dzieła. Warszawa, 1969. Т. 10. S. 15). Скорее всего, такое значение имело московское издание 1854 г., впрочем, такое же значение имело и до сих пор имеет и московское издание второго *Литовского Статута* 1566 г., напечатанное Московским обществом истории и древностей российских в 1855 г. (см.: Статут Великого княжества Литовского 1566 г. и поправки статутные 1578 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1855. Кн. 23. С. 1–242).

См. также: Пташицкий С.Л. К вопросу об изданиях и комментариях Литовского Статута. Спб., 1893; Ehrenkrentz s. Stan badań nad statutami litewskimi // Ateneum Wileńskie. 1924. Z. 7–8. S. 289–349; Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960; Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970; Лазутка С. I Литовский Статут – феодальный кодекс Великого княжества Литовского. Вильнюс, 1973; Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989.

34. ПСЗ. Т. 15. № 13591.

35. Kwiatkowski W. Szymon Konarski na tle swej epoki. Wilno, 1939.

36. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета. М., 1855. Т. 1. С. 287–290; Runo. Polacy w Uniwersytecie Moskiewskim // Znicz. Moskwa, 1905. S. 42.

37. Эту объемную рукопись И. Даниловича купил у его вдовы Е. Тышкевич и подарил вместе со своими собраниями Археологической комиссии при Виленском музее древностей, который он сам же и основал (см.: Krzyżanowski S. Eustachy hr. Tyszkiewicz i jego prace. Lwów, 1873).

38. Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1938. Т. 4. S. 413–414; Skarbiec dyplomatów... do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusy Litewskiej i ościennych im krajów / Zebrał... Ignacy Daniłowicz. Wilno, 1860–1862. Т. 1–2.

39. Janowski L. Słownik bio-bibliograficzny dawnego Uniwersytetu Wileńskiego. Wilno, 1939. S. 269–271.

40. Похоронен И. Данилович в Грефенберге (ныне Есеник в Чехии).

41. Bardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 71.

42. Русский биографический словарь. С. 75.

43. Любопытно, что в этом ряду всего три фамилии «Ярошевич, Балинский, Данилович». Все они по происхождению так или иначе связаны с белорусским этносом или же родились на землях современной Беларуси. По своим взглядам они были достаточно близки, причем старшим из них являлся И. Данилович, младшим – его ученик по Виленскому университету М. Балинский.

44. Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961. С. 429.

Известный современный польский ученый Б. Белокозович вообще пишет о том, что И. Данилович «многого сделал для позднейшего роста белорусского национального самосознания» (см.: Białokozowicz B. U źródeł kształtowania się powożytniej białoruskiej świadomości narodowej // Białoruskie Zeszyty Hist. Białystok, 1995. N 4. S. 46; Ten że. Między Wschodem a Zachodem: Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej. Białystok, 1998. S. 52.), и, таким образом, польская сторона в лице ее самых авторитетных ученых уже не только не склоняется к безоговорочному зачислению И. Даниловича в число не обративших «внимания на особенности исторической судьбы литовского и белорусского народов», но и подчеркивает его «белорускость».

45. Частично они перечислены в *Словаре* Л. Яновского (см.: Jąkowski L. Słownik... S. 89–94).

46. Słownik pracowników książki polskiej. S. 891–892.

47. Летом 1998 г. впервые прошла научная конференция, посвященная И. Даниловичу. Ее организовало и провело на Подляшье Белоруское Историческое Общество (Польша).

48. Документы или же их изложения касаются «истории Литвы, Литовской Руси и соседних им земель» с VIII в. до 1569 г. Материалы эти далеко не равнозначны, основным языком публикатора является польский (комментарии, замечания, переводы, изложения и т.д.), все тексты воспроизведены латинской (польской) графикой, даже кириллографичные.

Очень интересна оценка *Skarbca*, данная одним из крупнейших белорусских историков и археографов нашего времени Н.Н. Улащиком: «Как в Собрании Круковича, так и в Скарбце Даниловича проводилась идея, что Литва не была ни православным, ни русским краем» (см.: Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 62). То же почти дословно сказано и в новейшей работе украинского археографа В.И. Ульяновского: «...як і в збірнику Круковича, чітко проводилася ідея, що Литва і Велике князівство Литовське... не були ні суто православним, ні суто руським (у розумінні російському) краєм» (см.: Ульяновський В. «Русское дело в Северо-западном крае» через призму історії магнатських архівів Сапег та Радзивілів. Київ, 1998. С. 36).

49. В последние годы на самом Подляшье белорусская научная и литературная общественность все чаще говорит о значимости этой традиции, сколь-либо серьезно не изученной до сих пор. Пожалуй, более всего для ее исследования сделал П.О. Бобровский (1832–1905), племянник о. Михаила Бобровского. В этой связи интересны все его работы, включая и двухтомную *Гродненскую губернию* (СПб., 1863), а также *Антоний Юрьевич Сосновский* (Вильна, 1890), *Упразднение Супрасльской греко-униатской епархии и восстановление Виленской митрополичьей епархии* (Вильна, 1890), *Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I* (СПб., 1890) и др. Необходимо отметить, что многие слагаемые этой традиции оказались весьма долговечными и, по сути, сохранились до наших дней.

50. Из переписки канцлера графа Н.П. Румянцева. СПб., 1893. С. 52, 55–56).

51. Gołębiowski L. O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach // *Pamiętniki Umiejętności Sztuk i Nauk*. 1826. Т. 3. S. 58–60.

52. «Белорусско-литовскими, – писал Н.Н. Улащик, – называются летописи, в которых изложена история Великого княжества Литовского и которые написаны на территории этого государства» (см.: Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 3).

53. См. там же: «Если взять за исходное публикацию И.Н. Даниловичем Супрасльской летописи (1823–1827), то окажется, что издание продолжается почти 160 лет. Срок весьма основательный, однако сделано в этой области очень немного» (С.4). «Первым исследователем белорусско-литовского летописания был И.Н. Данилович...» (С. 9).

См. его же «Открытие и публикации Супрасльской летописи» (*Летописи и хроники*, 1976 г. М., 1976. С. 203–214).

54. *Latopisiec litewski na początku XVI w. przez bezimiennego pisarza w ruskim języku ułożony, wyjęty z rękopisu 1520, obejmującego dzieje rusko-litewskie, poraz pierwszy dosłownie łaćnińskimi literami do druku podany* // *Dziennik Wileński*. 1823. Т. 3. S. 241–265, 369–413.

55. *Latopisiec Litwy i Kronika ruska*. Wilno, 1827.

56. Улащик Н.Н. Введение... С. 29.

57. Опубликовано в Журнале Министерства Народного Просвещения. (1840. № 11. С. 70–114).

58. *Wiadomość o właściwych litewskich latopisach* // *Athenaeum*. 1841. Т. 6. S. 13–62.

59. Улащик Н.Н. Введение... С. 13.

60. *Über die litanischen Chroniken*. Petersburg, 1841.

61. Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998. С. 65–69.

62. Коялович М.О. История русского самосознания. Минск. 1997. С. 65.

63. Подробнее см.: Лабынцев Ю.А. Кирилловское книгопечатание в Супрасле и его роль в развитии восточнославянских культур конца XVII–XVIII веков. М., 1980 (машинопись дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук).

64. Radzik R. Ewolucja narodowa społeczności Kresów Wschodnich // Kultura i Społeczeństwo. 1991. N 2. S. 59–62.

65. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский (1785–1848) ученый славист-ориенталист: Ист.-биогр. очерк. Спб., 1889. С. 12.

«Чернорусом» П.О. Бобровский называет М.К. Бобровского в духе тех научных определений, которые были характерны для авторов второй половины XIX в. Название «Черная Русь» встречается уже в прусских и ливонских хрониках XIV в., и «чернорусы» относятся в основном к западнобелорусским землям XIV–XVIII вв.

66. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский... С. 36.

67. Бобровский П.О. К биографии М.К. Бобровского (славянского филолога-ориенталиста). Спб, 1890. С. 23.

68. Цит. по: Бобровский П.О. К биографии М.К. Бобровского ... С. 36.

69. Лабынцев Ю.А. Первая книга, напечатанная глаголицей, и ее исследователь Михаил Бобровский // Сов. славяноведение. 1983. № 4.

70. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский... С. 18.

71. Там же. С. 57.

72. Бобровский П.О. Судьба Супрасльской рукописи, открытой доктором богословия, магистром философии и филологии М.К. Бобровским: Ист.-библиогр. исслед. Спб. 1887. С. 56.

73. Янковский Пл. Протоиерей Михаил Бобровский // Лит. епарх. ведомости. 1864. № 2. С. 53–54.

74. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский... С. 58.

75. Бобровский П.О. К биографии М.К. Бобровского... С. 20.

76. Ключевский В.О. Юбилей общества истории и древностей российских // Ключевский В.О. Собрание сочинений. М., 1989. Т. 7. С. 399–400.

Граф Николай Петрович Румянцев

Профессор Игнатий Данилович

Профессор о. Михаил Бобровский

СВАТААГО ОУСТАНАША ЕГИПШАНА ЗЛАТОУСТААГО СЛОВО
НА ВЪБАННУЖ :

ОУЗУОУДЕИХЪ КЪ ТОУДЕ СЕМЬ ГОСПОДИМЪ МЪ
ХЪ И МЪ БРАТНИИ . И ДО НА ДЪ МЪ ЛКЪ И ОУТЪ
СНАЗИНА СНАЖ . И НОЖЕ БОКЪ ВЪ РИГАХЪ ЗЛА
ТАХЪ . ПРИ ТОИ ЗЦА РОУГЪ ДРОУЗЪ СЪ ПЛЕ
ТЕНЪ . И АНО КАНОВО ДРЪНТЪ СЪ ПЛЕТЕ
НИИ ХЪ КОЖДО . СЪ ВЪЗКОУ ПЛЕНОЖЕ КОИ
ЖА ДО ^{КОЖДО} ~~КОЖДО~~ . И ПРОАЛЖА ИМОЕ СЪТЪ .
И СНЦЕ И СВАТЪ И ХЪ ЕУАГГЕЛНИ ТОУДЕ СА .
ДРОУГЪ ОУТЪ ДРОУГА МА ПРАВЪ ИАЖЪТЪ . ПРА
ЗЪ И КОМЪ ЛЮБЕНЕ ЖЪ ЦРЪКЪ ВЪ ХРИСТО
СОВОУЖ ВЕСЕЛАТЪ . НЕ ПОГЪБА ИАЖЪ ТЕИ ПИ
ШТЕИЖ . НА ПРЪЗЫВАИЖЪ ШТЕИЖЪ ВЪ ЖИЗНИ
ВЪ ТИИ ИА . (ѣ . III) ОУБЪ ИМЪ И ВЪЗАЮБЪ ИНИИ .
ОУГОТОВАНОМЪ СРЪДЪЦЕМЪ . И ОУШНИМА ДОБРЕ
СЪЗНАШАТЕМА . СЪЗНАШИМЪ ТО ГЛАГОЛЕТЪ
НАМЪ ГОСПОДЬ ГОСПОДЬ . (ѣ . ѿ) А ВЪ ПРОВОУХЪ И ВЪ
ЕУАГГЕЛНАХЪ . О СВАТЪ БМЪ СЕМЬ ПРАЗЪ ИНИ
ЦЪ . ГЛАГОЛАТИ КЕ ОУТО (III) ИМАТЪ ИМЪ РЪКАЛО
АХЪ СКОИ ХЪ . И КА ПРЪ ПОДЪ ВЪЗНИИ ХЪ СИ .

Копия Супрасельской рукописи XI в., сделанная рукой
о. Михаила Бобровского

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашему исследованию, необходимо прибегнуть к некоторым сравнениям. Без них невозможно будет достаточно точно представить себе роль литературы белорусов Польши в общепольской литературной жизни XV–XIX вв., а для некоторых моментов и даже целых периодов и для восточнославянской и отчасти общеславянской. При этом, естественно, мы исходим из факта непрерывности и сообщенности литературного процесса в данной части Европы.

По сравнению с другими белорусскими литературными областями, да и вообще восточнославянскими, литература белорусов Польши XV–XIX вв. предстает перед нами в качестве литературы пограничной, которой свойственна особая острота и полемическая заостренность. Литература эта многофункциональна, полифонична и многоязычна. Ее произведения создавались на церковнославянском, старобелорусском, польском, латинском и других языках и их вариантах. Ее авторы очень рано обращаются к идеям, которые, вероятно, можно было бы назвать протонациональными. Первым в подобном списке со всей определенностью может быть поставлено имя выходца из старинного рода мещан города Бельска, первого настоятеля Супрасльского Благовещенского монастыря, замечательного книжника и писателя о. Пафнутия Сегеня. Без сомнения, самым значительным его последователем в первой половине – середине XVI в. и непосредственным преемником стал о. Сергей Кимбар, литературное наследие которого во многом меняет наше представление о путях развития не только старобелорусской письменности, но и восточнославянской в целом.

Об особом богатстве и разнообразии литературы белорусов Польши XV–XIX вв. свидетельствуют уже сами перечневые списки ее произведений, насчитывающие многие тысячи больших и малых сочинений различных прозаических и стихотворных жанров. При этом нами учтены имена нескольких сотен их авторов,

представляющих все без исключения социальные группы тогдашнего населения Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского. В истории белорусской культуры это была самая масштабная и последовательная литературная традиция, никогда не прерывавшаяся в своем развитии и выпестовавшая в конце концов то, что мы называем теперь славянским национальным возрождением XIX в. и белорусским национальным возрождением.

Непосредственный многовековой прямой контакт с Западом и его культурой способствовал появлению особого колорита во всех явлениях и событиях местной литературной жизни, обогащению славянского мира и белорусского литературного пространства множеством различных переводов с ряда европейских языков, а также многочисленными переделками западноевропейских произведений. Здесь же всегда было заметно присутствие и иных литературных культур, прежде всего иудейской и отчасти мусульманской. Весьма своеобразное влияние временами исходило и со стороны балтского язычества. Тому есть многочисленные примеры, которые пока специально нами не изучались.

Литература белорусов Польши XV–XIX вв. всегда оставалась особым, временами достаточно замкнутым, полилингвистичным монолитом, формировавшимся усилиями многих поколений самых разнообразных авторов, поддерживавших широчайшие связи со всеми уголками Европы, не исключая и окраины континента, такие, как болгарские или сербские Балканы и равнины Московии. Постепенно в здешнем литературном сообществе сформировалось несколько больших и малых литературных школ, возникли различные литературные центры, отдельные из которых оказали влияние на развитие не только белорусской культуры, но и украинской, польской, русской.

Достаточно рано здешнее литературное пространство по всем признакам стало подлинной первоосновой формирования национальной интеллигенции, по сути, явилось созидательницей ее, как, например, имело место в случае с профессором о. Михаилом Бобровском. Наконец, оно оказалось одним из первоэлементов зарождения мировой славяноведческой науки, появления славистики у народов Западной, Восточной и Центральной Европы.

Список иллюстраций

Схематическая карта западной границы Великого княжества Литовского с Подляшьем в 1546 г. (по Л.Р.Козлову)	8
Лист Супрасльского пергаменного кодекса XI в. с кириллической азбукой и рисунками, выполненными в период нахождения рукописи на Подляшье	26
Лист 221 библейского свода Матфея Десятого 1502–1507 гг.	27
Лист 32 копии 1631 г. Супрасльского <i>Суботника</i> или <i>поминника</i>	28
Титульный лист <i>Евангелия учительного</i> (Заблудов, 1569)	36
Герб Г.А. Ходкевича из <i>Евангелия учительного</i> (Заблудов, 1569)	37
<i>Слово на Вознесение Господне</i> Святителя Кирилла Туровского в <i>Евангелии учительном</i> (Заблудов, 1569)	38
Лист <i>Евангелия учительного</i> (Заблудов, 1569) с собственноручной вкладной записью вдовы Г.А. Ходкевича в Супрасльский монастырь	39
Предисловие к <i>Псалтыри с Часословцем</i> (Заблудов, 1570) Ивана Федоровича Москвитина	40
Титульный лист <i>Евангелия</i> В. Тяпинского в составе конволюта супрасльского архидиакона Иевстафия	56
Рукописное предисловие к <i>Евангелию</i> В. Тяпинского в составе конволюта супрасльского архидиакона Иевстафия	57
<i>Житие Кирилла Философа</i> , помещенное в Супрасльской рукописи XVI в.)	129
Титульный лист <i>Супрасльского Ирмологиона</i> (конец XVI – первые годы XVII в.	130
Лист 67об. <i>Супрасльской летописи</i> XVI в. (<i>Волынской краткой летописи</i>)	131
Титульный лист <i>Анфологиона сиреч Праздней</i> , переписанной в Супрасльском монастыре иеромонахом Гервасием Кищичем на заказ прихожан Козмодемьянской церкви из села Рыболы	132

Лист рукописного сборника со стихами «дьяка монастыря Супраскаго» Афанасия Селецкого, написанными в 1610 г.: «Утверди нас Господи у вери стояти, а от Востока к Западу не отступати»	133
Титульный лист <i>Букваря языка славенскаго</i> (Супрасль, 1715)	155
Изображение иконы Богоматери Супрасльской и молитва к Ней в супрасльских изданиях XVIII в.	156
Страница <i>Букваря</i> (Супрасль, 1761)	157
Титульный лист <i>Служебника</i> (Вильно–Супрасль, 1692–1695)	171
Титульный лист <i>Октоиха си есть осмогласника</i> (Супрасль, 1728)	172
Страница <i>Последования постригу</i> (Супрасль, 1697)	196
Титульный лист <i>Лексикона сиреч словесника славенскаго</i> (Супрасль, 1722)	197
Граф Николай Петрович Румянцев	220
Профессор Игнатий Данилович	221
Профессор о. Михаил Бобровский	222
Копия <i>Супрасльской рукописи</i> XI в., сделанная рукой о. Михаила Бобровского	223

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Библия в западнобелорусском культурном пространстве	9
История Заблудовской типографии	29
Архидиакон Иевстафий и наследие Василия Тяпинского	41
Книжность Супрасльской обители	58
Между Востоком и Западом Европы	134
Книжная культура белорусов бельской земли в XVIII столетии	158
Литургическая и околотургическая литература XVII– XVIII вв.	173
Посланцы Подляшья и канцлер Н.П. Румянцев: Археографические труды И. Даниловича и о. Михаила Бобровского	198
Заключение	224
Список иллюстраций	226

ЛИТЕРАТУРА БЕЛОРУСОВ ПОЛЬШИ
(XV–XIX вв.)

Щавинская Лариса Леонидовна,
Лабынцев Юрий Андреевич

Ответственный за выпуск *Т.И.Роцина*

Подписано в печать 19.03.03. Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура ТАЙМС.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 150 экз. Заказ 28.

Национальная библиотека Беларуси. 220636, Минск, Красноармейская, 9. Напечатано на
ризографе Национальной библиотеки Беларуси. 220636, Минск, Красноармейская, 9.

